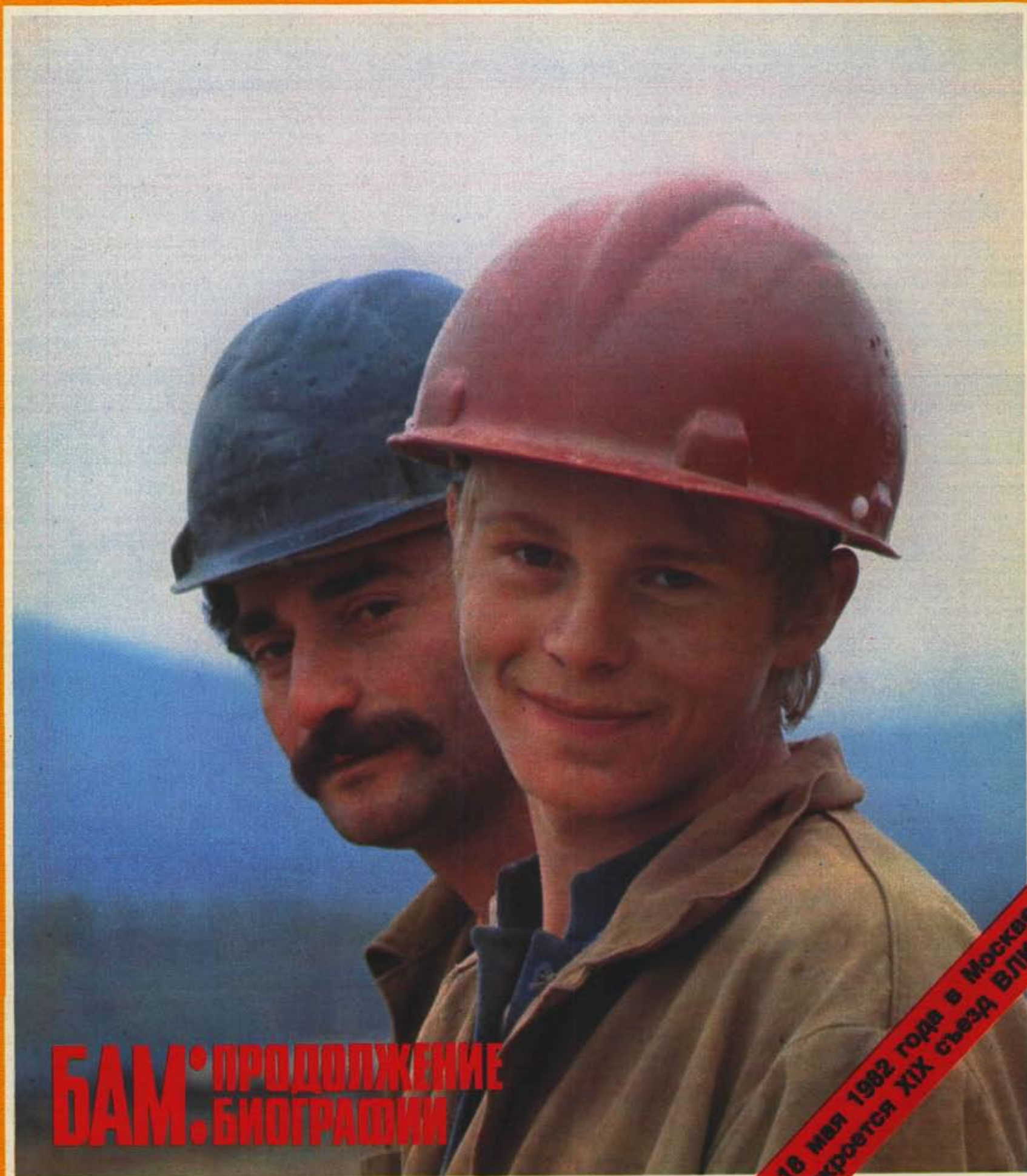

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1981

**БАМ: ПРОДОЛЖЕНИЕ
БАМ: БИОГРАФИИ**

**18 мая 1982 года в Москве
откроется XIX съезд ВЛКСМ**

ТАМ, В АФГА

1

Вертолет словно завис над землей. Слева до самого горизонта океанской зыбью простирались красные барханы Регистана, справа — мертвые горы, а под нами — словно термитники, прилепившись друг к другу, глинобитные жилища кишлаков. Отчетливо видны воронки от бомб, пробитые купола крыш, следы пожара — этот поселок захватила крупная банда душманов, и здесь произошел тяжелый, ожесточенный бой с применением танков, артиллерии и авиации.

Экипаж афганского вертолета ведет последнюю воздушную разведку перед операцией, которую проводит 2-й корпус Народной армии. По данным ХАДа — органов безопасности, после поражения в горах контрреволюция свила гнезда в некоторых кишлаках зеленой зоны Кандагара. Один из главарей банды показал, что в комитете «Исламской партии Афганистана» разработаны планы захвата Кандагара и провозглашения «Южно-Афганской исламской республики» и что будто уже образовано ее правительство.

До рези в глазах всматриваюсь сверху в узкие — танкам по ним не пройти — улочки, глубокие, как колодцы, дворики, пышные заросли виноградника, в которых можно укрыть и полк и дивизию. Ни души! Высоко летим? Но тут борттехник Алиакбар тронул меня за плечо, показал вначале в сторону пустыни Регистан, а затем гор, и я увидел черный пунктир из артиллерийских орудий, танков и бронетранспортеров: части и подразделения афганского корпуса выходили на исходные позиции. Пуля, внезапно пробившая днище вертолета, подтвердила: идет война.

...На передвижном КП корпуса нас встретил комкор полковник Мухаммад Кабир. Невысокий, плотно сбитый, с умным волевым лицом, он весело и энергично поздоровался с нами, кратко изложил план операции.

— Душман сегодня действует иначе, чем раньше: открытого боя не принимает, «растворился» в горах, кишлаках. В прошлый раз мой «дружок» Гульбудин Хакматиар, «главнокомандующий вооруженными силами исламской партии Афганистана», как он себя называет, навязал нам боевые действия в этом населенном пункте. Банда была разгромлена, «дружок» мой ранен, еле унес ноги за границу. По данным разведки, контрреволюция вновь свила здесь свои подпольные гнезда. Наша задача — найти и обезвредить душманов.

Мне уже рассказывали эту в общем-то обычную для любой революции историю. Когда-то полковник Кабир сидел с Гульбудинем за одной партией в школе. Апрельская революция круто изменила судьбу каждого: один стал злейшим врагом революции, другой остался с народом и теперь командует лучшим, самым боеспособным корпусом афганской Народной армии, неизменно побеждая в боях своего бывшего одноклассника.

— Ну, что ж, — полковник Кабир посмотрел на часы, — пора начинать.

Прозвучала команда, и серые густые цепи афганских солдат-автоматчиков двинулись на высокие глинобитные стены с узкими прорезями-бойницами. С начальником политотдела дивизии старшим капитаном Мухаммадом Анваром, пропагандистом полка старшим лейтенантом Хозратширом, рядовыми Алюлой из Фараха и Расулом из Гурама двинулись вслед за ними и мы. Жаркое солнце греет спину, белая глина стен слепит глаза. Тишина. Удар солдатского ботинка в калитку звучит выстрелом. Входим во дворик — будто шагнули через века. Как описать афганское жилище, которое словно специально создано для обороны? Душманы, захватив кишлак, каждое такое жилище превращают в маленькую крепость. Окруженное внешней глухой стеной, внутри оно, как лабиринт, разделено узкими проходами, клетушками для скота, глинобитными дувалами, в которых пуля вязнет. Здесь ты не видишь своего боевого товарища ни справа, ни слева. Не знаешь, что ждет тебя впереди за этими стенами — граната, пуля, удар кинжала?

Два месяца назад на этих улочках горели танки и бронетранспортеры, падали сраженные в упор защитники революции. Даже из пулеметов и гранатометов душманы стреляли, как из пулеметов, в упор. Мне рассказывали участники тех боев: батальоны и полки разбиты на группы по 5—10 человек. Каждая группа вела бой самостоятельно. Ситуация складывалась

неправдоподобные: солдаты в саду, например, окружали дом с душманами, другие душманы окружали сад с солдатами — получался многослойный пирог... Это был суровый экзамен на зрелость каждого солдата. И ребята его выдержали. Они закрывали грудью своих командиров, бросались в атаки на пулеметы... Настоящий подвиг совершил механик-водитель Байрам Меретсахат, его боевую машину подбили из гранатомета, а затем подожгли зажигательными бутылками. Вспыхнули ящики с боезапасом — взрыв мог последовать в любое мгновение. Байрам был ранен, но, преодолевая боль, круто развернулся, пронесся огненным факелом по поселку и бросил тяжелую машину в канал.

Крупная банда — около 800 душманов — была разгромлена.

Сегодня здесь лишь изредка звучат одиночные винтовочные выстрелы и короткие автоматные очереди, глухие разрывы ручных гранат. Стычки, как пояснил начальник политотдела Мухаммад Анвар, происходят с мелкими группами душманов, проникшими в поселок тайно и застигнутыми врасплох.

Во дворе, около старого персикового дерева, встречает нас хозяин — седобородый аксакал. Вместо документа подает фотографию из семейного альбома, с которой смотрят на нас он сам, пожилая женщина, хозяйка дома, и пятеро их сыновей, двое из которых в форме афганской Народной армии. Старший лейтенант Хозратшир пересказывает суть разговора: «Хозяина зовут Фазиль-Мухаммадом. Ему 65 лет. Живет на доход с небольшого гранатового сада. Того, что продает, хватает на 4—5 месяцев. Ходит на заработки в Иран или Пакистан. Так делал его отец и отец отца. Верит, что наступит новая жизнь. Потому и направил в армию на защиту революции сыновей — Дусмахмата (сейчас он лейтенант, служит в Газни) и Хайрмухамата (где-то в Баглане воюет)...»

— Теперь вот его очередь идти в армию, — с гордостью представляет старик своего третьего сына, Алиахмата.

— Спасибо, отец! Революции, нашей армии очень нужны преданные солдаты, — говорит Мухаммад Анвар.

В афганской армии всегда были ощутимы революционные настроения. Партия, еще находясь в подполье, имела в среде военных сильную организацию. Именно армия, руководимая партией, поднялась на свержение Дауда: танк Ватанджара, стоящий сегодня на постаменте в Кабуле, начал восстание; истребитель-бомбардировщик Кадыра атаковал президентский дворец... Однако создание подлинно народной революционной армии — дело не простое. Сегодняшняя афганская армия переживает сложный период перестройки, превращается в армию нового типа — армию рабочих и крестьян, хорошо сознающих, за что они воюют.

Рядовые Алюла из Фараха и Расул из Гурама — наши «телохранители» — росли в глухих горных кишлаках. Оба с детских лет хранят в памяти горькую батрацкую долю, жгучую боль от байских плетей. Они не первый год в армии. Когда закончился двухлетний срок службы, Алюла сказал командиру: «Сейчас не время думать о своем маленьком доме, надо думать о большом доме — родине. Пока всех душманов не уничтожим, я буду солдатом». В тридцати трех боевых операциях принимал участие Алюла. Более трех лет не имеет известий о судьбе братьев, сестренки, отца и матери, с которыми расстался он еще до Апрельской революции. «Воюет дерзко. Первым поднимается в атаку, последним покидает поле боя», — говорят о нем командиры.

Я спросил Алюлу, чем он думает заняться после окончательной победы.

— Поеду домой, в горы. Я теперь знаю, как надо строить новую жизнь.

Да, сегодняшняя афганская армия — это политическая школа, которую проходят десятки тысяч вчерашних батраков, кочевников, обездоленных, неграмотных людей. Враги афганской революции с первых дней начали острую борьбу за солдат: засылали в части и подразделения своих агитаторов, препятствовали набору призывников (нередко силой отправляли юношей призывного возраста в Пакистан, на базы террористов); чтобы заставить солдат бросить оружие, вводили в горы заложниками их семьи. Ложь и месть, террор и шантаж — все было пущено в ход. Тщетно.

Качественно изменился ныне офицерский корпус афганской армии: на смену офицеру из знати, из среды феодалов, приходит офицер из народа.

Старший лейтенант Хозратшир — наш «переводчик» — с детских лет вместе с отцом гулял спину на хана Шармахамада. Ему, однако, удалось окончить восемь классов, поступить в Кабульский автомеханический техникум. Здесь он изучил русский язык. («Передайте, пожалуйста, огромный привет нашему учителю Валентине Александровне Коломеец, она, кажется, с Украины...») С третьего курса Хозратшир уходит в армию. Заполнит роты, батальона, пропагандист полка — десятки боев, тысячи километров смертельно опасных горных троп, сотни безграмотных парней, поставленных им, Хозратширом, в революционный строй, — такова судьба этого человека.

...Близко над нами пропела пуля, и нашу группу немедленно возвращают на командный пункт. Комкор полковник Кабир сообщает: «Большого боя не будет. Захвачено несколько складов оружия... Королевскую виллу не желаете посмотреть?» Он показал на высокий замок-дворец, господствующий над всей зеленой зоной.

Королевская вилла, бывшая, конечно, — это надежная каменная крепость на склоне горы, которую занимает теперь местный отряд защиты революции. Такие отряды из бедняков, преданных революции людей, создаются по всей республике для защиты своих домов и кишлаков от душманов.

По узкой, иссеченной пулями и гранатами лестнице, мимо суровых чернородых и седобородых, опоясанных крест-накрест пулеметными лентами и патронташами часовых, поднимаемся на плоскую крышу, с которой видно все, как с низко летящего вертолета. И оказываемся в плотном кольце вооруженных людей — стариков и подростков. Поражает «ассортимент» оружия: винтовки английские, автоматы наши — ППШ и АКМ, китайские, египетские, пулеметы испанские, гранаты пакистанские, пистолеты бельгийские...

— Алиакбар, командир отряда защиты революции, — представляется по-русски лейтенант цирандо (милиции). — Нам еще трудно, — говорит он, — у нашего дехканина свой веками устоявшийся мирок: пара быков в упряжке, деревянная соха, родовой феодальный князек, чья воля — закон, деревенский мulla — незыблемый авторитет... Но сегодня в умах людей уже произошел перелом, сделан выбор. Победа будет за нами...

...Что-то прокричал наблюдатель, толпа расступилась, и мы с командиром оказались на краю крыши. Наблюдатель — мальчишка лет 13—14 с ППШ на плече, приклад которого обмотан голубой изолентой, говорил возбужденно, показывая рукой вдаль, за реку.

— Душманы, — сказал Алиакбар, подавая мне бинокль.

За рекой в траве я разглядел темные фигурки. Четыре или пять. Потом я увидел, что их преследует группа афганских солдат. Рядом сердито заработал пулемет. После третьей или четвертой очереди фигурки пропали и больше не появились. Блестела река. Резало до боли глаза белое афганское солнце.

— Вот так живем, — поднимаясь от пулемета, проговорил Алиакбар, лейтенант цирандо.

II

На одной из тихих, утопающих в зеленых садах улочек Кандагара занимают сейчас дворец удравшего после победы Апрельской революции миллионера (и живут, и работают, и, случается, бой ведут здесь же) работники ХАДа — органов государственной безопасности. Отряды «Защита революции» (наподобие наших чоновских времен гражданской войны, они создаются сейчас в ДРА повсеместно для борьбы с контрреволюцией) провели успешную боевую операцию — захватили склад боеприпасов и 14 душманов-террористов.

Они проходят через небольшую, со следами пуля на стенах кабинет начальника ХАДа — молодые и старые, в белых чалмах (суниты) и в черных (шииты), молчаливые и словоохотливые, бородатые и безбородые. И в блокноте у меня остаются вот эти записи...

Абдулджалил: «За убийство активиста НДПА, при подтверждении других «честных мусульман», мне платят 10 тысяч афгани, но если я принесу голову, получу 50 тысяч». (Разнорабочий в Афганистане зарабатывает около двух тысяч афгани в месяц.)

Саид Хусаин, головорез из спецгруппы смертников Гульбуддина Хекматиара, рассказывает: «Наша глав-

НИСТАНЕ

ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ РАЗВЕВАЕТСЯ НАД ДВОРЦОМ РЕСПУБЛИКИ В КАБУЛЕ.

ная задача сегодня — работа в массах. Мы просто стали умнее — перестали резать, карать единоверцев-мусульман в открытую. Для этого образованы при исламских комитетах «суды справедливости». Акты террора — убийство учителей, работников цирандоя, членов кооперативов, активистов — мы осуществляем, переодеваясь в боевую форму солдат афганской Народной армии...» И он подробно рассказал, как в зеленой зоне Кандагара их группа под видом военных патрулей расправилась с шестью активистами. А в самом Кандагаре они застрелили восьмилетнего ребенка, отец которого работал в местных органах власти. В районе ключа Чахи-Балучи четверо бандитов, переодевшись в советскую военную форму, расстреляли 56 мирных жителей. Другие бандиты собрали трупы, привезли их в Шиндат и организовали траурное шествие...

Ширали (видимо, это кличка): «Нет, я не террорист, я вербовщик. Занимаюсь набором юношей и мужчин в наши учебные центры. Как это происходит? Исламский комитет (он может находиться на территории Афганистана или Пакистана, это не имеет значения) издает «закон о призыве на военную службу» юношей в возрасте от 18 до 20 лет или всего мужского населения, способного носить оружие. Слуги аллаха (вербовщики) доставляют тексты этого закона в кишлаки, «призывников» собирают в группы и переправляют за границу...»

Тексты этих «законов» строго выдержаны в древнем восточном стиле: «Во имя аллаха, всемирнолюбивейшего и всемирнолюбивейшего, достоиннейшего, да позволено будет обратиться к вам...» Далее перечисляются обязанности перед аллахом, братьями-мусульманами и непосредственно перед адресатом. И только после этого следует приказ — отправить с подателем письма столько-то юношей и мужчин. Если все это не действует на старейшин, зачитывается «жесткий вариант», где нота «благочестивости» подменяется нотой тихой угрозы — «не гневите аллаха». В том случае, когда и это не возымает действия, поступает (уже анонимно) грозное требование: к такому-то числу подготовить и поставить в такое-то место столько-то юношей и мужчин. Иначе... Карательные меры душманов отличаются средневековой жестокостью.

С этими ясно: все они враги непримиримые. Абдулджалил в прошлом, еще при короле, занимался грабежом на дорогах, убийство — его профессия; Саид Хусаин и Ширали — крупный феодал и богатый торговец. Такие будут драться за утерянное до конца. Но среди душманов есть, безусловно, и другие — обманутые муллами, запуганные и подкупленные врагами.

Привел молодого, лет двадцати, террориста, на совести которого семь убитых активистов. Быстрый, стреляющий ненавистью взгляд, но руки, словно сами по себе, складываются ладонь к ладони у груди, выражая подобострастное почтение. И в разговор он вступает охотно.

- Имя?
- Фарук сын Сардармахмама.
- Национальность?
- Пуштун.
- Возраст?

НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ ПОДДЕРЖИВАЕМ! МАНИФЕСТАЦИЯ В КАБУЛЕ.

- Двадцать два года.
- Происхождение?
- Отец — мелкий торговец, отец отца — мелкий торговец...
- Умеете ли вы читать?
- Нет.
- Что вы знаете об Апрельской революции?

— Когда служил в армии. (Фарук сын Сардармахмама уволился из рядов афганской Народной армии восемь месяцев назад), офицеры говорили, что произошла революция для народа. Вернулся домой, мулла говорит: «Никакой революции не было...» Давал лепешку и патрон, говорил: «Иди, убей солдата — получишь три лепешки и три патрона...»

- Ну, а что вы сами думаете о революции?
- Я сам ничего не думаю: мулла ближе к аллаху — он все знает.

— Но аллах запрещал убивать невинных людей...
— Вам надо поговорить с муллой.
— Хорошо. Расскажите, чем вы стали заниматься, когда вернулись домой из армии. Отцу помогать в дукане?

— Нет. Я служу «Исламской партии Афганистана» в спецгруппе смертников Гульбуддина Хекматиара.

— Как туда попали?
— Пришли люди из Пакистана. Мулла свел меня с ними. От тех людей через муллу я стал получать задания...

- Какие задания давал мулла?
- Вначале мы воровали и перегоняли машины в Пакистан, собирали деньги и оружие, но потом меня ввели в спецгруппу, и мы стали убирать тех людей, которых называл мулла.

— Вам эти люди что-нибудь плохое сделали?
— Нет.

— Революция вам лично что-нибудь плохое сделала?
— Нет.

— Что вы сейчас обо всем этом думаете?
— Если бы меня сейчас освободили и помогли переехать в Кабул или другое место, я стал бы работать, кормить семью...

...Увели последнего душмана-террориста. В кабинет незаметно вползли сумерки. Мы сидели

АВТОМАТ И ТЕТРАДЬ... ДЛЯ ЭТИХ КРЕСТЬЯНСКИХ ПАРНЕЙ АРМИЯ РЕВОЛЮЦИИ — И ШКОЛА ГРАМОТЫ И ШКОЛА ЖИЗНИ.

молча — то ли наступающая темнота к беседе не располагала, то ли так подействовала на нас встреча с врагами. Потом где-то рядом хлопнул одиночный винтовочный выстрел, ему сердитой скороговоркой ответил автомат, а еще через минуту началась злая, беспорядочная перестрелка.

Кто-то грузно пробежал по коридору, кто-то — совсем еще мальчишка, но с автоматом — влетел в кабинет, получил, видимо, замечание от начальника, потому что обратно выходил подчеркнуто спокойно. Перестрелка закончилась так же внезапно, как и началась.

Начальник ХАДа встал, открыл сейф, достал толстую тетрадь, исписанную арабской вязью, медленно подбирая слова, сказал по-русски:

— Все больше и больше из тех, кто воевал против нас, переходят на сторону революции. Многие включаются в нашу борьбу, помогают нам. Нас, работников ХАДа, мало, но мы в своей работе опираемся на людей, и это позволяет вести успешную борьбу с контрреволюцией.

В тетради, которую мне показал начальник, сотни

разведданных от добровольных помощников революции: «Рустам» сообщал из Пакистана, что в зону Кандагара на машинах «Бенц» и «Симург» направлено шестьсот единиц противовоздушных средств типа «Рэд-ай», «Фаида», то же из Пакистана — о секретном совещании в Чемане, в котором приняло участие несколько десятков главнейших банд; «свой человек» из улусвали Аргандаб (пригород Кандагара) передал карту дислокации бандитских групп в зеленой кандагарской зоне: банды Малави Ахтар Мухамеда (450—500 человек) и Бродари Хафиза (600—700 человек) разместились в непосредственной близости — в селениях Чус Лахур и Дачагин; в Табине новым главнейшим банды (800 человек) избран Хаддин Абдулахан. На вооружении этой банды — автоматы, гранатометы, четырехствольные зенитные установки. И так далее, и так далее...

Мне довелось принять участие в работе зонального партийного совещания. Уполномоченный по зоне «Юг» министр культуры и информации товарищ Сарбалад сказал: «В весенних и летних боях прошлого года мы разгромили все крупные бандитские формирования. Но необъявленная война, навязанная нашему народу империализмом и маоизмом, продолжается. Каждый выстрел, акт саботажа и террора — это следствие иностранного военного вмешательства. Душман изменил тактику: спустился с гор, ведет активную работу в массах, создает в селениях свои органы власти. Со многими районами у нас утеряна связь — они контролируются мятежниками...»

Где формируются банды мятежников? Кем и как вооружаются? На какие средства?

В органах безопасности ДРА имеются списки около двухсот спецлагерей, учебных центров и баз — осинных гнезд врагов афганской революции. Основная часть антиафганских банд формируется в Пакистане, где располагается около 80 спецлагерей и баз. Это Факирдабад-2 (там в здании «Хаджи даул билдинг», что напротив парка «Шахибаг», находится штаб-квартира «Исламской партии Афганистана»); Гульгатор-2, Мирамшах, Банчу... В Китае основная масса баз и лагерей сосредоточена в провинции Синцзян, в непосредственной близости от границы ДРА. Осинные гнезда контрреволюции присосались к ряду городов и военных гарнизонов Египта, Саудовской Аравии, Израиля и даже отстоящих на тысячи километров от ДРА Японии и ФРГ. До недавнего времени около сорока лагерей открыто функционировали и на территории Ирана — пока аятолла Хомейни не отдал распоряжение о запрещении деятельности афганской антиправительственной группировки «Джамиати ислами», главный центр которой находится в Мешхеде.

Между государствами, примкнувшими к позорному антиафганскому пакту, существует своего рода «разделение труда»: Китай обеспечивает бандитов минометами и стрелковым оружием; США — ракетами класса «земля—воздух», минометами, «джипами» с огнеметами, гранатами и минами последних образцов; ФРГ — противотанковыми ракетами; Япония — полевыми радиостанциями; Египет — ручными противотанковыми гранатометами... Вооружение и инструкторы на основную антиафганскую базу, в которую США и Китай превратили Пакистан, продолжают прибывать нескончаемым потоком по Каракорумскому шоссе, через морские порты Карачи и Гвадар, воздушным путем.

...По темному коридору, по узкой лесенке, мимо окон, заложённых камнями и превращённых в бойницы, спускаемся в маленький, темный, как колодезь, дворик, где нас ожидают отправляющиеся на боевое задание молодые — от 15 до 25 лет — защитники революции. Они одеты в национальную одежду, под которой угадываются автоматы.

Среди «боевиков» я узнал бесстрашного разведчика Навруза (это тоже псевдоним). Его судьба — это судьба тысяч афганцев. Отца-деханнина у него на глазах зверски убили байские приспешники. Немало горя хлебнул. Поэтому и принял всем сердцем революцию, с первого дня — в рядах ее защитников, на одном из самых трудных участков. Он работает среди врагов, малейшая неосторожность грозит ему свирепой и страшной расправой. Но, выследив очередную банду, он каждый раз рвется в бой.

Познакомился я с Наврузом накануне операции — он только что вернулся из стана врагов. О многом мы успели поговорить, а на прощание Навруз сказал:

— Я не боюсь смерти, потому что борюсь за свободу и справедливость моей родины, моего народа. Я чувствую себя счастливым, когда мне удастся обезвредить бандита.

...Темные фигурки выскальзывали в узкую калиточку и тут же растворялись в зыбкой ночи настороженного, словно притаившегося в засаде города. Порой то на окраинах, а то и в самом центре вспыхивала яростная перестрелка, и тогда красные трассеры чертили на черном бархате неба свои смертоносные узоры.

Город жил, город боролся. Против сил вчерашнего дня. За будущее.

Алексей МАЛЬЦЕВ

На реке

Каждый год — одна картина.
Посреди большой реки,
Там, где самая стремнина,
Вырастают островки.

Вот уже лет десять кряду
Тут уж так заведено:
Землеройные снаряды
Углубляют, чистят дно.

А река, видать, не верит,
Что у них благая цель.
Подрывает правый берег.
Намывает в русле мель.

И нашла коса на камень...
Кто сильнее, кто тут прав —

Люди с мощными руками
Иль стихии вольный нрав?

В этом вряд ли есть сомненья
Сколько было их, других...
Мы, в невиданных сраженьях,
Усмиряли не таких!

Можем выпрямить течение,
Заковать в бетон, унять,
Дать другое назначение —
Запрудить, направить вспять.

Можем сделать все на славу,
Можем сделать на века.
Только жаль чего-то, право...
Ведь без собственного нрава
И река — не та река.

Ветеран

У дороги, над самым обрывом,
Тихо дремлет израненный вяз.
Весь в корявых наростах, наплывах,
Сгорбил плечи, стволем искривясь.

А вдали в золотистом наряде
Сосны к небу взметнули хвою.
Корабельные, как на параде,
Неподвижно застыли в строю.

Вязу помнятся годы лихие —
Шли лавиною льдины с озер,
Он собой заслонил от стихии
Половодьем затопленный бор.

Он стоит, переживший невзгоды,
О былой красоте не скорбя,
И удары любой непогоды
Самым первым берет на себя.

Я люблю это дерево в шрамах,
Пусть другие легки и стройны.
В нем есть доблесть бойца-ветерана
Прогремевшей над миром войны.

И пускай не увенчан он славой,
И пускай он не знает наград,
Но для всех проходящих по праву
Он лесной открывает парад.

Гроза

Качнулся лес под резким шквалом ветра,
И взвился шум, тревожен и тягуч.
И с ропотом клонились долу ветви
Под тяжестью свинцом налитых туч.

Кружился вихрь в каком-то диком вальсе,
Тряслись осины, ежились кусты.
И каждый ствол верхушкой отбивался
От наседавшей мрачной черноты.

А у корней, в замшелом буераке,
Прошлась по раске легонькая рябь.
И муравьи, не ведая о страхе,
Не торопились бег свой ускорять.

Но польхнули вдруг поверх деревьев
Огнем по небу злые письма...
Вот так беды не чуяла деревня,
Пока с небес не грянула война.

Рисунки Виктора БЫЛИНКИНА

Я помню век тележных скоростей
На грузовик впервые сел подростком
И все боялся не собрать костей —
Привыкнуть к новой скорости не просто.

Потом помчалось время все быстрее,
Я помню первый взлет на самолете,
Когда земля сама рванулась встречь
И завалился набок лес далекий.

Теперь и лайнер нам как дом родной,
Мы без мотора словно бы калеки,
Но вновь поевет милой стариной,
Едва заслушу грустный скрип телеги.

Век реактивный не взнуздать уже,
И старт ракеты ныне — словно выстрел
А как же быть медлительной душе?
Она ведь не меняется так быстро.

В послевоенной электричке

Певец вагонный по привычке
К тальянке голову склонил
И праздный говор электрички
Движеньем тем угомонил.

Тряхнул нечесаную гривой,
Гармонь поправил на ремне
И затянул, завел с надрывом
Рассказ печальный о войне.

О горькой доле человека,
Кого в расцвете юных лет
Она оставила калекой
И погасила белый свет.

А люди тягостно молчали,
Казнить и миловать вольны.
Они певца не уличали,
Что был он слеп и до войны.

Глядели скорбными глазами,
Поняв простой его расчет.
Но денег в кепку не бросали —
Уж пел бы что-нибудь еще!

И он смутился, пристыженный,
И пробиваться стал к дверям.
Кому он врал? Солдатским женам,
Осиротевшим матерям.

У самой двери оглянулся,
Ручкой гармошку придержал.
И как-то жалко улыбнулся
И подбородок задрожал.

Сквозь щелки глаз его незрячих
На свет протиснулась слеза.
О чем он думал, слез не пряча?
О чем хотел в сердцах сказать?

Жалел ли он, что зря трудился?
А может, клал судьбу вдвойне,
Что сам он так и не сгодился
Со всеми вместе на войне...

Год рождения 1923-й

Они теперь глядят на нас из рамок
Застывшим взглядом тех далеких лет.
Они, войну познавшие так рано,
Теперь давно б ходили в ветеранах,
Когда бы не был их оборван след.

Они ушли без долгой подготовки,
Чтоб подпереть шатнувшийся редут.
Им, не имевшим воинской сноровки,
Вручили спешно новые винтовки
И всю страну, попавшую в беду.

И на Днепре, под Харьковом,
у Вязьмы

Они стояли насмерть, как могли.
Держались на одном энтузиазме,
И танковые клинья в них увязли.
И сами парни тоже полегли.

Им на портретах вечно оставаться
С пушком еще не бритым на щеках.
И незасорно нам теперь признаться,
Что в памяти людской в свои
семнадцать
Они и нас переживут в веках.

Отчий дом

Где бы ветры меня ни носили,
Он всегда вспоминался, маня,
Этот дом посредине России,
Что, наверно, заждался меня.

Вот он — старенький, весь в повилিকে.
Я не видел его так давно.
Вот на скрип обветшавшей калитки
Мать с испугом взглянула в окно.

Боль моя! Я носил тебя всюду,
В истомившемся сердце берег.
Ты прости меня, мать, я не буду
Покидать свой родимый порог.

Ну зачем же из глаз твоих льются
Эти слезы? Смахни их платком.
Как приятно мне в сенцах разуться
И пройтись по избе босиком.

Как приятно увидиться с полем,
Поспешить на свиданье к реке.
Где найдешь вот такое раздолье,
Ширь для глаз, как у нас на Оке?

Где увидишь такую же просинь,
Купол неба такой высоты?
Эх, зачем нас нелегкая носит
В стороне от родной красоты!

Мне бы жить тут, под небом высоким,
Всей душою к истокам припав.
Жадно впитывать вешние соки,
Запах пашни и скошенных трав.

Мне бы слушать протяжные песни,
Забывая в тот миг о себе...
Но однажды вдруг станет мне тесно
В нашей низенькой старой избе.

Раскритится охрипший динамик
Голосами тревожной земли,
И взволнует меня, и поманит,
И напомнит, как мир наш велик.

Позовут меня снова дороги
В край, где я на сегодня нужней.
И останется мать на пороге,
И ее одиночество с ней.

Ты на долю, родная, не сетуй,
Будут встречи еще впереди.
Я вернусь, поскитавшись по свету,
Только ты непременно дождись.

И опять, где б меня ни носило,
Буду счастлив уж тем, что ты есть.
Вся бескрайняя наша Россия
Для меня начинается здесь.

Конкурс одного стихотворения

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Александр ПОТАПОВ,
комсомольский работник,
Рязань

Материнский наказ

Сказала мама строго:
«Ты должен знать, сынок:
Бесцельная дорога
Длиннее всех дорог.
Ступай, сынок, и помни:
В пургу, под вьюжный свист,
Найдут дорогу кони,
Коль сам ты не раски.

Шагай смелей по свету,
Тори свой долгий путь.
Будь сердцем чист и светел
И друга не забудь».

Твои заветы, мама,
Я выполнил, как смог.
Я исходил немало
Нехоженых дорог.

Но если где-то все же
Сбивался я с пути,
Суди меня строже,
А осудив — прости.

Виктор ФЕТЬКО,
бригадир СМУ,
г. Темиртау

Ах, деревья мои придорожные —
неизбывная с детства печаль!
Ветром ломаны, выгогой морожены,
вам бы криком от боли кричать,
но стоите вы тихо, безропотно,
оторвавшись от звонких дубрав,
только что-то тревожное шепотом
все твердите о силе добра.
И готовы любому прохожему
отдавать свою скудную тень.
Как же, милье, очень похожи вы
в жизни вашей на добрых людей!

Герман КРУПИН,
учитель,
Москва

Закат на Москве-реке

Как пламя под налетом пепла,
Дрожит беспомощно закат,
И трепетные руки ветра
Листву немую теребят.

Лениво, мягко плещут волны,
Река рассеянно светла,
И отражаются в ней ровно
Заката жаркие крыла.

Литое тело теплохода
Скользит бесшумно и легко.
Темнеет лес, светлеют воды,
И до звезды недалеко.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1308) НОЯБРЬ 1981

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
МОЛОДЫЕ
СТРОИТЕЛИ БАМа.

Фото
Алексея
ФЕДОРОВА

Фотоочерк
«В ЛАДОНЯХ ГОР»
на 4-й странице.

1 Петр СТУДЕНИКИН. «ТАМ, В АФГАНИСТАНЕ».

2 Стихи Алексея МАЛЬЦЕВА.

4 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. УДАРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.
«В ЛАДОНЯХ ГОР».
Фотоочерк Анатолия БАРАНОВА и Альберта ЛЕХМУСА.

7 Рассказ Екатерины СУДАКОВОЙ «СИНИЙ ШУМ».

10 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ КОМСОРГА.
Яковас ШАДЯВИЧУС. «ВСЕГДА ПРИСТРАСТЕН».

12 АВТОБИОГРАФИИ.
Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР.
«РОЛИ ПРЕДЛАГАЕТ ЖИЗНЬ».

14 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.
ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ.
«МАЛЕНЬКОЕ ОКНО В БОЛЬШОЙ МИР».

16 НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

18 Братья ВАЙНЕРЫ. «КАРСКИЙ ПРОРЫВ».

22 Анатолий ТАРАСОВ, заслуженный тренер СССР.
«ТРИ СКОРОСТИ ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА».

25 Наталья ДУРОВА. «ТЕАТР ЗВЕРЕЙ».

26 ЭКСКЛИБРИС «СМЕНИ».

28 МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ.
«ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД КОМАНДОРА».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1981 г.

XIX
СЪЕЗД
ВЛКСМ

УДАРНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО

В ЛАДОНИЯХ ГОР

Байкало-Амурская магистраль — крупнейшая ударная комсомольская стройка. Первые строители магистрали получили комсомольские путевки во время работы XVII съезда ВЛКСМ. С тех пор школу ударной стройки прошли тысячи юношей и девушек. Выступая на XVIII съезде комсомола, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев с особой теплотой отозвался о молодых строителях БАМа. Сейчас передовые бригады комсомольской стройки взяли социалистические обязательства — выполнить план шести месяцев 1982 года к дню открытия XIX съезда ВЛКСМ. Предлагаем читателям материал о строительстве самого сложного объекта магистрали — Северомуйского тоннеля.

Анатолий БАРАНОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Т

оннель — это не дырка в горе. Это прежде всего люди, в горе работающие, наши люди. Никакая техника, даже самая совершенная, ничего не значит без человека. Мы медленно брели по пыльному аэродрому,

и Федор Исхаков, парторг тоннельного отряда № 11, занятого проходкой Северомуйского тоннеля, рассказывал о своих товарищах. Имена многих мне были знакомы еще по строительству Байкальского тоннеля, и у меня возникло странное ощущение, будто я лечу в Северомуйск не впервые, а возвращаюсь после долгой отлучки, и что с Федором Александровичем мы знакомы давно, и аэропорт я этот знаю едва ли не до последней скамейки в тесном зальчике ожидания.

Над аэродромом Нижнеангарска сверкало голубое небо. Даже самый придирчивый взгляд не нашел бы на нем ни одного облачного комочка. Над серень-

кой пропыленной травой переливался горячий воздух. Пассажиры, замученные жарой и ожиданием, искали места в тени, а наиболее нетерпеливые беспорядочно атаковали начальника аэропорта и диспетчеров. И наверняка в сотый раз слышали все тот же ответ: «Над Северо-Муйским хребтом сейчас сильная облачность. Они не пробьются». Они, эти маленькие «аннушки», прятались в тени, отброшенной диспетчерской вышкой. А им, легкокрылым, тоже хотелось в небо. И никто, ни диспетчер, ни летчики, ни начальник порта, не мог назвать даже примерного времени вылета. «Перевал может открыться через десять минут или через пару дней. Запасайтесь терпением, ждите».

...Пять лет назад мы вместе с моим коллегой Альбертом Лехмусом приезжали на строительство Байкальского тоннеля. Проходку его уже закончили, а тогда он только-только начинался. А к главному тоннелю Байкало-Амурской магистрали — Северомуйскому, крупнейшему в стране, — еще только выбрасывали первые десанты строителей. В один из таких десантов пытались попасть и мы. И отступили, узнав, что он надеется добраться до западного портала недели за две, за три: таким временем мы не располагали, командировка заканчивалась. Впрочем, и сейчас, ког-

В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ
СТРОИТСЯ САМЫЙ БОЛЬШОЙ
В СТРАНЕ СЕВЕРМУЙСКИЙ
ТОННЕЛЬ.

да в Северомуйск более или менее регулярно летают самолеты и на дорогу из Нижнеангарска уходит всего лишь полчаса, сутки ожидания кажутся страшной потерей.

Но нам повезло. Пришло вскоре же известие, что первая из «аннушек» готовится к вылету. Когда мы подбежали к самолету, эта новость уже стала «секретом полишинеля», и дюжие ребята в зеленых куртках бойцов студенческих строительных отрядов штурмовали борт, как автобус в часы «пик». Нам еще раз повезло, и уже через несколько минут под крыльями самолета потянулась насыпь будущей железной дороги, разрезанная во многих местах серебристыми змейками горных речушек, параллельно насыпи бежала временная автодорога, похожая на желтую нитку, с нанизанными разноцветными бусинками автобусов, грузовых и легковых машин. А прямо под нами — рукой подать — простирались вершины Северо-Муйского хребта и голубые кедры, похожие на

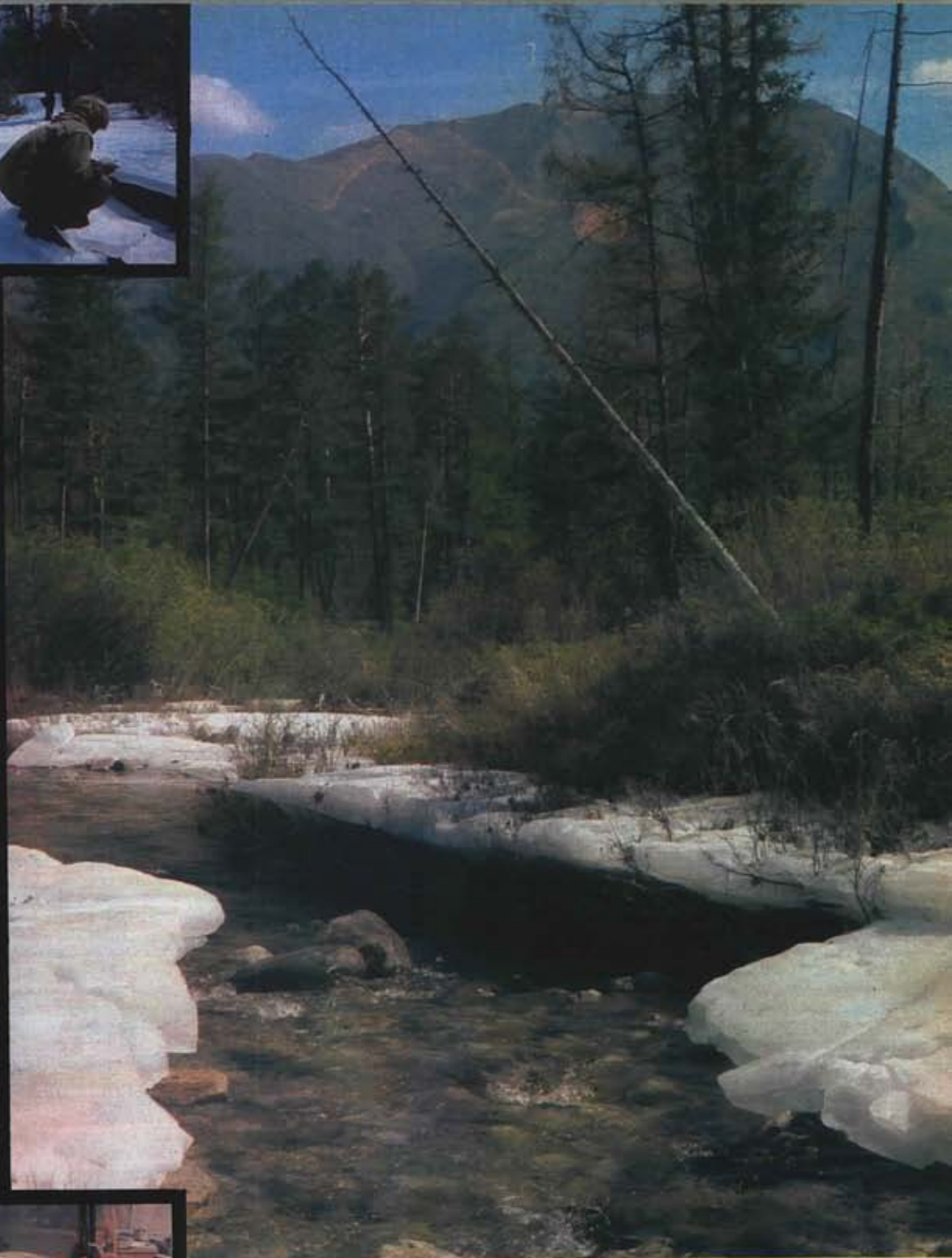
ГИДРОГЕОЛОГИ ИЗУЧАЮТ
ЗАПАСЫ НАПОРНЫХ ВОД
В ОКРЕСТНОСТЯХ ТОННЕЛЯ.

РАБОТНИКИ СТОЛОВОЙ
ДОСТАВЛЯЮТ ГОРЯЧИЕ
ОБЕДЫ ПРЯМО В ЗАБОЙ.

СРЕДИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
СОРЕВНОВАНИЯ МОНТАЖНО-
ПРОХОДЧЕСКАЯ БРИГАДА
ВИКТОРА БАРТА.

альпинистов, покоряющих крутые скалы. Богатейшие места, живущие ожиданием железной дороги.

— Вот мы и дома!—обрадовался Исхаков, едва наш самолетик опустился на крохотной площадке уютного аэродрома, расположенного в самом сердце Северо-Муйского хребта. Отсюда сам Северомуйск был как на ладони. Чистенький, ухоженный городок вырос в ладнях гор. Мне довелось побывать едва ли не во всех поселках, возникших на БАМе, и очень немногие из них по красоте и уюту могут сравниться с базой проходчиков главного тоннеля. Но в отличие от других, которым, быть может, суждены статус городов и прекрасное будущее, Северомуйску навсегда уготована судьба временного поселка. И хотя до окончания строительства тоннеля еще далеко, люди, вложившие душу и деньги в этот прекрасный городок, уже сейчас беспокоятся о его будущем.

— Здесь можно будет организовать прекрасный туристский центр,—говорил мечтательно Федор Исхаков, не туристом, а строителем обошедший полстраны.—А если на склонах гор проложить лыжные трассы, построить подъемники...

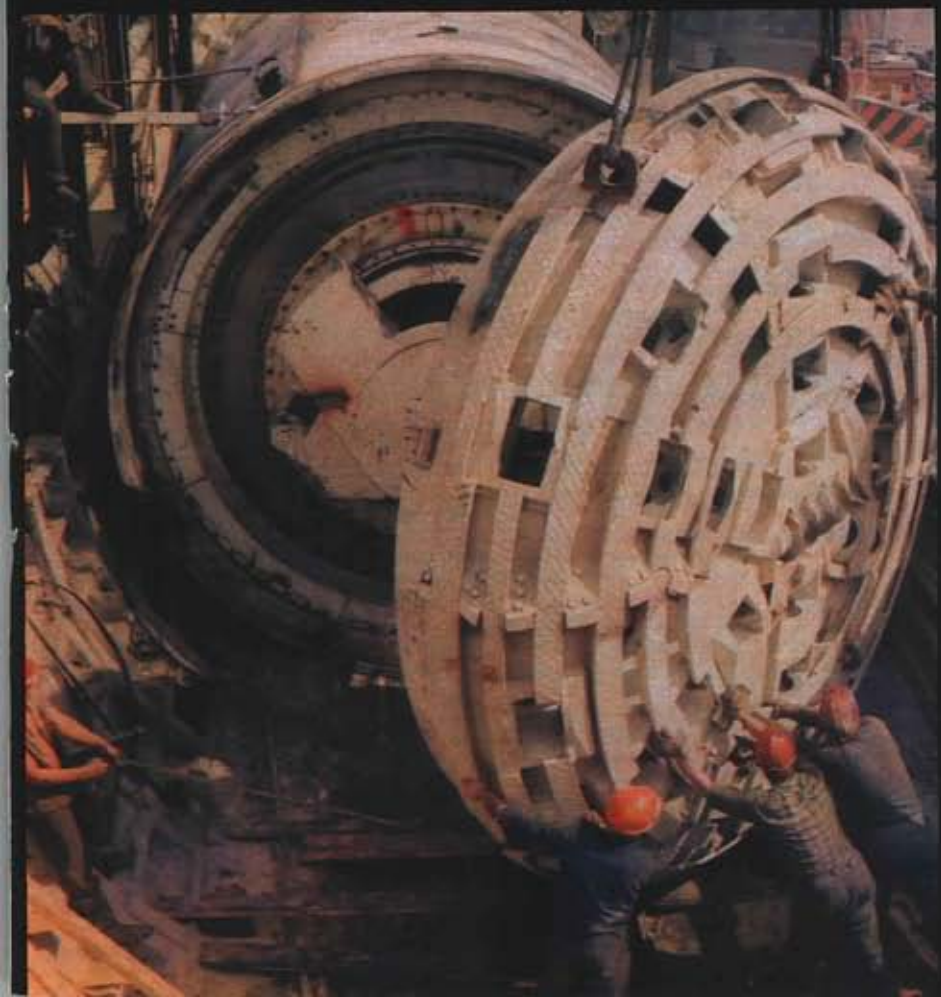
Начальник тоннельного отряда № 22 Геннадий Сирман (кстати, мы встречались с ним еще на строительстве Бай-

И ЖАРКИМ ЛЕТОМ НА БЕРЕГАХ ГОРНЫХ РЕК НЕ ТАЮТ ЛЬДЫ.

кальского тоннеля, где он вел проходку с первых метров) кажется «сугубым технарем». В течение всей нашей беседы он засыпал меня ворохом цифр: пройденные метры проходки, кубометры поднятой на-гора породы, цифры плана, цифры соцобязательства, рубли и снова метры.

— Почему вы отдали приказ снять верхний слой почвы при вскрыше тампонажного тоннеля?—Я знал, что этот приказ, вызвавший некоторое промедление работ, едва не обернулся для Геннадия Ярославовича строгим выговором.

— На этих скалах почва, может быть, целыми тысячелетиями накапливалась. И нет ничего проще в мгновение выбросить ее взрывом в отвалы. Такую ценность и красоту беречь надо! Как зеницу ока.—Геннадий выскочил из кресла, подвел меня к окну, за которым гребешком тянулись разнокалиберные вершины.—Некоторые называют наши места «Байкальской Швейцарией». Неправда это: швейцарские красоты даже на рекламных отлакированных открытках не могут сравниться с нашими горами. И когда здесь зазвучат гудки электрово-

зов, Северомуйск, я уверен, превратится в прекрасный курорт или в туристический центр.

И все же, надо признаться, большинство местных жителей не мучается будущей судьбой своего поселка, для них важнее сегодняшние заботы. Главнейшая из них — проходка тоннеля. И волнует она не только людей, работающих непосредственно в забое. На огромном щите, установленном у конторы ТО-11, ежедневно меняются цифры пройденных метров в основном тоннеле и в транспортно-дренажной штольне. Их может увидеть каждый. Но голых цифр людям мало, их интересуют подробности. Директор Северомуйской школы искусств Роман Бутаков, узнав, что я только что возвратился из главного забоя, где провел почти две смены подряд, пригласил меня на чашку чая и засыпал вопросами не о московских новостях, к чему я уже давно привык в командировках, а о работе бригады Василия Безридного. Хирург Александр Маклин с карандашом в руках доказывал мне, что породу выгоднее отгружать специальными автосамосвалами, которыми не нужны ни рельсы, ни электровозы. А касир местной столовой пыталась выяснить, почему проходку основного тоннеля ведут только буровзрывным методом. Всеобщий интерес жителей поселка к делам проходчиков объясняется вовсе не простым любопытством, он естествен, потому что все здесь — магазины, школы, больницы, спортзал, клубы — сейчас существует ради главного — тоннеля.

Еще в первые дни строительства Байкало-Амурской магистрали я разговаривал со специалистами института «Ленметропроект» и тогда же писал: «Байкальский и Северо-Муйский хребты оказались сложенными из валуно-галечных отложений и гранитов, причем гранитов либо максимальной твердости, либо, наоборот, разрушенных до глиноподобной массы. Кроме того, в скальных породах обнаружен большой запас напорных вод (в зоне Северомуйского тоннеля к тому же множество термальных источников, вода в которых порой нагрета до кипения), встречаются пльвуны. В таких тяжелых условиях никто еще подобных тоннелей не строил и не проектировал». Как выяснилось позднее, проектировщики отнюдь не преувеличили трудностей, с которыми предстояло встретиться проходчикам, скорее даже преуменьшили их.

Главный геолог одиннадцатого тоннельного отряда Николай Матвеевич Потемкин свыше четверти века изучает местные породы, он наизусть знает каждую скалу и каждую расселину. По собственным словам, может «с закрытыми глазами пройти по любой горной тропе от западного портала к восточному». И с вечношью Потемкин обращается за помощью: «Это было совсем недавно: два-три миллиона лет назад». Северо-Муйский хребет действительно составлял очень древние породы, пережившие за миллионы лет множество тектонических сдвигов, в чем теперь можно воочию убедиться почти на каждом пройденном метре транспортно-дренажной штольни, которую логичнее бы именовать разведочной. Опережая на многие сотни метров проходку основного тоннеля, штольня, как разведчик, дает сведения о прочности лежащих впереди пород, о грозных разломах, ожидающих проходчиков, о термальных водах. Основную часть воды, кстати, штольня берет на себя, облегчая проходку тоннеля. По штольне иногда мчится около трех тысяч кубометров воды в час. Идешь по деревянным мосткам, проложенным между рельсами, и никак не можешь забыть, что под ногами шумит настоящая река, и сверху еще поливает частый дождичек, то теплый, летний, грибной, то холодный, осенний. По каске тяжелые капли бьют, как пули. Фотокорреспондент прячет почти бесполезную камеру, завернутую в целлофановый пакет, под брезентовой курткой, я заслоняю собой листок со сво-

ими записями, и все равно страницы моего северомуйского блокнота сейчас разрисованы лиловыми пятнами.

— Сейчас-то у нас благодать, — смеется начальник третьего участка, ведущего проходку штольни, Иван Слепко. — Иногда на землю вообще сухим возвращаешься, а вот когда мы пересекали термальные источники, когда попадали в разломы...

Разлом — своеобразный вертикальный шов между колоссальными гранитными блоками, на которые раскалываются горы при подвижке земной коры. Шов этот заполнен дресвой — породой, перетертой блоками, словно жерновами, порой до состояния пудры. Разлом служит и в качестве природного коллектора. По нему несутся термальные воды, унося с собой пудру, оставляя за собой пустоты и более или менее крупные фракции.

Сложный проходческий комплекс с огромной фрезой диаметром в штольню проскакивал разломы шириной в несколько сантиметров, что называется, с ходу. Они и сейчас видны, проведешь пальцем по такому шву, и сыплется порода, превращаемая в прах, стекает по ним непрерывными ручейками горячая вода. Их-то и бетонировать не стали, чтобы лишнюю воду над штольней убраться. Легкость, с какой комплекс прошивал эти разломы, не то чтобы ублаживала проходчиков, но успокаивала, настраивала на победный марш. И уже в забое поговаривали, что надо гнать и гнать метры и, возможно, нет смысла терять ежедневно целую смену на профилактические ремонты комплекса.

— Шли мы тогда, словно играли, — вспоминает Слепко. — И неожиданно...

Аварии, если они не специальные, испытательные, никогда не планируют, они всегда происходят неожиданно, хотя и не все случайно. Неожиданно комплекс вошел в разлом шириной, как потом оказалось, в пять метров. Проходчики не были готовы к подобной встрече, и вместо того, чтобы вести тяжелую машину по-прежнему вперед или по крайней мере отступить, они попросту остановили ее и помчались за инструкциями. К сожалению, инструкции для подобной ситуации, предусмотреть которую было все-таки и возможно и необходимо, исходя даже из неполных геологических данных, составлены не были. И в первые минуты никто толком не мог объяснить случившееся, никто не смог отдать точного и толкового приказа. На комплекс обрушились огромные массы текучей дресвы и река горячей воды. Ученые и специалисты из Москвы, Ленинграда, Иркутска и Новосибирска, срочно прибывшие в Северомуйск, предлагали различные способы водопонижения, укрепления дресвы дорогими смолами, силикатными растворами и даже заморозкой. Рекомендации сами по себе, возможно, были неплохими, но гарантии они не давали да и дать не могли, потому что не были проверены на практике в подобных условиях. Забой штольни превратился в своеобразную испытательную лабораторию, где ценой удивительного эксперимента становился спасенный комплекс, дорогое время и, быть может, бесценный опыт.

В забое прокладывали водопонижающие дренажные траншеи, устраивали «карманы» в основной породе, чтобы расширить фронт работ, бурили шпур и по ним закачивали в зону разлома глиняные и цементные растворы, различные смолы. На свой страх и риск вела эксперименты и старший инженер строительной лаборатории Надежда Курышева. Она придумала установку, имитирующую зону разлома с ее давлением в четыре атмосферы, с ее влажностью и температурой. В установку засыпала дресву, туда же под большим давлением закачивала различные растворы и ждала, когда же они схватятся, превратят размытую породу в гель — укрепленную дресву. Иногда ее эксперименты длились сутками, благо строительная лаборатория находится в таком

месте, что ее и немногие работники тоннельного отряда сразу обнаружат. В конце концов именно рекомендации молодого специалиста Надежды Курышевой оказали если не основное, то весьма значительное влияние на ликвидацию аварии. А продолжалась она ровно шесть месяцев, и это, по словам начальника тоннельного отряда Валентина Подшивалова, «были месяцы подвига». Не все, надо признаться, смогли выдержать подобное испытание. В узкой деревянной галерее, соединяющей разведочную с входом в тоннель, остановил однажды Слепко опытный проходчик, на которого Иван всегда полагался как на себя. Молча протянул проходческий заявление с просьбой о переводе на другую работу. И в ответ на недоуменный вопрос начальника участка добавил еще справку из поликлиники о желательности для пациента смены обстановки. Слепко здесь же, в галерее, положив тетрадный листок с заявлением на колени, так же молча наложил на него резолюцию. Положительную. И еще были заявления. Немного, но были. И желающих уйти отпускали немедленно.

— В таких условиях могли работать только добровольцы, — вспоминает Иван.

Условия в забое действительно были сложными, работы продолжались по специальному разрешению профсоюзных организаций. Из разлома хлестала горячая вода, лучи мощных переносных фонарей увязали в густом тумане. Все способы понизить температуру в забое не давали эффекта: она не опускалась ниже 38 градусов. В штольню, заполненную водой, проложили трубопровод для холодного душа. Проходчики были в одних трусах, минут пятнадцать — двадцать работы и — под холодный душ. Смены сократились до четырех часов при той же зарплате.

— Я не могу дать вам фамилии особо отличившихся, — сказал Подшивалов. — Это было бы несправедливо, выделять кого-то. Весь участок работал героически.

И все же первый серьезный разлом разломал в какой-то степени и коллектив, вернее, отломал от него какие-то кусочки пустой породы, похожей на дресву.

Второй разлом шириной уже в шесть метров прошли всего за шесть дней. Помогли опыт и знание, доставшиеся таким необычным и тяжелым путем.

Проходческий комплекс пошел в прежнем темпе — до трех погонных метров в сутки.

В той же галерее к Ивану Слепко подошел один из тех, кто покинул участок в трудную минуту. Подошел с новым заявлением.

— Фронт работ у нас расширился, и опытные проходчики позарез нужны, — признался Иван. — Но ведь ты теперь сам у нас работать не сможешь, с ребятами своими не сработается.

Разведочная штольня по-прежнему намного обгоняет основной тоннель. От нее уже сделали рассечку, и тоннель будут пробивать с восточного портала сразу двумя забоями. Тоннельный отряд, которым руководит Геннадий Сирман, прошел от третьего ствола, расположенного высоко в горах, почти триста метров проходки, давно уже вышел на ось тоннеля и прокладывает подземный коридор все дальше и дальше.

Василий Безридный, бригадир комсомольско-молодежной бригады ТО-11, выпускник Днепропетровского ГПТУ №37, вначале работал на проходке третьего ствола, был и бетонщиком и бурильщиком. На восточный портал его перевели еще в разгар подготовительных работ.

— Сейчас уже и не припомню, сколько профессий здесь сменил, — смеется Василий. — Мастер на все руки требовались: и дом срубить, и трубопровод сварить, и лес свалить. Но с первых же метров — все время добивался — стал работать по своей основной специальности, проходчиком.

Один из самых молодых проходчиков в бригаде, Василий, довольно быстро выдвинулся в звеньевые, к его слову прислушивались и товарищи и руководство. И недавно по общему решению проходчиков его избрали бригадиром.

Василий сменил опытного проходчика, строившего метро в Баку и Харькове, приехавшего на строительство Северомуйского тоннеля в числе самых первых добровольцев и заслуженно награжденного орденом Трудового Красного Знамени по итогам десятой пятилетки. Ни один из проходчиков не мог сказать о нем ничего плохого. Почему же понадобилась смена бригадира на одном из самых ответственных участков строительства тоннеля?

— Причина одна: излишняя доброта, — твердо сказал Василий. — Она частенько во вред общей работе была. Мой предшественник всегда относился требовательно к себе, а с других потребовать не мог, прощал и грубые промахи и прогулы. Поэтому и получалось, что мы иногда после отпала качали породу по двое суток, а сейчас никогда больше шести часов на отгрузку не уходит.

Сейчас, как я заметил, в бригаде четкая организация работы и строгая дисциплина. Проходчики — народ самолюбивый, цену себе знают и порой (сам наблюдаю) на приказы горного мастера не обращают особого внимания. Но стоит этот же приказ повторить молодому бригадиру...

— Как вы относитесь к своему преемнику? — спросил я у бывшего бригадира. — И тяжело ли вам теперь подчиняться?

— По характеру, как выяснилось, я скорее исполнитель, поэтому подчиняться мне легко.

Проходка, как смеются горняки, просвечивает людей лучше любого рентгена. Поэтому и не задерживаются в забоях любители длинного рубля и легкой жизни. Да их никто задерживать и не собирается. Нет сейчас в Северомуйске проблемы кадров. При мне в кабинете Валентина Подшивалова зашли два пропыленных, заросших парня. Оказалось, работали они слесарями контрольно-измерительных приборов на одном из крымских заводов. Во время отпуска решили посмотреть БАМ и, если удастся, устроиться на работу. На попутных машинах проехали от Звездного до главного поселка тоннельщиков. Здесь и решили остановиться.

— Нам во многих местах работу предлагали, а мы бы хотели все-таки здесь остановиться, у вас все-таки работа по специальности, и мы инструмент свой захватили. — И один из парней достал из чемодана аккуратно уложенный в деревянные коробки большой набор слесарных инструментов.

Подшивалов написал записку в отдел кадров и, едва за новыми рабочими тоннельного отряда закрылась дверь, сказал: «Уверен, что эти ребята придутся нам ко двору. Тот факт, что они со своим инструментом приехали, говорит об их мастерстве больше, чем некоторые дипломы и свидетельства».

Проходчики только что закончили бурить шпур, откатали и надежно укрыли буровой комплекс от каменных осколков. В забое остались только взрывники. Мы с Василием Безридным остановились у выхода из тоннеля. Убегали под гору цепочки огней, отражаясь от зеркально сверкающих сводов уже отделанных стен, выстраивались на рельсах вагоны, заполненные металлическими креплениями, бухтами кабеля и огромными связками труб для вентиляции. Все эти вагоны уступали дорогу главным сейчас — порожним.

Вдали расшестел взрыв, приглушенный расстоянием и огромной толщей породы, он был скорее похож на хлопок в ладоши. И бригадир довольно сказал: «Еще на три метра продвинулись».

На щите перед зданием конторы пока сверкали прежние цифры, обозначающие метры проходки основного тоннеля и штольни. А подземная дорога уходила все дальше и дальше.

Синий шум

КАРАБАШ

Солнце еще показывало из-за горы золотые рога и светило на макушки лиственниц, но внизу стало сумеречно и сыро, запахло по-вечернему, и Карабаш вновь ощутил острый дух влажного мха, таежной прели и смородиновых листьев. Наконец-то он почувствовал, что вернулся...

Здесь прогоняли овец, и узенькие, в ладонь, шальные тропки разбегались во все стороны. Карабаш почти не следил за дорогой. Дорогу выбирал конь, который спешил к ночи дойти до жилья и шагал, не останавливаясь, проворно переступая через поваленные ветром толстые лесины... Карабаш даже придерживал его, потому что девочка задремала и тяжелей навалилась на отца. Она сидела впереди, на телогрейке, переброшенной через холку, свесив набок ноги, а он — в деревянном алтайском седле, которое было изукрашено солнцем из желтых металлических полос.

Он был рад, что она не побоялась ехать верхом. Целый день она удивлялась и радовалась, но потом стихла. И теперь он один въезжал в мир своей юности.

Горы, заросшие безмолвным лесом, темные и неприютные из-за спустившейся тени, вставали у него на левой руке; по правую руку чередой шли скалистые скаты, выгоревшие на солнцепеке. Улыбаясь, он шептал их имена.

Они поднимались старой-старой тропой. Невозможно было представить, уже сколько раз пастухи прогоняли здесь весною овец, чтобы там, за перевалом, они паслись все лето на свежих пастбищах плоскогорья. Перевал обрывался впереди, как недостроенная дорога в небо. Синяя голова горы Каньдикан уже виднелась вдали, звала и утешала его.

— Каньдика-ан, гора моя! — сказал он по-алтайски.

— Ты что, папа? — встрепетнулась девочка.

— Так, Поля... Я еду, как во сне.

Старый кедр с обрзанной тучами вершиной рос у самого перевала. Матерчатые ленты белели в сумерках на его ветвях. Карабаш пошарил взглядом — что бы пожертвовать дереву.

— У тебя нет какой-нибудь ленточки... шнурка?

— А что ты хочешь?

— Подарить. Хозяину Горы, — серьезно объяснил Карабаш.

— Ой, папа, — восхитилась Поля, — разве ты веришь?!

— Глупая ты... Маленький верил... Ну, давай что-нибудь!

Но руки у нее озябли и не слушались.

— Ладно, можно и так!

Он вырвал пучок волос из конской гривы и надвинул к суку.

— Это обычай предков, Поля... Я же алтаец!

За перевалом они стали спускаться в теплый воздух, как в теплую воду. Конь учуял конец пути, фыркал, все порывался рысью припустить к некрутого затравленного склона. Здесь начинались старинные пастбища. Светлая вода... Рукой не достать до макушек зеленых трав. Теперь уже тут где-то близко должна была быть стоянка пастухов. За кедровой порослью Карабаш не видел аила, но в небе над ним дышало розовое пятно. А его стоянка была немного дальше, ближе к подолу горы.

Уже захлебывались лаем собаки. Выбежали встречать их, как почетных гостей!

Сейчас он увидит ту, из-за которой когда-то изменилась его жизнь. Он знал, что она пасет овец здесь, у ручья Синий Шум.

В облаке, упавшем на землю, он угадывал отару и подбирал узду, чтобы не вспугнуть их топотом.

Кто-то вышел, откинув дверцу аила. Карабаш сощурился, живой огонь в аиле мешал ему. Почудившийся сначала великан вдруг стал маленькой женщиной в светлом платке. Она унимала собак. «Ай! А-ай!» — крикнула она, потому что вскочили переполошенные овцы.

— Якши-ба? — поздоровался Карабаш.

— Якши!

Она намотала поводья на столбик и отшагнула во мрак рядом с огненной дверью. Это была она!

Он слез с лошади и снял девочку. За целый день верхом она разучилась стоять и сразу же опустилась на землю. Собаки отирались вокруг и возбужденно обнюхивали их.

— Танай?!

Не узнает его... Она озадаченно взглядывалась в него и даже привстала на цыпочки.

— Караба-аш! — наконец выдохнула она.

Он взял ее за руки, и она опустила голову. Ему показалось, что она совсем не выросла, только лицо у нее обгорело, как цветок на ветру.

Мальчишка лет трех или четырех, в одной рубашке, перелез через высокий порог аила и подбежал к ним.

— Это не отец! Или!

Она подхватила ребенка и унесла его в аил. Карабаш взял девочку за руку, и они вошли вслед за Танай. Сначала они стояли у порога, слепые от огня и дыма, потом лица людей раскрылись в темноте. Карабаш громко поздоровался, обводя всех взглядом. Старуха, мать Танай, взбалтывала для гостей чегень в узкой деревянной ступе, не выказывая ни удивления ни беспокойства. Еще один мальчик, большой, выше Поли, перелез на нары, уступая гостям свое место у костра, и снял оттуда глазами. Танай согнулась у земли, звякала посудой на женской половине аила.

Он присел на корточки у огня, взглядываясь в добрые глаза огня. Здесь, на Алтае, огонь был членом семьи.

Старуха подала ему деревянную лакированную чашку с чегенем. Алтайский закон: вошедшего путника прежде всего потчуют чегенем, ни о чем не спрашивая.

— Выпей, Поля! — сказал Карабаш. — Это чегень. Пей все, если понравится. Она приняла чашку обеими руками и начала пить, стесняясь, потому что все смотрели на нее. Всем хотелось, чтоб ей понравилось.

— Похоже на газированную простоквашу... с иголочками, — пробормотала Поля.

Карабаш встал, чтобы расседлать коня, пока женщины готовят угощение.

— Эркемен! — торопливо воскликнула Танай, и старший мальчишка выбежал из аила. — Он все делает... Не надо! Он и отцу всегда...

Поля, открыв рот, уставилась вслед Эркемену. Что, она его раньше не замечала?

— Поля!

— Папа, что вы говорите? Я же ничего не понимаю! — отчаянно прошптала она.

Он пристально посмотрел на нее и виновато усмехнулся. Ведь он уже и думать стал опять по-алтайски, и в голову ему не пришло, что она-то ничего не понимает.

— Поля, меня привезли в село, а там вдруг по-русски заговорили, я в первый раз услышал. И так мне стало смешно: «Что они стрекочут, как птицы? Разве их люди поймут?!» Вот и ты теперь...

Танай поставила перед ними на землю топленое масло в эмалированной кастрюльке, желтый застывший каймак и разломанный на куски сырчик. Карабаш почувствовал себя, как на празднике.

— Танай, ведь я в аиле не был знаешь сколько? Как с Алтая ушел. Это уж почти двадцать лет...

Старуха разлила чай.

Карабаш выложил свои гостинцы и протянул конфету меньшому ребенку.

— Возьми!

Мальш зажал губки, но не двинулся. Старуха взяла у Карабаша конфету, развернула и отдала внуку, а бумажку сунула в карман. Мальчишка так и не слезли вниз, остались на нарах. Мать подала им туда чай.

Вдруг старуха полезла рукой в огонь, разворошила угли и вытащила обгорелую бумажку от конфеты, которую бросила Поля.

— Огонь — чистый! — объяснил дочери Карабаш. — Туда ничего нельзя бросать.

Поля тут же задела носком ноги кружку, и чай пролился на землю.

— Три ноги у девчонки! — смеясь, но с укоризной сказал Карабаш.

Ей еще налили чаю.

Мальчишки глазели на них сверху и улыбались. Незащищенное выражение восторга и радостного любопытства смешило и трогало Карабаша.

— Ты в каком классе? — нарочно по-русски спросил он у старшего.

— В седьмой пойду с осени.

— Ну-у, по-русски, значит, хорошо понимаешь!

— Не шибко хорошо.

Мальчик взволнованно передыхал после каждого слова, и чувства его были удивительно понятны Карабашу.

— А вот Поля не знает по-алтайски. Будешь ей помогать?

— Ийе! — вздохнул Эркемен.

Карабаш поглядывал на него и на Полю и наслаждался сиянием застенчивых улыбок.

— Садись к нам! Ну, слезай, слезай! Поля хочет с тобой поразговоривать!

Наверху засопели, а Поля потупилась. Карабаш громко засмеялся.

— Танай! Иди сюда! Дети у нас какие, а?

Он чувствовал себя просто и весело, и ему хотелось, чтоб она тоже поскорей привыкла к нему. Она подошла к ним.

— Ты богачка!

Он кивнул на ее сыновей. Она робко и благодарно улыбнулась, на миг словно осветившись изнутри, и он сразу узнал ее в этой улыбке...

— Помощник тебе... Видать, работать бойкий...

Голос у него вдруг перехватил.

— Дикий стал за лето, — наконец отозвалась Танай. — Все один... Книжки все перечитал, какие взял.

— Поля у меня тоже все умеет делать. Без матери растет.

Девочка не выдерживала, когда о ней что-нибудь говорили! Она тут же притянула его за шею, задышала на ухо:

— Папа! Почему они зовут тебя «Карабаш»? Ведь ты Николай Иванович!

— Потому что на Алтае я — Карабаш.

Между тем старуха отломил мундштуки у папирос, которые ей подарил Карабаш, раскрошила табак и набила длинную трубку. Раскурила ее и подала Карабашу. Он давно не курил... Танай сидела рядом с ним на земле, склонив голову набок и задумчиво поглаживая правую косу. Потом она тоже курила, держась двумя руками за длинный чубук.

Он ведь не мог знать, о чем она думает!

Да, дни таяли, как снежинки, и годы теперь стояли между ними.

...Когда он вышел из дымного аила и вдохнул сладкий холодный воздух, увидел большие звезды, бьющиеся на близком небе, и горы, которые были темнее неба, слезы обожгли ему глаза.

Как хмельной, он побрел на журчание ручья Синий Шум, пытаясь разобрать, словно в детстве, о чем говорит вода, торопясь к старшей реке.

Его конь пасся неподалеку. Мальчик поступил правильно: волосяной аркан он привязал к узде, а другой конец туго намотал на дерево. Травы там было достаточно.

Молоденькие лиственницы на берегу выросли уже без него. Карабаш провел губами по ветке, морщась от шелкового прикосновения хвои. Он здесь пас много лет, и сейчас каждый камень, каждая балочка просили: «Вспомни меня!» Синий шум воспоминаний давил его, как боль.

Было слышно, как Танай покрикивает на овец — она обходила загон. Карабаш прислонился спиной к аилу, дожидаясь ее: собаки подбежали раньше и улеглись у его ног.

— Танай, а сколько же вас тут!

— Да был еще парнишка... Его взяли на покос.

— А ты что же, одна и караулишь? И пасешь? — удивился он.

— Нет... Вместе с Байзыном... Он поехал к пастухам. За дробью, — быстро добавила она.

— Я ведь о нем ничего не знаю. Хороший человек?

— Да, — шепотом ответила она.

— Он что здесь, старший чабан?

— Нет... Он первый год тут.

Они долго молчали, и молчание все больше сближало их, наверно, потому, что они думали об одном и том же.

Как жила, что делала, что думала?

Танай рассказывала о себе скупно и весело, но Карабаш понимал, что у нее трудная жизнь. Она стала чабаном в войну, посреди школьного года.

— А давно ты на этой стоянке?

— Всегда.

Его поразило, что она была тут все эти годы и видела это небо вместо него.

— Это ведь моя была стоянка, ты помнишь?

— Да.

— Но аил перенесли?!.. Раньше он стоял выше.

— Там умер пастух... Помнишь, старик, который ездил на гнедом коне? И аил перенесли...

Да, таков обьчай. Старика звали Еленчи, он вспомнил. Но он тоже не произнес вслух его имени, чтобы не тревожить духа покойного.

Танай стала снова объяснять, почему их тут только двое чабанов. Решили из каждой бригады послать еще по одному человеку на сенокос.

— Где людей взять?!.. А мне нетрудно. Когда сено есть — пуская снег. Не страшно. Жалею овечек... — будто оправдываясь, проговорила она. Боялась даже вспомнить, как овцы разбивают до крови копыта во время гололедицы.

Карабаш уже слышал, что их колхоз недавно соединился с овцеводческим хозяйством, но для него было неожиданностью узнать, что Байзын был раньше председателем колхоза. Его интересовал этот человек, но Танай рассказывала о муже очень сдержанно, стыдилась Карабаша. Он понимал. Шла своя жизнь...

Давно ему не было так хорошо. Алтайская речь грела сердце, и слова лились, словно растопленный воск. Он торопился все сказать о себе, желая, чтобы Танай знала все о его жизни. «Все, что было и что не было» — как важно молвили в старину. Тогда убежал с Алтая... В городе поступил на завод, думал учиться. Но скоро началась война, и он ушел на фронт. Его пули долго не трогали и ранило только осенью сорок четвертого года, уже в Польше.

— Я все гадала на тебя — живой ты или нет? — зашептала Танай. — Ходишь ты по этой земле или нет?

— Живой... Видишь — живо-ой!

Он даже встряхнул головою.

— Все жена моя. А то давно был бы в другой земле.

Ранили его, и она волочила парня по осеннему лесу, задышалась и падала лицом в траву... Где силы взяла? Сама, как травинка.

— А ничего не помню... Только ветки машут и листья красные. Там другие деревья.

Он раскрыл ладонь: «Во-от — листья!»

Карабаш долго лежал в госпитале, и она была с ним. Девочка родилась — он все еще ходить не умеет. «А Поля-то раньше выучится ходить!» — дразнили его. Он зажмурился от звонкого смеха жены.

— Ай, калак! — печально воскликнула Танай.

— Да. Было хорошо... Но куда все уходит? Иногда подумаю-подумаю, может, это и не я жил?

...Они уехали в маленький белый город на Оке, где до войны училась его жена, и начали жить и растить Полю.

Карабаш стал работать пожарным. Это был понятный и достойный мужчины мир забот, к тому же огонь слушался его, как всякого алтайца. Но еще было очень важно, что после дежурства он двое суток находился дома и мог помочь жене, которая все чаще болела... А потом покинула их.

Тоска по жене не давала ему смотреть на других женщин, и еще всегда был страх, что маленькая Поля встретит чужой, осторожный взгляд.

Девочка была теперь для него, словно пуговичка у ворота.

— А она помнит ее? — спросила Танай.

— Я думаю, не помнит.

Когда он дежурил, то водил Полю ночевать к соседям, но еще до школы она стала оставаться в комнате одна и ложилась спать, как только ей указывали часы.

Но вот, неизвестно отчего, ему сделалось невозможно, душно жить. Сон не сладок, и еда не нужна. Горы, укрытые темнохвойной тайгой, плыли у него в глазах, алтайская речь звенела на ветру... Наконец он понял: надо увидеть Алтай! И вот приехал.

— О, Карабаш! — прерывисто вздохнула Танай. — Это ты...

...Он вернулся в аил и тихо улегся рядом с дочерью, спрятав лицо в ладони. Он не мог спать. Сердце его словно опалило памятью о тех днях.

Он опять мчался за ней в село. И вздрагивал конь, которого он понуждал плетью... Оставил его у реки и, крадучись, приник к ее аилу. Ветка, брошенная им, упала в дымоход, и девочка вышла к нему. Красная кисть на ее шапке сделалась черной при лунном свете, а ее слезы кипели на его руках.

— Мать сказала — алышпас! Наши отцы... из одного рода!

Душа в нем смерзлась. Алышпас! Им нельзя жениться: один род — одна кость.

— Ты не виноват! — вся затрепетала она. — Ты не знал!

— Не боюсь! Ведь ты моя!

Какое им дело до старых костей!

— Позор... Позор... — билась и шептала девочка, и руки его были ей теперь страшны.

— Мы убежим с Алтая! Навсегда!

— Без гор жить? Без тайги? Мыслимо ли?! — горестно спросила она.

Он кричал «Э-ей!» на вершинах, не боясь Хозяина Горы, в царь-небе летали самолеты, в духов он больше не верил. Весь мир звал алтайского мальчишку.

Но черная кисточка вздрагивала «Нет! Нет!» у ее плеча.

«Ты будешь моим прекрасным братом, — сказала Танай, — я буду твоей прекрасной сестрой!»

ПОЛЯ

Утром Поля сосчитала собак. Их было только три штуки! Они вежливо дали себя поглядеть, уже не обращая на нее никакого внимания. Правда, им было некогда...

Солнце светило ярко, но было еще ужасно холодно. В воздухе дрожал туман, и все вокруг ослепительно блестело от росы. Собачья шерсть переливалась алмазами.

Туман ручьями стекал с гор в долину и кипел внизу, как молоко. Из него торчали пиками черные макушки пихт.

Большая площадка перед аилом была добела вытоптана овцами. Собаки уже вывели их из загона и сидели, нетерпеливо дожидаясь команды. Овцы были все

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

совершенно одинаковые, их светлые кудри казались твердыми на ощупь. Желтые витые рога впились невольное почтение.

— Э! — негромко крикнула Танай. — Э-э!

Собаки вскочили, залаяли, и овцы, стучаясь рогами, торопливо засеменяли мимо Поля, то прижимая ее к самой ограде, то испуганно шараясь в сторону.

Танай прошла вслед за ними и улыбнулась Поле озорно и чуть смущенно. Они улыбались друг другу целое утро, как заговорщики! Поле было приятно, что Танай такая маленькая. Она вообще не казалась ей по-настоящему взрослой. Даже имя ее без отчества, какое-то девчачье! Длинные тонкие косы свисали у нее, как у школьницы. Телогрейку она тут же перепоясала красным платком, причем вдела руку только в один рукав, а другой оставила свободным. В солдатских сапогах она шагала легко, размашисто, не по-городскому. Совсем, совсем была она непохожа на знакомых ей мам.

Поля взяла отца за руку и заглянула ему в лицо. Он был хмурый, и Поля тоже опустила голову, надула губы...

— Ты с нами? — спросил отец. — Тебе же тут будет интереснее.

Она замотала челкой. Бабушка была все-таки сердитой, а Эркемен... Сегодня он так гордо проскакал на лошади и даже не посмотрел в ее сторону.

Отара медленно катилась по склону горы, где так просторно и солнечно рослось великаншам лиственницам.

И вдруг Поля замерла, чуть не задохнувшись от восторга. Между деревьями, до пояса скрываясь в высокой траве, стояли громадные кусты красной смородины, пушистые от ягод снизу доверху. Танцуй от радости, все еще не смея представить, что это растет просто так, девочка приближалась к этим кустам, которые просвечивали насквозь, как красное стекло.

Перезрелые ягоды катились из-под пальцев, она стала срывать их ртом...

Нетронутые кусты один за одним тянулись бесконечными, спокойными рядами.

Поля набрала полные горсти ягод и помчалась догонять отца. Рыская в траве, она выбралась на тропинку, проложенную овцами, и побежала по ней в ту сторону, где маячила отара. И она тут же разорвала все свои ягоды, потому что наскочила на море цветов. Конечно, они росли дико, но это были не дикие цветы. Левкой, астры, розовые колокольчики, настоящие анютины глазки и другие, она не знала, как их зовут, но у них в городе они жили только в палисадниках. Пораженная видом этих непуганых цветов и чуть не плача от возбуждения, Поля прижималась к ним щеками, рвала и целовала незнакомые меховые звезды, синие мельнички, игольчатые ромашки.

Подхватив охапку сорванных цветов, она бросилась, наконец, искать отца.

Он уже шел ей навстречу.

— Папа! — прошептала Поля, не в силах больше вымолвить ни слова, и протянула ему цветы. Отец улыбнулся и привлек ее к себе.

— Поля, это уже лето кончается, цветов-то мало, а сначала все играет! Как будто радуго прокинуло!

Они сели на поваленное дерево и стали перебирать цветы.

— Вот это кукушкины сапожки, — сказал отец, — а эти... даже не знаю, как тебе перевести. Ну вот, у солнца есть сыновья. А эти цветы — их жены.

— Ой, папа, я пойду! — забеспокоилась Поля. — Я должна их скорее поставить в воду.

— Ты заблудишься!

Он взял цветы, и они пошли назад.

...Весь вечер у аила лаяли собаки и фыркали чужие лошади. Это все приезжали пастухи, товарищи отца, которые как-то разглядели, что он здесь. Высокие, подтянутые, все они были чем-то неуловимо похожи на него. Но ее смуглый отец казался бледнолицым по сравнению с ними, и когда они разговаривали, особенно когда смеялись, их скулы округлялись, как коричневые яблоки.

Всегда молчаливый, отец теперь тоже смеялся и болтал без умолку. «Вот, значит, какой он был молодой!» — удовлетворенно догадывалась Поля. Ее печалило, что она не понимает, о чем они говорят, хотя она пристально вслушивалась, почти до боли в глазах.

«Потом переведу, потом объясню...»

— Ай-яй, алтайская девчонка не знает по-алтайски! — поддразнивали ее мужчины.

Когда они вышли провожать пастухов, отец, совсем шальной, стал тормозить и подкидывать ее и все спрашивал:

— Тебе нравится? Нравится здесь?

— Да-а, да! Да!

В аиле еще разговаривали, рядом толклись овцы и повизгивали собаки, но все это не мешало главной тишине, которая спустилась над горами и над аилом и заставила их с отцом говорить и смеяться шепотом.

— Папа!

— Н-ну?

— Ты ее раньше знал, да? Танай?!

— Ийе! — со смехом ответил отец.

— Ой, хоть это я понимаю! Папа, а зимой здесь что?

— Зимой тут столько снега, сне-гу! Знаешь, вот эти кедры с верхушками засыпаны.

Перед ними упала звезда и погасла совсем близко над головой, как во время салюта.

— Сейчас гора Кандыкан прикурит от огонька! — пошутил отец. — В августе всегда-а... столько звезд нападает!

— Папа, а мы тут еще поживем?

— Да нет, Поля, надо ехать...

Жалко было со всем — со всем этим сразу расстаться...

— Поля! — вдруг очень серьезно спросил отец. — А ты останешься тут дня на два, ну, на три? Мне надо в село съездить. Я быстро вернусь!.. А вы шишковать пойдете с Эркеменом! Н-ну?!

— А что, и останусь! — храбро согласилась она.

Отец даже присвистнул, схватил Полю и закружился вместе с нею.

ТАНАЙ

Рыжий конь не кормился на высоком берегу ручья Синий Шум, когда Танай приблизилась вечером к своему аилу. Карабаш уехал. Она знала, что он уедет. Но девочка выбежала ей навстречу вместе с Эркеменом, и Танай испугалась своей радости. Она увидит его еще, когда он воротится за Полей.

Не насмотрелась, не насыщались!

Она украдкой высматривала в Полином лице черты той женщины, чтобы понять, какую она была. Но у Поля были черные, алтайские глаза...

После ужина дети взобрались с ногами на топчан, грызли орехи и смеялись. Горячие шишки лежали в золе у тагана. Мать убирала посуду, а Танай курила, глядя в огонь. Воспоминания оттаивали в ней, как березовые почки весной, и она улыбалась им. Детские голоса пробивались к ней сквозь старые сны, и еще острее от этого было ощущение покоя. Их дети...

Мать села рядом и разбила тишину в ее душе своими щекочущими упреками. Несправедливые слова ее жалили Танай. Ведь мать все знает, зачем так говорить? Они не виноваты, что помнят друг друга. И она уже все это слышала. Давно-давно. «Ты чуть позором не покрыла мой аил!» Может, это было в другой жизни?

Она вздохнула.

Никогда не посмеет обвинить мать в том, что его судьба и ее, как реки, понесли к разным морям! Сама... Сама боялась.

«Как мне жалко тебя!» — шептала она, думая о девушке, которую тоже звали Танай.

Разве сегодняшняя невеста задумается, из какого рода ее жених? Пусть они оба из одного рода, все равно будут счастливы.

Она пыталась представить девушку, которая родила сына в незапамятные времена, неосторожно съев три градинки. Этот ребенок основал их род. Один род — одна кость... Поэтому они с Карабашем считаются братом и сестрой.

«Богач! Носит сапоги на сапогах!» — вдруг услышала Танай. Синее небо! Она даже рассмеялась. Мать уж не придумает, за что и ругать этого человека!

Она подняла голову и встретила тревожный взгляд матери. Ах, знала, что мать ругает его, чтобы ей стало легче!

Старуха зачем-то выходила из юрты, стояла у порога. С опаской притворяла дверцу, боясь разбудить детей.

Спросила:

— Где его жена?

— Она уже в другой земле, — ответила Танай.

Их насторожил далекий топот. Мать вынула трубку изо рта, прислушиваясь. Байзын? Танай быстро поглядела на часы. Нет, никого нет. Пусть она не выходит, не слушает: скоро он не вернется...

— У твоего мужа свои дела, — сказала мать, — не касающиеся женщин.

— Но ведь мы вместе работаем, эне! Я не хочу, чтобы мне шиповником кололи глаза.

Неужели мать не замечает, что она сохнет от усталости, как ободренное деревце?

— Стыд свой куда дену? — тоскливо произнесла она.

— Настоящий мужчина! — упрямо повторяла мать. — Сильный человек!

Танай зажала глаза ладонью, чтобы мысли не разбегались.

«Так нельзя. Так больше нельзя... Лучше одна буду!»

Она даже кожей почувствовала, что больше нельзя, и все в ней пронзительно замерло от пьянящего испуга... Она осторожно попробовала вздохнуть.

Мать отвела ее руки, боязливо заглядывая ей в лицо.

— Я никуда не уйду, эне! — прошептала Танай и потянулась к матери. У старухи затряслась голова, и она заплакала жалобно, как жаворонок. У Танай тоже задрожал рот и потекли слезы, горячие и легкие.

Танай боялась, что все слова разлетятся, как птицы. Но ей не надо было ничего говорить — он понял, что она ждала его.

Взявшись за руки, они шли не по земле, а только пригибали макушки трав. Знакомая тайга вставала вокруг зелеными стенками аила.

Они остановились на синем от цветов берегу ручья, и Танай первая положила ладони ему на грудь. Их глаза в ограде ресниц, не таясь, смотрели и радовались друг на друга.

Обнявшись, они стояли счастливые, как девушка и богатырь, и Танай слышала щекой стук его сердца. Прекрасные слова, которые ей шептал Карабаш, расцветали и нежались в ее душе...

Вдруг словно молния сотрясла их обоих, напомнив об отмеренном времени. Карабаш побледнел и потянулся к ее лицу. Танай, зажмурившись, в отчаянии вскинула ему навстречу осмелевшие губы...

Синие цветы печально глядели на них сверху вниз. Знали, что теперь они расстаются навеки...

Дети уже вернулись. Поля бросилась к отцу и быстро-быстро заговорила, сразу отделив его от Танай кольцом непонятных слов. Ей так и не пришлось что-нибудь еще сказать, чтобы это прозвучало только для него.

Танай сутилась, подавая чай, и почти не поднимала глаз: ей было бы страшно увидеть, что он уже встает. Соль лежала в углу, блестя ледяными глыбками. Она погладила их... Много соли.

Мальчики совсем притихли. Ырысту сидел на земле, неподвижный, как пенек. Только одна Поля прыгала по аилу, трещала, как сорока, и громко смеялась. Она обхватила Танай и терлась лбом о ее бархатный жакет.

— Какая вы сегодня красивая!

Она потрогала ее сережки.

— Ой, у вас на шее голубые зайчики! — обрадовалась Поля.

Танай дотронулась до шеи и, растерянно улыбаившись, глянула на Карабаша. Он смотрел на нее слепыми от слез глазами.

Наконец, они все вышли из аила.

Танай выжидательно посмотрела на сына: она знала, что Эркемен выкопал для Поля маленький кедр. Но она сразу же забыла об этом, потому что Карабаш уже посадил девочку на коня.

Он прощался с нею по-русски. Танай сжала его ладонь обеими руками, а девочка в это время, наклонившись, стала целовать ее в глаза, и Танай не видела его лица.

Она шла рядом с конем, держась за кованое стремя, мучительно чувствуя, что ей уже надо оторваться.

«Кровь нестынущая сердца моего...»

Он остановил коня.

— Танай! — тихо спросил по-алтайски Карабаш. — Если бы наша жизнь только начиналась, поехала б сейчас?

— Да, — просто ответила она.

Он стронул коня, собака тоже побежала, а Танай осталась на месте. «Пусть перед тобой светит месяц, — шептала она, — а сзади пусть тебя греет солнце...»

— Тайгыл! Тайгыл! Тайгыл! — вдруг, опомнившись, стали звать собаку сыновья.

Танай медленно побрела к аилу, уже не оборачиваясь, хотя еще могла его увидеть. Ветер сушил ее слезы, а травы кланялись ей.

Дети и мать ждали у аила.

— Ейт! — сердилась бабка на внука. — Что, у тебя язык был в узел завязан?

Как все же, черт возьми, приятно под звуки «Лебединого озера» любить человечество! А еще большее душевное волнение вызывает всеобъемлющая любовь ко всей Вселенной — с ее планетами, созвездиями, с пространством, не имеющим ни начала, ни конца. И таким великим себя чувствуешь, когда в голове бродит, когда в груди не помещается такое вот охватывающее все и вся чувство...

И далее, шагая по большаку подобных ощущений, казалось, действительно можно было бы дожидаться долгожданного, но все ускользающего катарсиса. Вот-вот он уж у самого порога, вот уж, кажется, схватил его рукой и тянешь, тянешь поближе к себе...

Но в такие мгновения всегда обязательно что-нибудь случается.

Ну, к примеру, во дворе вдруг расплещется ребенок, которого незаслуженно обижает великорослый драчун. Или затренькает дверной звонок и еле-еле знакомый сосед станет просить помочь переселиться в новую квартиру. Или по телефону старушечий голос через пень-колоду битые полчаса будет долго и нудно удивляться тому, что вы не тот, кто ей нужен, и что сто лет подряд по этому телефону откликнулся совсем другой человек...

И долгожданный катарсис как сквозь землю проваливается, хотя в воздухе еще полно звуков «Лебединого озера».

И после такого как-то очень не скоро в голову начинают приходить мысли о всеобъемлющей любви к людям, к Вселенной, ко всему человечеству — голодающему и не смиряющемуся, трудящемуся и отдыхающему, веселому и грустящему...

Как бы это ни выглядело странным, но именно эти соображения начали беспокоить после того, как состоялось знакомство с очень деловитым парнем — Владасом Виткаускасом, секретарем комсомольской организации вильнюсского станкостроительного завода «Жальгирис».

Так бывает. Очень красивые факты из жизни человека, из того, чем он каждый день занимается, вызывают абсолютно противоположные ассоциации — ну, хотя бы вышеописанные, о любви к человечеству вообще.

А началось все вот с какого события. Правда, где-то за кулисами все время звучали мелодии «Лебединого озера».

В один прекрасный день Владас Виткаускас вдруг очень отчетливо почувствовал, что заместитель секретаря заводской комсомольской организации, то есть его собственный заместитель, Лариса Ульбинайте на самом деле собирается уйти с завода и уже подыскивает себе работу в другом месте.

Так бывает — такое известие словно парит в воздухе, все говорят о нем, а вот в один прекрасный миг чувствуешь, что человек идет писать заявление. Так было и с Владасом Виткаускасом, когда в тот раз он увидел Ларису Ульбинайте. О причинах, по правде говоря, он и не спрашивал. Он и так знал их и думал, что у Ларисы есть достаточно веские причины написать заявление об уходе «по собственному желанию».

Как бы там ни было, но если человек

получает диплом об окончании техникума, он волей-неволей начинает поглядывать на более серьезную, более творческую работу, особенно если все время до этого трудился в отделе главного конструктора техникума и исполнял действительно только технические обязанности. Значит, достаточно неинтересные для уже более образованного человека и, таким образом, далее его не развивающие.

Но Владас Виткаускас знал и другое. А именно то, что Лариса Ульбинайте и для комсомольской организации и вообще для завода очень нужный человек, что, если она уйдет, это будет немалой потерей для всех, что такими людьми нельзя бросаться.

В конце концов если на родном заводе, которому отдано столько всего, чем богат человек, где, можно сказать, началась биография человека, тебя так легко отпускают, даже не попытавшись найти дело по душе, соответствующее новой квалификации, добиваться которой, кстати, тоже помогал завод — какой же безобразный шрам останется в душе. В душе того человека, который мысленно уже сочиняет: «Прошу освободить по собственному желанию».

И в таком случае мелодия «Лебединого озера», которую мы слышим, лишь разбередит рану.

Плечо к плечу секретарь и его заместитель пошли в отдел кадров. Фiasco. Говорят там, что это не их компетенция — комсомольских активистов трудоустройства.

Плечо к плечу секретарь и его заместитель пошли в партком завода. О чем

так, «открытым текстом», никто не подумал, но, видимо, у кого-то в памяти осталась подобная интерпретация просьбы Виткаускаса.

В общем-то ничего плохого в такой интерпретации и нет. Если комсомольский руководитель так активно борется за своих людей, укрепляет свою комсомольскую организацию — это только похвально, качество деятельности комсомола должно только улучшиться.

Но опять же от Владаса Виткаускаса это уже потребовало и будет требовать в будущем еще немного душевной энергии, еще чуть-чуть усилий...

Как тут не вспомнить афоризм великого приспособленца Талейрана, говорившего, что первое движение души бывает всегда очень благородным и из-за этого... достаточно глупым.

Давайте проверим себя: разве подобных оттенков двойственности нет в ситуации, когда один человек бескорыстно помогает другому, тем самым, как правило, немало утруждает себя, беря на себя определенные заботы и неся определенные убытки?...

И вот тут на нас надвигается еще одна проблема. Точнее, возникла необходимость сформулировать вывод. Ведь на самом деле получается, что обожать человечество вообще или любить какую-нибудь еще более всеобъемлющую штуковину значительно проще и даже сподручнее, чем любить очень конкретного человека, который рядом с тобой, которому необходимо помочь делом, а не абстрактной любовью, который, наконец, и лично может быть не слишком приятен тебе как друг, как коллега. Тем

ВСЕГДА

здесь беседовали, пока не зафиксировано ни в каких документах и, пожалуй, никогда не будет зафиксировано. Но через несколько дней в трудовой книжке Ларисы Ульбинайте появилась еще одна запись: «Техник заводского бюро охраны труда». Новые обязанности требуют значительно большей самостоятельности, они разнообразней и, значит, предоставляют намного больше возможностей для творчества.

Чувствуете, что «Лебединое озеро» зазвучало как-то живее, энергичнее?..

Вот давайте и взглянем пристальнее на этот факт из биографии Владаса Виткаускаса. И попробуем наморщить лоб: какие же потери он ощутил вместе с Ларисой Ульбинайте, расхаживая по инстанциям?

Мы помним, что в отделе кадров в помощи, в общем, отказали. Значит, невзирая на то, какие бы ни были запанибратские отношения у Владаса Виткаускаса со «специалистами по кадрам», сейчас они хоть немного, но остыли. Значит, в будущем Владасу Виткаускасу придется затратить чуть-чуть больше усилий, чтобы в отделе кадров получить какую-нибудь нужную ему информацию, чтобы нормально дальше сотрудничать с кадровиками по любым другим вопросам. Только не оценивайте мои слова слишком прямолинейно. Но нельзя не согласиться с тем, что здесь наш Владас потратил некоторое количество нервной энергии.

Вы слышите — наше «Лебединое озеро» зазвучало как бы многограннее, сложнее?

Далее. В парткоме завода он доказывал и доказал свою истину. Секретарь помог.

Но вместе с тем опять «щелкнули счеты» общественных отношений. Ага, если помогил комсомольскому лидеру сохранить своих людей — и работать он должен будет получше и прощать ему можно будет поменьше. Опять прошу извинения за такие выводы — именно

ведь — во всяком случае, так считал и считал Виткаускас.

И вот мне кажется, что тут человек, который бы любил комсомольскую организацию завода вообще, скорее всего настаивал бы на том, чтобы парня не только освободили от должности секретаря, но, возможно, чтобы парень пошел на стол комсомольский билет. И будем честны — многие видели бы в таком поступке пример боевитости, принципиальности, бескомпромиссности. Как в «Лебедином озере» — добро побеждает зло...

А вот Владас Виткаускас поступил значительно рискованней — к комсо-

ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ Владаса Виткаускаса, секретаря комитета комсомола завода «Жальгирис»

более, что общество, организации, членом которых ты состоишь — партия и комсомол, — возложили на тебя обязанность руководить комсомольской организацией большого и знаменитого завода.

А ведь именно из-за этой высокой должности — именно из-за того, что она почетна и много позволяет, так нетрудно возлюбить вообще завод, вообще его комсомольскую организацию. И с определенным трудом замечать рядом очень повседневного, порой заблуждающегося человека, о котором сразу и не подумаешь, что он — такой небольшой и вроде невзрачный — тоже частица человечества, а значит, и Вселенной. И потом, помните, еще Гейне говорил, что каждый человек — Вселенная... Да, все-таки немалая буря в душе поднимается, когда в эфире звуки «Лебединого озера».

Вот еще один факт из деятельности Владаса Виткаускаса.

Однажды в прекрасную весеннюю пору секретарь одной из первичных цеховых комсомольских организаций попал на койку медицинского вытрезвителя. Факт из ряда вон выходящий и со всех сторон некрасивый. Правда, парень не шумел, кулаков в дело не пуская, а «просто» прилегал на скамеечку в сквере, дальше которого после сильной выпивки уйти не смог. В общем, этот парень был неплохим рабочим. Пришел на «Жальгирис» после службы в армии, трудился безупречно, был активен во всех комсомольских мероприятиях. И в них участвовал не за страх, а за со-

мольской работе применимо и такое понятие. И именно во многом благодаря позиции заводского секретаря комсомольской организации парень остался на своем месте. Правда, имея «в пассиве» строгий выговор.

Но давайте уточним «степень риска» Владаса Виткаускаса. Если хоть один комсомолец из того цеха, не говоря уж о «том парне», напечется до чертиков и из-за этого займет неприятности, кто из нас не бросит упрека в адрес Владаса Виткаускаса? Кто из нас не назовет его в таком случае человеком бесхребетным, не умеющим главного в своей работе — распознать, кто чего стоит?!

И кто из нас не будет в таком случае прав?! Но давайте наберемся самокритичности и отметим, что сам Владас Виткаускас был уверен в том, что поступил правильно. И действительно, до того дня, когда мы с ним беседовали, в этой организации никаких ЧП не было, и даже наоборот, почти по всем параметрам первичной комсомольской организации эти девушки и парни выглядели совсем неплохо. (Здесь нам надо особенно внимательно вслушаться в звуки «Лебединого озера» — ведь не обязательно уже проторенными дорогами побеждать зло.)

Так вот, Владас Виткаускас во имя конкретного человека — давайте скажем прямо — в определенной мере рискнул и рискует до сих пор. Опять волей-неволей хочется, с одной стороны, сравнить престиж всей организации завода с делами конкретного человека,

а боль из-за последнего как-то видится острее, ярче...

И все же как до стыда обнаженно, не оставляя никаких иллюзий, эти примеры из жизни Владаса Виткаускаса показывают, что намного легче и проще любить всех сразу, оптом и не видеть частиц, из которых спрячь одну, потеряй другую, не заметишь третью — и то большое общее тоже вдруг станет каким-то куцым, бесховством...

Как-то кажется, что читатель пока не совсем точно представляет себе, что же это за штука — вильнюсский завод «Жальгирис». А без этого представления, сколько бы мы ни говорили

лочкой, и воздух вновь наполнился звуками «Лебединого озера».

К примеру, практически после каждого комсомольского мероприятия Владас Виткаускас считает просто необходимым расспросить рядовых комсомольцев: понравилось или нет, почему именно... И мнение таких людей, как Зина Коркишко, оператор АСУ, инженер-метролог Витаутас Кренгаускас, для него особенно весомо.

К примеру, по мнению многих, комсомольская организация «Жальгириса» работает на самом деле интересно, творчески. Но сам Владас Виткаускас предпочитает об этом разговор не заводить. Ему самому кажется, что, несмотря ни на что, каждому молодому человеку можно было бы уделить еще больше внимания.

К примеру, завод известен тем, что здесь среди комсомольцев очень большую отдачу дала инициатива «работать без отстающих». Но сам Владас Виткаускас не спешит об этом трубить — нет-нет да и случается, что какой-нибудь парень по собственной вине не выполнил нормы. Значит, и говорить о полном успехе еще рановато.

И вот перед нами факты — и вскользь упомянутые и попристальнее рассмотренные. И мы просто обязаны задаться вопросом: как же получилось, что этот двадцативосьмилетний парень умеет любить не вообще человека, не вообще комсомольца, а очень конкретную личность, за которую чувствует себя в ответе?

Ведь в общем-то Владас Виткаускас по своей биографии технократ. Учился в Каунасском политехническом институте, приобрел специальность инженера по промышленной электронике. По назначению попал на «Жальгирис», два года трудился инженером-конструкто-

Яковас ШАДЯВИЧУС,
участник
II Всесоюзного совещания
молодых журналистов

ИСТРАСТЕН

о секретаре, о его делах, представлении все равно будет неполным, однобоким.

Так вот: примерно за полтора километра на север от заводской территории возводится самая большая в мире Игналинская атомная электростанция (ИГАЭС). По проекту ее мощность — шесть миллионов киловатт. Само собой разумеется, что все заводы, поставляющие хоть что-нибудь для ИГАЭС, должны изготавливать самое новое, самое надежное и современное изделие. Это достаточно полная характеристика и для предприятия и для его людей, ведь атомная энергия не прощает ни брака, ни головотяпства. Завод «Жальгирис» тоже поставляет для атомной станции свои изделия. А это много говорит и о «квалификации» комсомольской организации, ведь над этими заказами работают и молодые ребята, в определенном смысле воспитанники Владаса Виткаускаса, а в некотором роде его воспитатели — ведь именно эти люди голосуют за него во время отчетно-выборных собраний. Это токарь Леонтий Дубинович, сверловщик Марьянас Сивицкис, слесарь Генрикас Селевичус. Это, наконец, вся комсомольная заводская организация, избравшая своим руководителем Владаса Виткаускаса. И все те добрые слова, которые мы адресуем вещи — издедлино, мы просто обязаны переадресовать людям.

А теперь я мог бы продолжить перечисление некоторых фактов из жизнеописания Владаса Виткаускаса.

Вы видите — дирижер взмахнул па-

ром над станками с программным управлением. Сам уверяет всех в том, что к общественной работе больших способностей не проявлял ни в КПИ, ни в Видукле, маленьком городке Расейнского района, где родился, окончил школу.

Так что же, перед нами талантливый самоучка? Человек, который сам научился любить того, кто рядом с ним, понимать его? Сам дошедший до понимания того, что и планету и человечество вообще может любить и поддлец и филантроп, что человечество любил и Мальтус, сформулировавший человеконенавистническую теорию о перенаселенности планеты, и, скажем, Маклай, всю жизнь посвятивший тому, чтобы доказать, что все люди равно одарены природой. И все-таки дело еще и в том, что второй из них умел любить и конкретного человека, где бы он ни жил, на каком наречии ни говорил...

Но все-таки эпоха самоучек-энциклопедистов давненько миновала, и, кажется, безвозвратно. Самому, своим умом дойти до самых важных вещей человеку становится все трудней, все больше рискуем в тысячный раз избрести велосипед. Ко всему, что мы находим, что начинаем считать своим, приводит сумма приобретенных знаний.

А если эта мысль автора покажется вам спорной, вы сейчас же предъявите претензию: скажи, разлюбозный, какая же сумма знаний заставила Владаса Виткаускаса отказаться от такой простой, заманчивой, а вместе с тем ни к

чему особенному не обязывающей любви к обществу во имя любви к конкретному? Как сам для себя он нашел эти истины, почему верит именно в них и почему эта вера для него — путеводная звезда в такой очень прагматичной жизни, где не всегда так-то просто отделить зерна от шелухи, подлинную искренность от приспособленчества, настоящий патриотизм от простого отсутствия собственных убеждений?

Как непросто вычислить тропы, которые привели человека к этим высотам! Осмыслить и оценить их. И вообще, как не просто понять и объяснить: почему человек для себя избрал именно такую?

И все же в личности Владаса Виткаускаса такие дороги высвечиваются. Правда, все то, о чем пойдет речь дальше, лишь помогло сделать Владаса Виткаускаса таким, каким видим его сейчас. Но все же какие могут быть гарантии того, что он не пришел бы к этому каким-либо другим путем? И вообще жизнь не схема, где так понятны все причины и следствия. Вместе с этой оговоркой должен признаться и в том, что автору несколько боязно: как бы то, о чем пойдет речь дальше, не показало читателю несколько поверхностным, быть может, банальным. Не хотелось бы, чтобы из-за этого пострадал образ Владаса Виткаускаса. Но, честно говоря, просто не вижу, как иначе рассказать об этом...

Представьте себе: во мраке великолепного зала Вильнюсского академического театра оперы и балета, когда на сцене о чем-то в своем неповторимом танце рассказывают маленькие лебеди под бессмертную музыку Чайковского, — сухощавый, стройный парень вдруг медленно стягивает почему-то запотевшие очки... Что это значит?

Впервые мелодии своей «первой любви», «Лебединого озера», Владас Виткаускас услышал уже будучи студентом КПИ. И насколько беднее была бы его жизнь без этой музыки, без мелодий, рассказывающих о борьбе двух начал — добра и зла, без мелодий, сотрясающих душу. Тогда, когда Владас Вит-

каускас впервые услышал «Лебединое озеро», когда полюбил его, ему как бы приоткрылись врата в какой-то следующий ярус познания, в высшую сферу человеческих отношений...

Хотя и к этому ведь надо было подобраться. Разве еще в школьном кружке танцев он не топтал башмаков в замысловатом ритме «Ча-ча-ча»? Разве не дул в деревянные трубки скудучий¹, разве вместе со своими друзьями по школьному ансамблю не стоял на вильнюсской эстраде праздника песни? Разве, абсолютно не имея голоса, он не мучил слушателей школьного хора своими песнопениями?

Но не будем торопиться. Если человек так умеет чувствовать музыку — вероятно ли, что он останется глух к крику души человека, находящегося рядом с ним? Если он своей жизни не представляет без красоты — позволит ли он противным диссонансом втравиться в нее толстокожести, нетерпимости к другим? Если после того, как первый раз увидел балет, услышал оперу, он ощущает необоримое желание еще и еще раз окунуться в это море чувств, разве можем себе представить, что душевный мир этого человека был бы далек от жизненной реальности?..

Кстати, вы не задумывались над тем, что любовь молодого и прекрасного принца из «Лебединого озера» ждет еще

¹ Скудучий — деревянный духовой литовский народный инструмент.

одно, быть может, самое трудное испытание — испытание повседневностью? И это уже после того, как он нашел свою принцессу — лебедя.

У будней есть свой цвет.

У будней есть свое настроение.

И у будней есть своя «степень человечности», но это только у таких людей, как Владас Виткаускас. Ведь не каждый же день он терзается из-за оступившегося товарища или из-за сотрудницы, попавшей в беду. Ведь еще есть и будни!

Судите сами.

Есть на заводе такой вроде бы неприметный парень — Олег Ермаков. Скромный, немногословный. Работает токарем. На «Жальгирисе» давненько. И вот стали в заводском комитете комсомола думать, кого бы рекомендовать новым секретарем. И в этой связи несколько раз упоминали Олега. И спотыкались. Говорили: «Тихоход. Недостаточно энергичен. Ничем не доказал, что умеет влиять на людей...»

Владас Виткаускас был очень внимателен к Ермакову. В первую очередь внимателен к нему лично.

И вот вам небольшое упражнение в синонимике. Говорили: Олег тихоход. Владас Виткаускас доказал: спокойный, очень твердый, уверенный в себе.

Говорили: недостаточно энергичен. Владас Виткаускас доказал: не разбрасывается, умеет в каждом деле увидеть главное звено, умеет точно оцутить точку приложения своих сил.

Говорили: вряд ли умеет влиять на людей. Владас Виткаускас доказал: Ермаков на людей влияет не словами, не пустозвонством, а собственным примером, собственной убежденностью.

Было так: Олег действительно мало смыслил в том, как надо вести и оформлять документы комсомольской организации, как надо готовить и проводить собрания. Сегодня Олег Ермаков — член ревизионной комиссии райкома комсомола. А его первичная организация одна из лучших на заводе.

Вы чувствуете разность между тем, что было и что есть? И вы, наверное, чувствуете, что между этими понятиями — труд Владаса Виткаускаса. Нет, наверное, даже не труд, а одно из проявлений любви к человеку — тому, что рядом, тому, что с тобой вместе...

Ведь, скажем, Владасу Виткаускасу совсем не было положено в бытность конструктором самому, по своей инициативе перепроверять еще раз чертежи электросхем. Но он знал, что любая мелочь, любая неточность, им здесь обнаруженная, намного облегчит труд слесарей-электромонтажников. Вроде ему по долгу службы не положено. Вроде. Но людям-то будет легче!

Потом Владас Виткаускас ушел «на комсомольскую работу». А парни из участка слесарей-электромонтажников создали у себя комсомольско-молодежный коллектив. Ведь как аукнется, так и откликнется...

И вот как тут получается. Такой человек, которому по-доброму, по-хорошему верить, становится как бы частицей твоего собственного духовного мира, становится частицей тебя самого. Потому что ты лично заботишься о нем. Потому что в конце концов такой человек, как Владас Виткаускас, и сам себя не мыслит вне своих заводских друзей...

Одетта — Одилия.

Злой колдун.

Влюбленный принц.

Велика и неописуема сила искусства. И очень щедр. И одна из самых важных наук, которые она преподает, — умение любить человека.

Да не упростим мы нечаянно этого, да не проставим прямого и ясного знака равенства между тем, что чувствует Владас Виткаускас, и тем, как он поступает. Хотя, помните, у Ленина: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей...»

РОЛИ

ПРЕДЛАГАЕТ
ЖИЗНЬБорис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Фото Бориса ВДОВЕНКО

Все меньше и меньше остается на земле моих сверстников, свидетелей ушедших лет, строителей того будущего, которое для нынешнего поколения молодых — будни. И вы поймете меня, если я начну рассказ с дорогих мне картин детства и юности...

Была в Российской империи Вятская губерния, а в губернии уездный городок Нолинск. В те годы, чтобы попасть из центра в Нолинск, приходилось ехать по железной дороге до Вятки, затем плыть на пароходе, и только через сутки, если не застрянешь на мели... Пересев в бричку, надо было преодолеть еще двадцать пять километров проселочных дорог — вот тогда-то взору представали Нолинск и речка Воя, на которой он стоит.

Ах, как тихо в Нолинске моего детства!

Жили люди без мечты, без надежды на будущее. И думаю я теперь, что самое главное отличие нынешнего времени от тех лет не в том, что тогда сидели при тусклых керосиновых лампах, что не было телевизоров и радиоприемников, не летали в космос. А в том, что духовно насыщеннее цель та, что придает высокий смысл нашему существованию.

Впрочем, у нас в Нолинске необыкновенные происшествия случались. Мы, ребята, к примеру, восхищались отважной гимназисткой, которая поймала на лугу лягушку да и съела ее. «Вот это героиня!» — думали мы.

Довелось мне в детстве побывать на спектакле, в котором играл мой отец. Я безусловно верил всему происходящему на сцене. И когда герой пригрозил, что застрелит своего соперника, я в великом страхе завопил: «Не тронь папу!» — и заревел в голос.

Вскоре определили меня в церковноприходскую школу. Главным предметом в ней был закон божий. После — реальное училище. В Нолинск приехал из Санкт-Петербурга учитель пения и организовал в школе хор. Пел хор много и успешно, был даже устроен концерт, куда пригласили и почетных людей города. Я, ученик третьего класса, пел соло — романс Шуберта «Форель». Трогательный и наивный, он мне нравился, я жалел неопытную рыбку и не любил хитрого рыбака, обманувшего бедняжку. Переживания мои были искренни. Мне аплодировали впервые в жизни! К эстраде подбежала девушка, сняла со своего платья брошку-цветок и приколола ее к моей рубашке. Та самая девушка, которая съела лягушку, — наша мальчишеская героиня!

Конечно, приятно получить такой знак внимания, да еще у всех на глазах, но, сами понимаете, это были детские эмоции. А вот ощущение, возникшее у меня тогда впервые, — ощущение, что искусство каким-то необыкновенным цветом расцветило нашу унылую провинциальную жизнь, заставило меня серьезно, по-взрослому задуматься. И наполнило мой внутренний мир каким-то новым содержанием.

Потом пришла первая мировая война. Как ни надежно был спрятан в вятских лесах наш городок, а и до него докатились ее раскаты. Пошли разговоры о неудачной войне, о глупом царе. Ждали перемен. В конце октября 1917 года телеграф принес весть о победе революции. Стали собираться

крестьянские съезды, на которых выступали бородаты, степенные мужики и люди в солдатских шинелях.

После окончания реального четверо из нас вновь вернулись в тот же класс, где проучились семь лет, но только теперь нас называли слушателями краткосрочных педагогических курсов. И вот я уже преподаватель естествознания в школе второй ступени. В старшем классе моей школы оказалась целая группа бывших гимназисток по четырнадцати-пятнадцати лет. При стеснительном моем характере старшинство на три года не способствовало моему авторитету в их глазах. Быстро раскусив мою слабость, а я, вправду сказать, побаивался их, они стали развлекаться, задавая мне вопросы, не относящиеся к предмету. Незаметно передвигая парты, закрывали мне выход, и я оказывался «арестованным» на всю перемену. Как тяготился я своей первой профессией! Но, работая над ролью Степана Лагутина в фильме «Учитель», был благодарен судьбе за то, что довелось поработать в школе.

Позабыл я рассказать, что случилось, когда я еще был учеником. Этот случай сыграл большую роль в моей жизни.

Долгие годы в Нолинске существовал кружок любителей театра. Любители собрались сыграть «Грозу» Островского, да суфлер сломал ногу, а без него «артисты» играть не могли. Кружковцы пришли в реальное училище и обратились к старшекласникам: «Кто у вас лучше всех подсказывает?» Ответ последовал незамедлительный: «Борька Чирков!» Уговаривать меня не пришлось.

Как же я старался! Ни на одном уроке не удавалось мне подсказывать так легко и своевременно, так отчетливо, как на репетициях в Народном доме. Меня хвалили исполнители, одобрил режиссер. Завтра спектакль.

...Но теперь, когда все началось «понастоящему», я не мог оставаться равнодушным подсказчиком текста. Все сильнее ненавидел я Дикого. Невольно шепот становился все громче и громче. Голос мой окреп и уже явственно был слышен не только исполнителям, но и зрителям. Актеры все больше и больше смущались: из помощника я становился врагом, мешая их самостоятельности, навязывая им свою трактовку каждой реплики. Вопреки желанию они повторяли мои интонации и вносили мою страстность в слова своих героев.

В зрительном зале трагизм и юмор происходящего поняли не сразу. Наконец кто-то хихикнул, его поддержали...

Лицо помощника режиссера исказилось, как от зубной боли. Он махнул рукой пожарному. Тот в своей сверкающей каске прямо через сцену подошел к рампе и быстро задернул занавес.

Таков конец моего первого дебюта в театре.

Раны зарубцовываются, огорчения забываются. Прошло время, любители снова затеяли поставить спектакль, вспомнили про незадачливого суфлера. Однако на этот раз мне предложили сыграть роль! Все прошло благополучно, я получил ангажемент на следующую постановку и стал постоянным артистом кружка.

Выступали мы в городе, а однажды задумали

показать наши спектакли в деревне. Уком партии одобрил нашу затею.

В январе, в разгар крещенских морозов, из города выехал длинный обоз, который мы назвали культурно-просветительным передвижным отрядом. Лектор, врач, агроном и мы, артисты любительского кружка, направились в самые глухие волости нашего уезда. Там жили люди, не зная, что творится не только в далеком мире, но даже в уездном городе, за шестьдесят верст от их деревни. По вечерам они сидели при лучине, которая горела неровным светом, трещала, чадила.

Вспомнил я эту лучину, осматривая Братскую ГЭС. И на склоне лет, оглядываясь на крошечный огонек лучины, виденный в юности, понял, что поколение мое честно прошло свой путь, что отдавало оно силы и кровь свою за будущее счастье на нашей земле.

В этой поездке впервые узнал, что благодарность людская — самая дорогая награда, которую может заслужить человек за свой труд. Мы были вознаграждены сверх всякой меры наивными, увлеченными зрителями, которые, несмотря на жестокий мороз, шли на наши спектакли из окрестных деревень.

...Позже, когда я раздумывал, имею ли право идти в актеры, именно эти воспоминания заставили меня принять решение.

Вскоре группа моих однокашников собралась ехать на учебу в Петроград. Жизнь — то вперед большая — неужто всю ее провести в Нолинске? Потолковали мы между собой и решили: идем в инженеры. Особых дарований за нами не числилось, а профессия солидная, уважаемая.

Один приятель спросил меня:

— А как же театр?

— Там талант нужен настоящий, а не домашние способности.

Да и с чего это меня возьмут? Данных особых нет, а недостатки налицо — застенчивость, например. Правда, в спектаклях она вроде бы пропадала, да ведь это в Нолинске, а в большом городе...

Итак, Петроград. Осенью двадцать первого мы, нолинские парни, всей компанией поступили в Политехнический институт и принялись сокрушать гранит науки. Только у нашего брата, приезжего студента, было довольно трудное житье. Нолинскому землячеству отвели громадную пустую квартиру. Для борьбы с холодом пришлось приобрести две железные печурки, носившие ироническое название «буржуйки». Так что месяцев через пять стал нам видаться во сне наш милый Нолинск.

Вскоре в моей жизни произошли важные перемены. По настоянию земляков, которые не забывали, как я играл в любительских спектаклях в родном городе, поступил я в ИСИ — Институт сценического искусства, совмещая занятия там с учебой в институте Политехническом. В театральном же почти одновременно собрались люди, без которых мы теперь не можем представить себе историю развития советского театра и кинематографа: Черкасов, Меркурьев, Толубеев, Савченко, Шишкин, Полицеймако, Смирнов.

Как и во все времена, мы, молодые студенты, были убеждены, что нашими силами обновится

старый театр. Кто собирался стать «реформатором» театра, определился в группу Радлова, передового художника, как мы его воспринимали.

Первый показ нашей работы вместо ожидаемого триумфа принес полный провал. Изобразив внутренний мир героев поверхностно, мы увлеклись полукрабоватской манерой сценического поведения, надуманными интонациями. Экзаменаторы оценили новаторские, по нашему мнению, достижения как отсутствие даже первоначального умения держать себя на сцене.

Растерянные, подавленные, мы молча сидели в своей аудитории, думая, что же теперь делать.

Во время этих грустных размышлений в дверях класса появился Павел Иванович Лешков, знаменитый актер Александровского театра, один из преподавателей нашего ИСИ. Он оглядел всю нашу печальную компанию и поманил меня пальцем.

— Одевайся. Пойдем! — сказал он мне. — Ну, что? Мы — народ отсталый, вы — люди передовые. Доказали, что вам делать в театре нечего! Куда пойдешь-то?

— Не знаю, — прошептал я.

— А ведь я звал тебя в свою мастерскую. Два раза послос посылал. А ты что отвечал? Лешков — отсталый. А я бы из тебя настоящего артиста сделал! Кондрат Яковлев у нас, в Александринке, последние годы играет. Я считал — вот ему замена будет. А теперь тебя и на порог пускать нельзя.

Трудный прожил мы тогда год: учились не гладко и не просто, в трудах до пота, в еде не досыта, с малыми достижениями, частыми срывами и провалами, но полные надежд. Приходилось еще отрываться от учения, чтобы раздобыть деньги на починку порванных ботинок, штюпку протершихся штанов.

Самой доходной была работа в порту. В начале двадцатых годов завязалась у нашего государства торговля с зарубежными странами. Профессиональных грузчиков не хватало. Тогда-то и народились студенческие бригады. Обычно вновь прибывший пароход отдавали на разгрузку какому-нибудь одному институту. Разгружали его с раннего утра до позднего вечера, бегом.

Подрабатывал я и на выездных спектаклях крупных артистов, в которые нас, студентов, приглашали на выходные роли.

Вскоре приятель устроил меня писарем в штаб полка. Это был год полного материального благополучия.

А на третьем курсе я был удостоен стипендии, и все мои бытовые заботы отпали. Рассказал я о своих молодых похождениях только затем, чтобы показать, что время тогда было особенное. Энергии и запала хватало не только на занятия и приработки, но и на нескончаемые капустники, которые шли в студенческой комнате отдыха с утра до вечера. Здесь всегда было шумно и весело.

Двадцатые годы помнятся мне как время множества начал. Мы вышли в жизнь, собираясь перекроить ее по-своему, построить тот счастливый порядок, о котором человечество мечтало веками.

После окончания театрального института я работал в Ленинградском театре юного зрителя среди людей, не только искренне и преданно любивших искусство, но ясно и твердо исполнявших основной долг художника — воспитывать в юных зрителях светлое, доброе. Театр стал для меня вторым институтом.

Радостный день у нас начинался в девять часов утра с тренировочных и учебных занятий. После спектакля мы не расходились. Компания у нас подобралась чудесная. Не могу перечислить всю труппу театра да еще прибавить туда постоянных наших гостей и друзей, среди которых были известный поэт Маршак, ироничный, изысканно-вежливый композитор Стрельников, художник и писатель Лев Канторович... Почти на каждом таком собрании присутствовал юный остролов композитор Никита Богословский. В театре познакомился я и с Евгением Шварцем — мастером удивительной драматургической выдумки и тончайшего юмора. Бывший артист ростовского театра, он тогда именно нашему ТЮЗу отдал свою первую пьесу.

В театре у меня была интересная и беспокойная работа, а кино оставалось непонятной областью человеческой деятельности, манившей своей загадочностью и сильным воздействием на зрителей.

Но вот пришел день, когда меня пригласили на кинофабрику. Нет, я не увидел здесь чудес. Шла работа, упорная, напряженная.

В театре я привык играть целый вечер в одной пьесе. В кино прямо из суматошной обстановки съемок надо было перешагнуть в выдуманную жизнь. Не успеешь обжиться в ней, а надо уже возвращаться назад, в реальную действительность съемочной площадки. Снимались эпизоды непоследовательно, поэтому эмоциональная память актера

обязана хранить «хронологию» душевной жизни героя, а память разума — контролировать закономерность и логичность его душевных переживаний. В зрительном зале театра царит тишина, а на съемках работа актера протекает среди шума, постоянного хождения множества людей, бесконечной перестановки аппаратуры. А как хочется актеру, чтобы на съемке зрители помогли ему своим смехом или напряженным вниманием! Но вместо публики на него смотрит киноаппарат, сделанный из холодного блестящего металла и стекла...

Большим событием моей жизни стала встреча с режиссерами Козинцевым и Траубергом. С охотой я согласился сниматься у них в эпизоде одного из первых звуковых фильмов — «Одна».

Козинцев и Трауберг пригласили меня участвовать в своей следующей картине, «Юность большевика». Я играл одного из друзей главного героя, а его самого играл Гарин.

Неожиданно режиссеры пригласили меня в свой кабинет на «Ленфильме». Прикрыли дверь, внимательно меня оглядели, переглянулись и... предложили мне роль главного героя — Максима.

Студийная машина отвезла меня домой. Со сценарием в руках, не дожидаясь лифта, я взбежал на четвертый этаж. Вот я и один. Читаю сценарий и воображаю себя в Санкт-Петербурге. Это был вдохновенный час чтения. Всем, что передумал и нафантазировал в эту ночь, поделился я на следующее утро с Траубергом и Козинцевым. Моя горячность и увлеченность им понравились, а что касается фантазии — они постарались ее заземлить.

— Да, конечно, и вы и Максим — молодые люди, — сказали мне режиссеры, — но не во всем похожие. Максим — один из тех, кто начинал борьбу за новый порядок на земле. Он и в наши дни герой. Если вы хотите понять сущность Максима, рабочего человека, то идите на завод, ищите там родню и товарищей Максима.

И мы пошли на Путиловский, на Обуховский, на «Красный выборжец». Встретились с теми, кто стоял у жарких плавильных печей, управлял огромными станами. Мы нашли в этих людях твердость, ясность убеждений, крепкое товарищество. Это были замечательные наглядные уроки для нас, молодых актеров.

Месяца два примерялись, пристраивались мы к образам своих героев, стараясь узнать о них как можно больше, пробовали жить их жизнью. Постепенно постигали их характеры.

Однажды поняли, что обделили Максима — не дали ему песню. И вот на репетиции...

— Пойте, что придет на ум, — сказал мне один из режиссеров. — Попробуем этот эпизод с песней.

Мы шли с Демой по репетиционной комнате, как бы по дороге на завод. На первом же шагу он пихнул меня кулаком в бок: «Запевай!» От неожиданности я заголосил, сам не понимая что. Песенку, когда-то давно слышанную и вроде бы позабытую.

— Как, как? — разом вскрикнули оба режиссера. — Вы не можете погромче? Что там у вас крутится?

— Я сейчас что-нибудь другое соображу. Случайно припомнилось, отец пел когда-то...

— Не надо другое! — закричали режиссеры. — Эту, эту давайте! Именно эту песню пел Максим!

Так появилась у Максима песня, с которой не расставался он всю трилогию, песня, по которой узнают и вспоминают его зрители.

Шесть лет Максим был постоянной моей ролью. Для многих зрителей я и мой герой стали как бы одним человеком, мне даже письма адресовали: «Максиму Чиркову». Попадал я из-за этого в разные истории — и приятные и неприятные.

Вскоре после выхода фильма на экран заглянул я в бильярдную. Игра тут же прекратилась, мне протянули несколько киев:

— Пожалуйста, покажите хотя бы парочку ваших ударов.

В фильме меткие удары в лузу посылал за меня и за Жарова настоящий мастер бильярда, некто Жорж Гаев. Но признаться, что я и играть-то не умею, значило бы глубоко разочаровать своих почитателей. Не мог я пойти на это!

— Спасибо. Как-нибудь в другой раз. Палец вывихнул...

Осенью 1938 года исполнилось двадцать лет комсомолу. В Большом театре давался торжественный концерт. Волнуясь, стоял я за кулисами. Озабоченный конференсье кивнул мне головой:

— После Козловского ваша очередь.

Петь песенку Максима после такого певца? Микрофонов тогда на сцене не ставили. Я глядел в громадное, темное пространство зала как будто в ночное небо. В наступившей тишине слабо тренькали струны моей гитары. И вдруг из темной глубины зрительного зала донесся до меня какой-то добрый вздох. Тогда я запел и почувствовал, что мой голос

доходит до самых высоких ярусов. Когда после песни я вновь выходил на сцену Большого театра, аплодисменты шумели во всех уголках огромного зала, и громко повторялось имя Максима...

Прошло тридцать шесть лет, как ушла в историю весна 1945 года, весна великой нашей победы. Но и сегодня в памяти явственно встают первые горькие и грозные месяцы начала войны: вспоминаются эти дни как время нашей стойкости, всенародного порыва — выстоять, сохранить честь и будущее бесконечно дорогой Родины.

И мы, актеры, искали свое место в борьбе советского народа с фашистскими захватчиками. С первых недель войны начались выступления перед мобилизованными и ополченцами. По утрам отряды творческих работников киностудии старательно обучались основам солдатского дела. По ночам мы несли дежурство, охраняя «Мосфильм» от зажигательных бомб. Однако постоянно не оставляла мысль: настоящего дела мы не делаем.

Вскоре у кинематографистов возник замысел — выпуск боевых киноборников. Первый было поручено открыть моему Максиму.

В последней части трилогии Максим, отправляясь на фронт гражданской войны, прощался со зрителями. С этого и начиналась лента военной поры. В ней Максим сходит с экрана, и реальный человек входит в зрительный зал, разговаривая со зрителями, как со своими современниками, с которыми вместе будет отстаивать Родину от врагов.

Мы, составители патриотических лент, хорошо понимали, что на войне оружием становятся не только отвага и самоотверженность, но и юмор. Меня тянуло сыграть в картине, которая заставила бы зрителей смеяться и хоть ненадолго отвлечься от тяжелых раздумий о войне.

Такая возможность представилась мне в «Антоше Рыбкине». Рыбкин — ротный повар. Благодаря энергичному характеру, развитому чувству юмора и находчивости он успевает не только обед сварить, но и атаку отбить. Один, между прочим, управляет против взвода фашистов, а главное — мой герой умеет подбодрить и развеять товарищей.

Мы снимали фильм во дворе киностудии, а над нами летали фашистские самолеты, бомбили жилые дома Москвы и ее мирных жителей...

Всю жизнь я был не только актером, но и увлекающимся и влюбленным в театр зрителем.

Величайшие потрясения испытал я от игры таких корифеев сцены, как А. Давыдов, А. Моисси, П. Орленев. А последние годы я непосредственно участвовал в отборе самых лучших и самых достойных спектаклей нашего советского театра. Этой интересной и ответственной работой я занимаюсь как руководитель театральной секции в Комитете по Ленинским и Государственным премиям.

Как актер, последние годы больше всего времени и сил я отдаю театру, а конкретно — Московскому театру имени Н. В. Гоголя, в труппе которого играю уже многие годы. Вот и сейчас я репетирую у себя в театре новую роль в спектакле «Птички» Жана Ануя. Играю я роль Шефа, писателя-детektива, которого за эту профессию презирает вся его семья, однако не стесняющаяся жить за его счет.

Я горячий поклонник телевидения. В работе для «голубого экрана» во мне соединяется профессия киноактера с профессией актера театрального, обе они требуют совершенно новых приемов актерского мастерства. В свое время я с удовольствием работал над образом руководителя большевистского подполья Стороженко в телефильме режиссера Орлова «Сердце Бонивура» по мотивам книги Д. Нагишкина.

Одной из моих важных работ последних лет на телевидении стал спектакль «Машенька» А. Афиногенова. Этот спектакль явился большим творческим событием в жизни всей моей актерской семьи. Дело в том, что поставил его я вместе с моей женой Л. Генике, а играли мы в пьесе семейным трио — я, жена, дочь — Людмила Чиркова.

Нет в моем возрасте работы более увлекательной и творческой, чем работа педагогической. Вот уже два года руковожу я курсом во Всесоюзном институте кинематографии. Мы учим наших студентов мастерству актера, прививаем им умение пристально наблюдать жизнь. Ведь без этого нет художника. Работа педагога дает возможность передать будущему поколению то, что накоплено и передумано мною за многие годы.

У меня никогда не бывает и часа полного довольства собой. Такое уж это дело — искусство, и такова наша доля: вечно стремиться к лучшему, к гармонии, совершенству. Если мои герои оставляют след в душе зрителей, если моя работа актера, педагога, гражданина поможет сделать людей лучше, поможет воспитанию молодых, стало быть, не зря я живу свой век на земле.

Записала Заира ЕФИМОВА.

ПРОБЛЕМЫ
НРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНИЯ

МАШЕНЬКОЕ ОКНО В БОЛЬШОЙ МИР

Читатели обсуждают проблемы, поднятые в рассказе Дмитрия Холендро «День рождения»

В № 11 этого года в нашем журнале был опубликован рассказ Дмитрия Холендро «День рождения». В нем рассказывалось о молодом человеке, который вел праздный, бесцельный образ жизни. Не желая ни работать, ни учиться, Костя проводил время, как и известный герой Гончарова, на диване с книгой. Его любовь и чтение получила неожиданный оборот — операцией «Алые паруса» издательским назван он обманную продажу собрания сочинений Грина.

И праздность и обман не бередили, казалось, герою рассказа душу. Но внезапно все это предстало ему в ином свете: бабушка Кости умерла в день своего рождения.

Редакция предложила читателям обсудить рассказ Д. Холендро, определив тему обсуждения — инфантилизм некоторой части нашей молодежи. Мы получили интереснейшую почту, обзор которой и предлагаем вниманию читателей.

Разные люди написали в редакцию — и по возрасту и по воззрениям. Многие молодые читатели узнали в герое рассказа себя — если не полностью, то, вероятно, обнаружили некоторые свои черты, а родители распознали своих детей. И причина такой необычно большой почты, пришедшей на рассказ как на материал о реальных людях, реальной ситуации, в том, что под пером писателя воображаемая ситуация действительно обрела реальность. «Последнее время все чаще появляются в нашей литературе, начиная с «Игоря Саввовича» Вили Липатова, подобные косты. Наверное, это не случайно — острее и острее становится сама проблема, — пишет Л. Пушкарева из г. Горького. — Костяку нравится быть «постояльцем у земли», и это уже не просто наив, проявление инфантилизма, это — острое потребительство». Почти все наши корреспонденты не ограничились поисками причин инфантилизма некоторой части молодежи: много проблем «замкнулось» на поднятом в рассказе вопросе.

Начать же обзор хочется с писем, лежащих у нас отдельной стопкой — на конвертах нет ни фамилий, ни адресов. Однако и содержание: мол, к чему затея с читательской конференцией — только-то и будет, что нотации да нравоучения. Сами разберемся, заявляют Костины близнецы.

Разберутся ли? Хотелось бы верить... Но вчитаемся в аргументацию анонимных авторов, откликнувшихся на рассказ.

СКОЛЬКО ОТВЕТОВ ТРЕБУЕТ ОДИН ВОПРОС?

- РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН СОСТОЯТЬСЯ
- КАКИМ ТОНОМ ЧИТАЮТ НОТАЦИИ
- «ЗАПРЕТНЫЕ» ТЕМЫ?!

Костин дедушка не договорил с внуком, был резок — чего же ожидать от человека, раздавленно горем. Но подобный разговор, подробный и нелицеприятный, обязательно должен состояться в жизни Кости: с дедушкой ли, с другом ли, с девушкой, которую встретит. Это не рецепт, не условие, просто иного и быть не может, не пройдут незамеченными Костины, мягко говоря, душевные проколы. Те, кто не подписал свои письма, заявляют: «Сами разберемся...» По их мнению, разговор (или спор) должен происходить на неравных началах: чтобы «достучаться» до молодых, старшим необходимо «освободить» свою аргументацию от нравоучений и нотаций». А почему вдруг слову «нравоучение» сообщается этакая ущербность: ведь оно означает «учить нравственности»? Учить предмету, безусловно, профилирующему в школе человечности.

«В рассказе герой «бабушку любил», но «нередко она его раздражала». У меня — дедушка, а его очень любила, но в то же время он меня ужасно «раздражал»: своими рассказами о войне, о том, что мы обязаны им (старшему поколению) всем, своими нотациями о морали и нравственности», — пишет студентка из Караганды, пожелавшая скрыться за инициалами А. Б. С. Странное дело: тема войны попала чуть ли не в запретные для общения старшего и младшего; рассказы деда о пережитом разрушают это общение, внушка раздражает, замыкается. Возможно, старшему не всегда под силу было найти верную интонацию, но раз вспомнил о дорогом — значит, волновался за внука. А девочка искала в его словах только то, что, по ее мнению, ущемляло ее достоинство. Судя по письму,

особенно ущемляло напоминание об обязанности старшему поколению. Но ведь действительно обязаны, как обязаны государству за возможность, например, учиться без отрыва от производства. Только, к сожалению, молодые часто оказываются в ложном положении: слишком уж хорошо усваивают свои права, так, что в должниках-то вроде бы и не они вовсе. Видимо, потому так происходит, что многое из необходимого в жизненной дороге с легкостью отставляется в сторону и снабжается ярлыком «надоевших нравоучений и нотаций».

Итак, рассказы старших об их героической, полной лишений и трудностей молодости кажутся некоторым молодым чем-то вроде исходного материала для нотаций и т. п. А если вам, наши критически настроенные корреспонденты, немного приподняться над собственным раздражением, попытаться взглянуть глубже? «Пример молодежи времен гражданской войны, ее подвигов и поступков стал лучшей школой для поколения, вышедшего военное и послевоенное лихолетье», — пишет Г. Скоропникова из Кировабада. — В наше время эти поступки стали нормой поведения настоящего советского человека. Не будем же забывать, что мы отвечаем за те нормы, по которым будет жить поколение третьего тысячелетия. Мы закладываем их фундамент и не имеем права на брак». Это верно выбранный угол зрения в нашем разговоре. И, что важно, такова, судя по остальной почте, позиция людей, чей жизненный опыт является серьезным аргументом.

Думается, что за раздражением иных анонимных авторов скрывается просто-напросто нежелание оказаться перед необходимостью ответить самому себе на вопрос: а так ли живу? Это трудно — ответить самому себе честно. Перед другими, перед теми же старшими можно и покуражиться: мол, я весь в поиске ответа, — от себя же, верно говорят, не скроешься. Вернемся к письму студентки из Караганды: «В 7—8-м классе я поняла, что учеба не главное в жизни. Учить уроки я постепенно перестала, у меня появились новые друзья и подруги, совершенно иного склада, чем те, с которыми я вместе училась. С ними я стала весело проводить время. Научилась курить, одеваюсь, безусловно, — «высший класс», учусь в вузе лишь бы как, беру себя в руки лишь во время сессии. Экзамены я стараюсь сдавать более менее прилично вовсе не из-за стипендии (карманных денег у меня всегда достаточно), а просто из-за престижа. Конечно, уровень людей, с которыми я общаюсь, чрезвычайно низкий. Интересы ограничиваются новыми модными дисками и количеством зарубежных джинсов. Разумеется, встречаются в нашем кругу и люди с высокими духовными потребностями. Но они либо постепенно деградируют, либо «откальваются» от нас.

Нет, я не занимаюсь аферами с шеститомниками Грина, не ворую, как герой рассказа Д. Холендро, цветов в кафе, но почему-то я вижу в герое рассказа себя. Может быть, то, что Костя отгораживается от родных книгами, то же самое у меня — учеба. Ведь моя позиция: я теперь студентка, чего вам еще надо, я выполнила вашу просьбу, теперь оставьте меня в покое, как хочу, так и провожу свое свободное время.

Теперь некому делать мне замечания: дед умер, и я не знаю, будет ли перелом в моей жизни. Иногда я ненавижу себя за отвратительный образ жизни, но

чаще я бездумно предаюсь всей этой мешанской среде, в которой обитаю, и это мне нравится. Мне нравится, что меня считают «своей среди своих», что я пользуюсь успехом у молодых людей, что я не знаю стеснения ни во времени, ни в деньгах... Но как все надоело! А. Б. С.

Итак, «все надоело». Инициалы А. Б. С., хочется надеяться, — от стыда, но, с другой стороны, автор письма защищает свой образ жизни. Защищает и задумывается, не решаясь на важный, поворотный шаг. Ибо не хочет дать одного, пусть горького, но точного ответа на вопрос: как живу? Боится дедушкиных «нотаций». Боится не формы (мог, конечно, дедушка переборщить в тональности разговора), а содержания.

Читатель из Алма-Аты В. Хван пишет о молодых людях, подобных нашей корреспондентке: «Живут они с детства тихой, безмятежной жизнью, в «аквариумных» условиях: к домашней работе не приучены, в учебе трудности стараются обойти, выскокить на своем «коньке» — способностях к точным предметам, скажем. Выходит такой человек в жизнь, и начинаются метания, бесконечные поиски себя. Говорит он исключительно о себе, о своих проблемах, ведет какие-то отвлеченные, бессмысленные споры и дискуссии. И все это происходит из-за туманной связи с жизнью. Из-за неумения работать — для других и над самим собой».

ТРУДНАЯ РАБОТА — ОТВЕЧАТЬ ЗА СЕБЯ

- «ЭТО МЫ НЕ ПРОХОДИЛИ...»
- ВЕЛИКИЕ СВЕРШЕНИЯ В СОБСТВЕННОЙ СУДЬБЕ

Под последней фразой из письма В. Хвана могло бы стоять по крайней мере еще 30—40 подписей участников обсуждения. Все они считают труд, настоящее дело самым эффективным лекарством от инфантилизма. Но как обрести свое место в жизни, выбрать это настоящее дело и стать преданным ему? Тут у молодого человека, видимо, должны быть навыки самостоятельности: мышления, принятия решений, поступков. Учебника по самостоятельности не напишешь, урока такого в школьное расписание не вставишь. «Школа не дала Костику и другим таким же костикам важного для жизни навыка — самостоятельности», — пишет В. Горбачев из Куйбышевской области. И рассказывает, что в его классе учителя прямо-таки боролись с ребятами, обладавшими пусть и ершистыми, но индивидуальными, яркими характерами. «В результате, — продолжает читатель, — энергичные и интересные ребята становились пассивными ко всему: к товарищам по классу, к общественной работе и т. д.». Подобных примеров в почте встретилось достаточно.

Школу стало как-то принято, чуть ли не модно обвинять во всевозможных грехах воспитания. А семья? Не перекладывается ли часть ответственности на другую чашу весов? Ведь часто родители преподают детям своеобразные уроки самостоятельности: в поход, сынок, не ходи — простудишься; на картошку не вздумай ехать — перетрудишься... А вот в какую компанию сынок зачастил — неважно, лишь бы поблизости от дома. И так и откладывают вечные эдики, галочки и косты

момент, когда нужно жить своим умом, самим отвечать за свои поступки. «Думаю, что Костина беда — да, беда! — в том прежде всего, что он не умеет, не научен отвечать за себя. А что еще важнее — трезво оценить себя и работать потом над найденным отрицательным», — пишет С. Смольков из Москвы. Да, с оценкой собственных недостатков туго, зато мнение о достоинствах всегда завышенное. И рождаются, роятся в головах костиков прямо-таки наполеоновские планы. Был, кстати, такой герой в литературе, не нужно и называть — всеми легко узнаваем.

«В Косте узнал своего знакомого Сашу. Очень уж схожи характеры. Саша считает себя идеальным человеком, его мечта — стать известным, знаменитым, причем неважно в какой области», — пишет В. Куклов из Минска. — Стать известным и не ударить для того палец о палец — это Саша считает в порядке вещей. Когда же я говорю, что успех приходит только к тем, кто трудится, он отвечает: «Челуха. Проповеди свои кончай...» Желание многого добиться нужно, конечно, только приветствовать. Но почему не начать «великие свершения» с собственного характера, с собственной судьбы? «Ведь личности, крепкие характеры и светлые умы нужны не только, как у нас принято говорить, на переднем крае. Такие люди нужны и за прилавком магазина, за рулем такси и т. д. Представьте, насколько красивее, интереснее и удобнее стала бы наша повседневная жизнь», — пишет Л. Паикова из Красноярска. Справедливо пишет.

СЕРДЕЧНАЯ СЛЕПОТА

- С КАКИМ БАГАЖОМ В ПУТЬ СОБРАЛСЯ
- ОБЛОМОВ ИЛИ НЕДОРОСЛЬ?

«Молодежь у нас в основном грамотная, знающая свое дело», — пишет учитель со станции Лежа Вологодской области И. Коханов, — но подчас инертная. Инфантилизм, «наряженный» в одежды барского отношения к старшим, жажда материального благополучия взамен духовных ценностей — это, к сожалению, процветает. Хотя рядом многие молодые живут жизнью, наполненной интересными и значительными делами и событиями. Почему же некоторые глухи к этому, попрятались, как улитки, за стенами построенных с помощью родителей благополучных мирков?»

Да, ведь и Костя спрятался; заметьте, в рассказе окружающая действительность существует как-то совсем отдельно от него. «Слабое зрение, как у Кости, вовсе не причина для того, чтобы отгораживаться от людей обложкой книги» (Н. Мишаков, Волгоград). А давайте задумаемся: что вынес Костя из книг? В рассказе бабушка прямо говорит, что читает он бездумно. Да и никак не отражается прочитанное в Костином багаже знаний. «Может быть, ему просто нечего сказать людям?» — задает вопрос А. Апопов из Москвы. Возможно — и скорее всего. Ибо не с чем выйти герою рассказа на дорогу жизни, пуст его багаж: нет собственной позиции, нет приобретенных и проверенных опытом нравственных ценностей. Будет ли перелом в его жизни? Сказать трудно. И каким будет этот перелом — в худшую или лучшую сторону? Ибо такой нравственный недоросль, как Костик, может выстроить свою, порочную систему ценнообразования. Сложно, очень сложно найти в себе силы, когда почти во всем — собственное бессилие. Об этом, обращаясь к герою рассказа, как к реальному человеку, пишет Андрей Николаев из Читы:

«Я окончил школу хорошо, можно сказать, даже очень хорошо, но никуда не поступил. Туда, куда хотел, отговорили, мол, конкурс большой, а куда рекомендовали, пошел без всякого желания и провалился. Нет, не подумайте, что я кого-то виню. Нет и еще раз нет! Только сам виноват. Потом пошел работать. Работа была неквалифицированная и тяжелая. Но этого я никогда не боялся и с удовольствием ворочал куски рельсов и бетонные плиты... Потом познакомился с такими же, как и я, молодыми парнями, которые, не ворочая железо, не сбивая пальцы о плиты, имели большие деньги. Откуда, я не задумывался, а как только они нарисовали мне «радужную» перспективу легких заработков, окупилась вместе с ними в веселую жизнь: бары, девушки... Работу бросил, просыпался в двенадцать и бесцельно бродил по городу,

Мне понадобилось очень много времени, прежде чем я понял, что нет жизни. Она проходит мимо. Проходит со всеми людьми, спешащими на работу, с фотографиями счастливых ребят, добывающих уголь, сеющих хлеб, строящих дома...

Мама плакала, а я обещал ей начать нормальную рабочую жизнь, она успокаивалась, и все продолжалось по-прежнему. Потом вроде стал готовиться к экзаменам в институт, мама думала взять, выпросить отсрочку от призыва в армию... Но тут я представил, что стану со мной, если я поступлю в

институт. Учеба учебой, но друзья-товарищи останутся, и «дела» прекратит быть трудно. Короче, меня стала пугать жизнь в родном городе, и я пошел в военкомат. Сейчас уже год, как я служу в Забайкальском военном округе. И могу смело сказать: я нашел то, чего мне не хватало. Ведь на первых порах в армии приходится очень сложно и очень трудно. Здесь надо пересилить себя, спрятать в себя свою гордость и выполнять то, что там, дома, казалось необязательным. Я страшно рад, что служу в армии. Я узнал радость труда, познал чувство настоящей дружбы, когда готов все отдать для друга...»

МЕСТО У ОКОШКА

- «РОДИТЕЛЬСКИЙ МИНИМУМ
- И МУЖ И МАЛЬЧИК
- ПЛОДЫ ЕЩЕ НЕ СПЕЛЫЕ, НО УЖЕ ГОРЬКИЕ

Вернемся еще раз к письму студентки из Караганды, пожелавшей скрыться за инициалами А. Б. С. Странная ситуация: родители — все видящие и знающие! — не стесняют дочку ни в средствах, ни во времени. Они, как и Костины родители, считают основой воспитания, отношений с детьми этаким «родительский минимум»: прежде всего обеспечить ребенку материальную жизненную прописку, все остальное, мол, приложится. О «родительском минимуме» — письмо Земфиры Хакимовой из Душанбе.

«А не пытаются ли родные порой отгородиться от подростка? Как бы говоря: вот тебе все, что необходимо, одежда, обувь, еда, деньги — только будь таким, каким мы хотим тебя видеть, и не причиняй хлопот. А будет ли он таким?!

Сначала Косте родители преподнесли на блюде «престижную» путевку на курорт, а потом этим же попрекают его при каждом удобном случае — зачем? Мол, пользуйся тем, что и не заслужил еще, но помни... Вряд ли такое «добро» делает доброе дело. Скорее будет наоборот. И, может быть, корни операции «Алые паруса» надо искать в этих издержках воспитания!

И еще. Дети получают в школе необходимые знания — математика, физика, литература, много всего. Детей учат музыке, рисованию. Дети занимаются спортом, их учат быть сильными, красивыми. А вот доброте, сочувствию (умению вместе чувствовать), сопереживанию, такту, ответственности, наконец, могут научить только близкие люди. Не формально близкие, а те, кому веришь безоговорочно, кто понимает тебя, кто не только хочет видеть тебя настоящим человеком, но и растит в тебе этого человека.

Часто приходится видеть, как папы и мамы пристраивают в автобусах, троллейбусах и метро своих детей на лучшие места — у окошка. И уставшие за день женщины и мужчины покорно создают деткам желанный комфорт. А потом искренне негодуют, когда уже великовозрастные дети не замечают старика или старушку, которым нужно уступить место.

«Посадить своего ребенка у окошка» — не есть ли это мотив довольно распространенного родительского поведения... Внушительные суммы на «карманные» расходы, дорогая одежда, автомобили и кооперативные квартиры в подарок к свадьбе — разве все это, получаемое «задаром» детьми, не есть все то же место «у окошка»? Постепенно оно, это окошко, все шире и шире открывает вид на мир потребления. От потребления родительской любви — до жажды потребления во всем. Рабочий кодекс костиков: не работать больше и лучше того, за что тебе платят! И в нравственном аспекте современные обломовы отрабатывают ими установленный минимум: к ним не постучишься с бедой, не найдешь моральной поддержки в острой ситуации.

Все, данное родителями, школой, институтом, рабочим коллективом, близнецы Кости приспособляют для себя, для своего мирка. И потому растут этакими инфантильными личностями, без желания принести пользу людям.

«Мне 23 года, а уже есть и машина, и квартира, и все остальное, что делает человека современным. — не без гордости пишет А. Т. (опять аноним). — А всякие разговоры об инфантилизме и т. п. — что они дадут? Пусть даже меня и мне подобных в чем-то обвинят, это неважно. Жизнь моя содержательна и так.»

Машина и квартира — вот она, значит, содержательная жизнь. А не о таких ли «слепых» потребителях говорится в партийных документах, где подчеркивается, что рост материальных возможностей должен сопровождаться повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе могут быть рецидивы мешанской, мелкобуржуазной психологии.

Попадая в обстановку, требующую самостоятельных решений и поступков, — например, в

семью — косточки пасуют перед любыми трудностями: будь то разница характеров, мировосприятия супругов или бытовые затруднения. Они, «обломовы нашего времени», не научились ранее ничего ценить, не научились бороться, поэтому не ценят семью, не борются за ее благополучие.

«Мне тридцать лет, шесть лет замужем, и вот в герое рассказа увидела человека, очень похожего на моего мужа. Правда, мой муж работает, но как убог, бездарен его досуг! Неумение и, главное, нежелание трудиться, жажда вечного праздника — откуда оно в нем, сыне простой, рабочей семьи, это барство? Отец — каменщик, мать — заводская работница, а вот работать сына не научили. Костя хотя бы читает, а мой муж и читать не приучен, каких только книг я ему не предлагала, дома у меня неплохая библиотека, собираю книги со школы — бесполезно. Чем ни пытаюсь заинтересовать — ничего не получается. Увидел у знакомых фотоальбомы — «Вот здорово!». Купили фотоаппарат, думаю, все интерес к чему-то будет, пощелкал, проявлять и печатать — занятие более скучное, в результате только я полностью освоила фотодело. Заинтересовался аквариумом — завели рыб, и опять все то же. Цветет вода, дохнут рыбы. Загорелся и потух...»

Женщина не называет ни своего адреса, ни фамилии: стыдно — не за себя, а за мальчика, который зовется ее мужем.

«...как убог, бездарен его досуг!» — вот уже и другая беда, которую приносит инфантилизм: бездуховность, ограниченность внутреннего мира. Эта проблема волнует многих наших корреспондентов. «Наше будущее не должно быть с изъясном бездуховности, который заметен в Костике и ему подобных», — пишет Сергей Гнядек из г. Чусовой Пермской области. — Досуг — общественное богатство, и это нельзя воспринимать абстрактно». С этим читательским мнением трудно не согласиться.

Однако инфантилизм порождает проблемы, находящиеся не только в ведении ученых, его социальная опасность приносит еще более горькие плоды. «Я давно работаю в инспекции по делам несовершеннолетних и наблюдаю, к сожалению, что большинство наших подопечных поражены именно этим пороком — инфантилизмом», — пишет А. Молчанова из Кострома. — Так, недавно обсуждали двух пятнадцатилетних подростков, которые проникли в конюшню хозяйства, самовольно взяли двух лошадей, сели верхом и поехали по близлежащим деревням, а в одной из них попали на провода призывника, выпили изрядно и целую ночь куролесили по окрестным деревням, и только благодаря умным лошадям они вернулись в хозяйство целыми и невредимыми. Или группа таких же подростков испортила дорожные знаки на сумму в 400 руб. Летом такие высококачественные лоботрясы заберутся в огород к больной, престарелой бабушке и не просто что-то возьмут полакомиться, а с какой-то непонятной злобой все вытопчут, с корнем вырвут и тут же бросят. Характерной особенностью инфантильных подростков является то, что поступки совершаются или бездумно, или бесцельно, с каким-то непонятным озлоблением. У таких подростков полное равнодушие и подчас жестокость не только к окружающим, но и к своим близким. Иногда такого подростка вызывают вместе с матерью, которая горько плачет от своего бессилия справиться с ним, а он стоит, усмехается и отпускает в ее адрес грубости и оскорбления. Самое страшное здесь то, что порок этот очень живуч и трудно преодолим.»

Да, инфантилизм — живучий порок, и бороться с ним действительно трудно. Но бороться необходимо. Как? Рецептов, думается, не даст никто: каждый отдельный случай требует определенных действий. Но хочется привести слова из письма москвички Л. Зуевой: «Когда понимаешь, что именно моя, а не соседа, друга, коллеги, бездельность плодит костиков, — стыдно становится. Появляется злость, хочется буквально метлой вымести изживленчество во всех его проявлениях.»

Итак, прочитан рассказ, в его обсуждении приняли участие более ста наших читателей. Не все, конечно, вскрыто, остались и еще «болевы» вопросы — это естественно. Главное же — литературное произведение вызвало открытые и острые размышления.

Редакция благодарит В. Барина из г. Зарайска Московской обл., Н. Горбунову из Иваново, С. Горшкову из г. Балтийска Калининградской обл., Е. Кавскую из Ангарска, Е. Покровскую из г. Алатырь Чувашской АССР, Н. Сахно из станции Медведовская, чьи письма помогли непосредственно в подготовке обзора, а также всех остальных читателей, принявших участие в обсуждении рассказа Дмитрия Холендро.

Обзор писем подготовил
Андрей КОМАРОВ.

НОВАЯ ОБЗЕРЕНИЕ

«ТРЕУГОЛЬНИК СМЕРТИ»

Когда Адриано появился на свет, он казался совершенно здоровым. Но уже через восемь дней у него на коже возникли темные пятна, а руки и ноги начали холодеть. Врачи в больнице установили, что у ребенка ненормально увеличенное сердце, к тому же расположено оно с правой стороны. На девятый день после произведенной операции он умер.

Адриано был одним из детей, родившихся в южносицилийском промышленном городе Аугуста. Родившихся калеками. Точное число таких детей неизвестно — то ли восемь, то ли восемнадцать. Большинство умерло еще во время родов.

Димидано выжил. У пятимесячного ребенка расщеплены десны, нет части челюсти, а ухо выросло на щеке. Его несчастная мать говорит: «Читали сегодняшнюю газету? Снова родилось двое детей-уродов. Могут только посоветовать всем женщинам, чтобы они хорошенько подумали, стоит ли в таких условиях вообще заводить детей». Местная газета отмечает, что не только увеличилось число детей, рождающихся с катастрофическими отклонениями от нормы, но выросло и число случаев рака — за три года с 16,7 до 30 про-

центом. А миланская газета «Корриере делла сера» прямо назвала область между Аугустой, Сиракузами и Бриоли «треугольником смерти».

Что же происходит в этом жутком «треугольнике»?

В последние годы здесь скоростными темпами создавалась промышленная зона: вокруг Аугусты возникли нефтеперегонные, химические и цементные заводы, владельцы которых, заботясь лишь о прибыли, совершенно игнорируют загрязнение производственными отходами земли, воздуха и воды. В сутки здесь выбрасывается 700—800 тонн ядовитых отходов в окружающую среду.

Сицилия, как известно, является самой бедной и отсталой частью страны. Хищнические методы хозяйствования привели к тому, что в прибрежных водах почти перестала водиться рыба, а апельсиновые плантации в районе заводов начали гибнуть. В результате без работы оказались рыбаки и земледельцы. И тут еще самое страшное — несчастные, обрушившиеся на тех, у кого родились дети, и ужас, охвативший тех, кто ждет детей...

«СВЕТ В ОБРАЗАХ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Флот Кубилай-хана

В последнее время японские рыбаки часто вылавливали в районе Нагасаки страшные предметы: то они находили в своих сетях старинную монгольскую саблю, то пилу, то бронзовую статуэтку Будды... Эти предметы вызвали интерес ученых, которые начали исследовать их глубины с помощью гидролокатора. Таким образом обнаружили кладбище кораблей — как выяснилось после погружения водолазов, это было все, что

осталось от флота Кубилай-хана, преемника Чингисхана. Гибель этого флота в 1281 году представляет одну из крупнейших морских катастроф в истории: отправившаяся на завоевание Японии монгольская «армада» атаковал неожиданный противник — одустоительный тайфун, который потопил все 73 судна. Их остовы покрылись за семь столетий слоем ила толщиной два метра.

«АКАХАТА», ЯПОНИЯ

ГОРЬКИЕ БУДНИ «ЧАЙНАТАУНОВ»

Живописны и оживленны улицы «чайнатаунов» — китайских городков, как называются китайские кварталы крупных американских городов. Маленькие дамочки, притиснутые друг к другу, многочисленные ресторанчики и целая армия работающих в легких будочках ремесленников создают атмосферу дальневосточной экзотики. Однако что скрывается под покровом экзотичности?

Большинство американских китайцев является вторым или третьим поколением прибывших в США выходцев из Китая, которые надеялись здесь подзаработать. Они называли Америку «Гум Шан» — «Золотая гора». Но мало кому досталась хотя бы крупица от той «горы». Нынешним обитателям «чайнатаунов» жатется ненамного лучше, чем их предшественникам. Китайские кварталы американских городов воспринимаются как гетто, населенные отверженными. Дома здесь, как правило, ветхие, без водопровода и канализации, безработица составляет не менее 15 процентов. По признанию журнала «Нью-Йорк», «если бы какал-

нибудь другая этническая группа жила в условиях такой нищеты, безработицы, нехватки жилья и, как следствие этого, имела бы столько больных туберкулезом и такой процент самоубийств, это не сходило бы с экранов телевизоров».

Нищета — причина быстро растущей преступности. В «чайнатаунах» властвуют банды организованных уголовников, каждая из которых имеет свою сферу влияния, где она сбывает наркотики и регулярно собирает «откупные» со всех предпринимателей. Каждая банда бдительно охраняет свой «удел». За вторжение на чужую территорию — смерть. Однако это несколько не снижает конкуренции. Улицы китайских кварталов нередко становятся ареной междоусобицы воинов между различными бандами уголовников, и тогда здесь льется кровь, гибнут люди. Обычно местные жители знают, кто и кем убит на этот раз. Но никто не назовет полиции ни жертвы, ни убийцу.

«НБИ», ГДР

«Титаники» и реклама

Судоостроительная компания «Халэнд энд Уолф» (Белфаст) получила необычный заказ от американской фирмы «Транзит Риск» — построить три океанских лайнера, идентичных английскому «Титанику», затонувшему в 1912 году от столкновения с айсбергом. Размеры того корабля общеизвестны: длина — 270 метров, водоизмещение — 88 тысяч тонн.

Для каких целей понадобились американским судовладельцам копии погибшего суперлайнера? Пре-

зидент «Транзит Риск» считает, что оборудованные по последнему слову техники колфортельные «Титаники» будут весьма рентабельными при перевозках пассажиров на трансатлантических линиях. Кроме того, фирма надеется, что легенды вокруг того, прошлого, «Титаника» подогреют интерес к новьям и позволят компенсировать значительные расходы на рекламу.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

«СВАДЬБА ВЕКА»

«Гроссмейстеры» парикмахерского искусства в Лондоне, Женеве, Риме и Париже приняли на вооружение прическу леди Дианы Спенсер — простота, гладкость, умеренная пышность и никаких фокусов. В тысячах экземпляров вытиснены копии обручального кольца Дианы с сапфиром, в лицо застенчиво улыбающейся девушки «голубых кровей» во множестве появилось на чайных чашках, майках, пепельницах и полотенцах.

Вся эта шумиха началась весной, когда королева Великобритании Елизавета и ее супруг герцог Эдинбургский официально объявили миру об обручении своего сына и наследника британского трона принца Чарльза с леди Дианой.

Принцу Чарльзу тридцать два года, и с выбором своей нареченной он явно не спешил. Ни одна из его бывших подружек королевы не нравилась, и устроила ее только леди Диана, происходящая из старинного рода, верно служившего британской короне.

Брак в королевской семье явился для хромающей британской экономики истинным благословением. Так, изготовители сувениров счита-

ют, что общая сумма их доходов по этой статье превысит 230 миллионов фунтов стерлингов. Портреты улыбающихся Дианы и Чарльза появились не только на полотенцах по три с половиной фунта стерлингов за штуку (лондонский универсам «Беркерс» распродал весь их запас в самое кратчайшее время), но и на зажигалках, подносах, бокалах... Стаффордширский фарфоровый завод работал в три смены — срочно готовился грандиозный заказ на посуду с портретами жениха и невесты для сети универсамов «Вулворт».

А так как в нашем меняющемся мире все способно вдруг измениться, и даже королевская свадьба могла по каким-либо причинам расстроиться, то бизнесмены предусмотрели и этот вариант: знаменитая страховая компания Ллойда приняла страховки на общую сумму 22 миллиона фунтов стерлингов для выплаты соответствующей компенсации — на тот случай, если бы свадьба не состоялась или была отложена...

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

Энергия ветра и солнца

Двух мнений быть не может: среди самых серьезных проблем, которые стоят сегодня перед человечеством и с еще большей остротой встанут завтра, — проблема источников энергии. Даже самое бережное отношение к запасам нефти, угля, газа не делает эти запасы неисчерпаемыми. Очень много дает и еще больше даст в будущем атомная энергетика, но и она не решит проблему энергетического голода. И не случайно

мысль человека обращается к таким природным источникам энергии, которыми еще предстоит научиться пользоваться эффективно и масштабно, — энергии солнца, энергии ветра. Обнадеживающие результаты дало применение специальных парусов на построенном в Японии танкере «Син Аитоку Мару» — станет ли он прародителем нового поколения моторно-парусных судов? В небе Калифорнии испытан первый самолет на солнечных батареях — останется ли он экзотической «жар-птицей» XX века или за ним последуют перспективные конструкции, которые войдут в жизнь, как вошли винтовой и реактивный самолеты? Вопросы, вопросы. В ближайшие годы и десятилетия мир приблизится к ответам на них.

«НЭШНЛ ДЖИОГРАФИК», США

БЕГОМ ЧЕРЕЗ АМЕРИКУ

Новой сенсацией Америки является 37-летний Стэн Коттрел из Атланты. У него в жизни «одна, но пламенная страсть» — бег. Бегают он, преодолевая все большие расстояния, уже тридцать лет. Стэн не спортсмен и никогда не мечтал об олимпийских лаврах. Зато он обеспечил себе место в «Книге рекордов Гинесса». Несколько раз Коттрел уже пробегал сотни километров, а недавно преодолел расстояние в 4994 километра, пробежав от Нью-Йорка до Сан-Франциско, то есть через всю Америку, от океана до океана! Его бег продолжался 48 суток, один час и 48 минут. Ночью Коттрел прерывал бег, спал 7—8 часов, второй перерыв на отдых с коротким сном он делал вскоре после полудня. Моторизованный эскорт

бегуна подавал ему по дороге лимонный напиток, а также три раза еду, содержащую главным образом углеводы. Отдых Коттрела сопровождался массажем ног и кратковременной горячей ванной.

Врачебный осмотр после рекордного пробега показал, что Стэн потерял в весе всего 1,5 килограмма, в его давление, работа сердца и легких образцовые. Стэн — худощавый, на вид даже хилый человек. Он не курит, не пьет, питается главным образом овощами, фруктами и рыбой. Своей феноменальной выносливостью он обязан постоянным тренировкам: каждую неделю пробегает не менее 300 километров. И, как утверждает энтузиаст бега, делает это с большим удовольствием.

«ТАЙМ», США

ЭТИ ЗЛОВЕЩИЕ «СЕСТРЫ»

В районе «Бермудского треугольника», где с давних пор загадочным образом исчезали корабли, в последнее время тихо. Зато появилась другая загадочная область — в районе так называемых Великих озер, между Канадой и США. Наибольшее внимание привлекла гибель грузового судна «Эдмунд Ф. Фитцджеральд», которое шло с грузом железной руды по озеру Верхнее и исчезло так быстро, что не успело послать сигнал SOS. Известно лишь, что произошло это в штормовую погоду, когда волны достигали высоты в несколько метров. Капитан другого судна, которое шло по тому же курсу, что и «Фитцджеральд», видел его на экране локатора как светящуюся

точку — неожиданно она исчезла и больше не появлялась. Капитан сообщил о случившемся береговым властям. Начались розыски, и спустя некоторое время «Фитцджеральд» нашли на глубине 16 метров. Все свидетельствует о том, что затонуло судно в течение нескольких секунд. О причине катастрофы возникло несколько предположений. Наиболее достоверным специалисты считают объяснение, данное канадскими рыбаками. Рыбаки заметили, что на озере Верхнее при сильном ветре случается, что непосредственно друг за другом следуют три волны высотой более десяти метров, названные «тремя сестрами». Похоже, что «Фитцджеральд» настигли «три сестры» — все три огромные волны обрушились на судно, имеющее длину 200 метров, оно переломилось и стремительно пошло ко дну.

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ЕЩЕ ОДИН СУЭЦКИЙ КАНАЛ?

Археологическая экспедиция, руководимая Бруно Вайлати, совершила интересное открытие в древнем порту Кусейр на Красном море. На глубине 74 метров был обнаружен остов древнеримского судна, построенного в первом столетии до нашей эры. На поверхность были подняты хорошо сохранившиеся амфоры, изразцы, предметы из бронзы и камня... По мнению участников экспедиции, находка подтверждает тот факт, что еще во времена фараонов существовал канал, связывавший Красное море со Средиземным.

Об этом канале существует множество упоминаний в древних документах, однако до сих пор никому не удалось найти какое бы то ни было конкретное доказательство. Попытку найти канал делал и известный исследователь Кусто — безуспешно. По мнению специалистов, канал с течением времени был засыпан огромными массами песка, которые сделали его непригодным для прохода судов.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

«НЕВИДИМЫЙ ГОРОД»

Город инков Мачу-Пикчу стоит на высоте 2500 метров на вершине могучей горы, склоны которой круты и окружены пропастями. Общую панораму города можно увидеть только с высокой скалы, куда и теперь можно попасть, пройдя по каменным ступеням, вырубленным много столетий назад. В индейских хрониках Мачу-Пикчу называют «скрытым», или же «невидимым», городом. Обнаружить его крайне трудно, и даже испанские завоеватели не смогли его найти.

Почему же Мачу-Пикчу, лежащий всего в тринадцати километрах от столицы империи инков и главного административного центра эпохи колонизаторов города Куско, почти четыре столетия оставался необнаруженным? Об этом позаботились его создатели, найдя для него столь хорошо укрытое место, что город ждал своего «открытия» до XX века, до 1911 года, когда в эти места проник американский археолог Хирам Бингхем. Прочтя в старинных хрониках упоминания о священном городе последних инков, он долгие годы обследовал горные вершины, окружающие город Куско. Многие тогдашние историки вообще считали Мачу-Пикчу легендой, и только Бингхем сделал эту легенду реальностью.

Любого человека, попавшего в Мачу-Пикчу, невольно охватывает чувство, что он очутился в каком-то особенном месте. Все здесь построено с необычайным тщанием и совершенством. Строительное искусство инков достигает здесь своей вершины — здания возведены из мощных каменных блоков, обработанных с большой точностью. Для их соединения не было использовано ни капли раствора. Просторная площадь с лестницами, откуда открывается замечательная перспектива, величественные храмы, колодцы... Архитектурной доминантой города является обработанная с высочайшим

искусством скала Интигуатана, которая некогда служила местом совершения традиционного ритуала, посвященного Солнцу.

Археологические исследования последних лет показали, что архитектурное совершенство города и его тщательная продуманная система изоляции отнюдь не являются случайными. По всей вероятности, город Мачу-Пикчу был построен уже после начала испанской конкисты, когда столица могущественной империи инков оказалась под угрозой. И вот в недоступных горах инки построили свою крепость, собрав здесь лучшее из того, что ценили и любили в «невидимом» городе правитель — Великий Инка и его приближенные. Возможно, они обитали там еще несколько десятилетий после того, как вся империя оказалась под властью испанцев.

«КЛАРИН», АРГЕНТИНА

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Братья ВАЙНЕРЫ

ПОВЕСТЬ

КАРСКИЙ ПРОРЫВ

Красин воскликнул властно:
— Я прошу меня не перебивать и дослушать до конца. Итак, мы по горло сыты бесконечными дипломатическими играми в Форейн-офисе и Уайт-холле. И предела этой говорильне не видно. Но к вам приехали сегодня с четкой целью: мы выйдем отсюда либо с окончательной договоренностью, либо с окончательным разрывом...

Морозов сказал невозмутимо:

— Не пугайте нас, господин Красин...

Красин широко улыбнулся:

— Да что вы! Просто у нас остается надежда удовлетворить наши интересы в какой-то другой фирме, вы же никогда не получите контрагента, равного Советской республике. Никогда, до скончания дней! Надеюсь, господа, что я обрисовал коммерческую ситуацию с исчерпывающей ясностью... Какие будут суждения?

После тяжелой паузы Востротин сказал:

— Соизвольте уточнить ваши конкретные деловые предложения, господин Красин...

Красин опустил на место.

— С удовольствием. Я уполномочен Советским правительством выдать «Закупсбыту» сертификат на ведение всех коммерческих операций для Сибирской хлебной экспедиции в устьях Оби и Енисея.

Кушаков поинтересовался:

— Леонид Борисович, а какие принимаем на себя обязательства мы?

Красин быстро повернулся к нему:

— Вы закупаете у английских фирм — поскольку нам они не продают — сельскохозяйственные машины, инструменты, типографское и маслоделательное оборудование, химикалии, мануфактуру, галантерею и целый ряд других необходимых нам товаров. Вот их список...

Востротин взял список, мельком просмотрел его, отчеркивая отдельные позиции ногтем. Спросил:

— С этим ясно. А далее?

Красин пожал плечами:

— Далее? Срочно фрахтуете английские и норвежские суда и перебрасываете эти товары в Мурманск и Архангельск.

Востротин прищурился:

— Фрахт в одну сторону?

Красин удивился:

— Зачем же? В Архангельске на эти суда будут перегружены хлеб, меха, волос, кожа, смола и другой экспорт, который доставит из Сибири наша экспедиция.

Кушаков сказал задумчиво:

— Леонид Борисович, мы весьма наслышаны о вашем проекте доставить сибирский хлеб Северным морским путем. Хочу заметить, что я опытный коммерсант, старый судоводитель и полярник: участвовал в экспедиции Георгия Седова, снаряжал экспедиции Русанова и Брусилова. И потому с полной ответственностью заявляю: мне это представляется утопией. Подобный переход, я думаю, невозможен.

Красин покачал головой:

— Ах, господа, господа! Когда же вы отучитесь «с полной ответственностью» заявлять о том, что возможно и что невозможно для нашего народа! Сколько об этом говорено... Ничему вас жизнь не учит!

Константин Иванович Морозов взволновался:

— Но мы многим рискуем! Если у вас не получится, мы можем вовсе вылететь в трубу!

Красин решительно опровергнул:

— Вы ничем не рискуете! Ваши кредиты будет гарантировать Шведский банк. Это я вам заявляю уже не как коммерсант...

— А как?... — поднял бровь Востротин.

— А как народный комиссар и член Советского правительства, — твердо сказал Красин. — Первого октября текущего года сибирский хлеб будет доставлен в Архангельск и перегружен на ваши суда. Итак?

Купцы переглянулись. По-видимому, их сломил деловой напор Красина.

Востротин встал и с улыбкой воскликнул:

— А-а! Была не была! По рукам, многоуважаемый господин народный комиссар!

Ногин засмеялся:

— Вот так бы давно!

Кушаков, наморщив лоб, сказал деловито:

— Остается только уточнить бонус — процент отчислений в нашу пользу.

— Чтобы не обмануть ваши гуманистические побуждения, — уточнил Красин со смехом...

Почти в тот же час всего за несколько кварталов от «Закупсбыта» крупнейший лондонский финансист Иоаннес Лид принимал в роскошном кабинете своего офиса генералов Миллера и Марушевского.

На столе — кофе, коньяк, сигары.

Лид говорил по-русски:

— Я готов вас выслушать самым внимательным образом, господа. — Слова он произносил с еле заметным акцентом.

Прикашливая от волнения, Миллер начал:

— Господин Лид, вы являетесь одним из тех западных финансистов, чьи интересы в огромной мере связаны с Россией...

Иоаннес Лид наклонил голову в знак согласия.

— Если я не ошибаюсь, господин Лид, стоимость вашего имущества в России превышает девять миллионов золотых рублей, — продолжал Миллер.

Пуская ровные кольца сигарного дыма, Лид слабо усмехнулся:

— Буржуа — люди подозрительные и суеверные. Они не любят, когда кто-нибудь считает их деньги...

Марушевский по-солдатски прямо сострил:

— Поэтому большевики, не считая, забрали все ваши заводы, фабрики и пароходства?

Лид продолжал усмехаться.

— Да, этим господам не откажешь в решительности. — спокойно сказал он. — А вы, как я понимаю.

Продолжение. Начало в №№ 20, 21.

по-видимому, хотите предложить мне мое имущество обратно?

Миллер патетически воскликнул:
— Безусловно, господин Лид! Вы все сможете вернуть. Но сейчас нам нужна и ваша помощь...

— В чем она должна выразиться?— осторожно осведомился финансист.

— Нашему движению нужны средства,— сказал Миллер.

Марушевский перебил его:
— Но еще больше нам необходимо ваше влияние в правительственных кругах Великобритании,— решительно сказал он и взял со стола сигару.

Лид протянул ему сигарный нож.
— В каком направлении должно быть использовано мое влияние?

Миллер выпалил:
— Нужно подготовить новую совместную русско-английскую экспедицию на Север России!

Лид выпустил три плотных колечка дыма, проследил за ними, последнее рассеял кончиком сигары.

Сказал:
— Понятно...— Встал, неспешно прошелся по пушистому ковру, остановился напротив Миллера.— Как вы представляете это конкретно?

— Мы располагаем сильным, хорошо законспирированным подпольем в Архангельске,— сказал Миллер.— Оно сообщает, что большевики намерены в конце лета перебросить из Сибири миллион с лишним пудов продовольствия, накормить Север, а остальное распродать в Лондоне...

Лид присел на подлокотник кресла, спросил коротко:

— Что вы предлагаете?

Снова высочил вперед Марушевский:

— Чтобы английский флот разгромил караван с хлебом и прочими товарами!

— План у вас, по-видимому, прекрасный. И, по моему, выполнимый. Но без меня.

— Почему?— в один голос воскликнули Миллер и Марушевский.

— Англия не может сейчас участвовать ни в каких открытых операциях против красной России— у нас есть свои рабочие...

— Но как же тогда...— с недоумением начал Миллер.

Лид, прищурился светлые, пробойные глаза, пояснил:

— Очень просто... Если крейсер ее величества случайно натолкнется в Ледовитом океане на караван большевистских кораблей... Знаете, в море ведь всякое может случиться...

Берс тщательно прицелился из револьвера, подняв его на уровень лица.

Плавно нажал спусковой крючок.

Раздался выстрел, и вбежавшему в комнату Чаплицкому представилось невероятное зрелище: голова Берса со странным стеклянном звоном разлетелась фантаном сверкающих колючих осколков.

Чаплицкий застыл на месте.

Придя в себя, медленно спросил:

— В чем дело? Вы с ума сошли, Берс?

Берс задумчиво рассматривал револьвер, стоя перед разбитым зеркалом.

Потом так же медленно ответил:

— Насколько я могу судить, нет... Пока...

— Тогда зачем?..

— Мне пришло в голову, что никому не удастся увидеть собственную смерть... как бы со стороны.

Чаплицкий прищурился:

— И вы решили порепетировать перед зеркалом?

Берс с отвращением бросил револьвер на диван.

— Да. Человек должен знать, как он выглядит, отправляясь ад патрэс...

— Возрадовались бы ваши праотцы, ничего не скажешь...— насмешливо протянул Чаплицкий.

Берс нехотя покосился на него:

— У вас есть ко мне претензии?

— Ну что вы, сэр... Не то слово... Н-но...— Он пожевал губами, будто подбирая слова.

— Да?

— Выражаясь поэтически, в прелестном бутоне вашего цветочка сидит здоров-у-ущий червяк. Вы клонитесь долу, как Пизанская башня...

Берс безразлично возразил:

— Ну, допустим. Я—как Пизанская башня. Клонюсь. А вы несокрушимы, как гibraltarская скала. Допустим... Но если не так... аллегорически?

— Пожалуйста. Наша бедная родина истекает кровью, а ее защитник репетирует собственную кончину перед зеркалом, как... простите меня... как провинциальный актер!

— У вас есть для меня более интересное занятие?— задиристо спросил Берс.

Чаплицкий спокойно ответил:

— Есть. Сегодня на рассвете в архангельский порт прибыл транспорт «Руссель». Он доставил из-за границы котельный уголь, на котором большевистский караван пойдет за сибирским хлебушком.

— И что?

Чаплицкий присел к столу.

— Если вознести транспорт к небесам... а говоря точнее, опустить его на дно морское... Вопрос о хлебом походе просто закончится...

— Вы хотите поручить это мне?—спросил Берс вяло.

Чаплицкий испытующе посмотрел на него:

— Видите ли, в этом деле есть опасность, конечно...

Берс выставил вперед ладони:

— Не надо! Я не гимназистка, господин каперанг. И вообще мне сильно надоела вся эта оперетта... так что я давно готов... вознестись.

Чаплицкий продекларировал:

— «Вот агнец божий...»—Отворил шкаф и вынул из него округлый плоский сверток.—...Который берет на себя... грехи мира...»

Развернул сверток—это была самодельная магнитная бомба.

Чаплицкий объяснил Берсу принцип ее действия.

— Если вот этот стерженек вы отведете до упора,—показал он на рукоятку часового механизма,—то вознесение состоится через пятнадцать минут. Времени вполне достаточно, чтобы удалиться с места событий.

Берс рассеянно кивнул.

Чаплицкий поставил на стол флягу в замшевом футляре, свинтил с нее металлическую крышечку-стаканчик, налил до края и с видимым удовольствием выпил. Снова наполнил стаканчик густой желтоватой влагой, протянул ротмистру:

— А теперь, геноссе Берс, хлебните вот этого зелья—оно прошло огонь, воду и латунные трубы...

Дышать на топливном причале морского порта было трудно—в воздухе плотной стеной стояла едкая всепроникающая угольная пыль.

К стенке прижался пароход «Руссель». С палуб его по наклонным сходам непрерывной вереницей шли люди. Они были тяжело нагружены кулями с корабельным углем.

Разгрузка началась недавно, но на площадке пирса уже высилась основательная гора угля, и росла она прямо на глазах—люди старались.

К пассажирскому трапу подошел человек в длинном штатском пальто, на голове у него была низко нахлобученная кепка с большим козырьком.

Вооруженному матросу, стоявшему на вахте, он негромко сообщил пароль:

— «Красный Север»...

— «Красный рейд»...—так же негромко отозвался вахтенный.

Осмотрел человека с головы до ног и спросил требовательно:

— Пропуск?

Человек протянул ему бумажку.

— «Ку-ты-рин Се-мен Ива-но-вич... Ре-ви-зор...»—Пройдите...

Это был Берс.

Лавируя между грузчиками, ротмистр направился на корму. Вахтенный провожал его взглядом, пока он не исчез за палубными надстройками...

Берс спустился на нижнюю палубу. Сверился с планом судна, полученным от Чаплицкого, ощупал бомбу, им же ловко подвешенную на ремненной петле под широким пальто.

Глубоко вздохнул и направился к машинному отделению.

Разгрузка угля продолжалась, когда Берс вновь появился на палубе. Он неторопливо шагал к пассажирскому трапу и уже взялся за поручень, когда на пути его появился широкоплечий парень в кожанке.

Он подозрительно всмотрелся в Берса.

— Пойдите-ка, гражданин...

Берс остановился.

— Вы откуда, гражданин?—спросил парень.

Берс ответил вполне спокойно:

— Из финансовой комиссии городского Совета...

— Кто будете?

— Я ревизор...

Парень в кожанке—чекист, как сообразил Берс,—никак не отставал:

— Документик ваш позовольте...

— Я часовому отдал,—уже начиная волноваться, раздраженно сказал Берс.

— То пропуск. А ваш личный... мандат? Фамилия как?—Вопросы посыпались градом.

Берс открыл уже рот, чтобы назвать фамилию, и вдруг понял, что... забыл ее! Забыл «собственную» фамилию! Какая-то простая, плембейская кликуха... Ах, черт побери, глупость какая!..

Ротмистр достал бумажник, сделал вид, что ищет в нем документ.

Чекист терпеливо ждал.

— Вы знаете... глупость какая...—Берс растерянно шарил по всем карманам.—Я, похоже, забыл его дома...

Чекист сказал укоризненно:

— Да-а? Нехорошо. Документы надо с собой носить, гражданин. Время, сами знаете, какое... Придется пройти со мной, разобратесь.

Берс посмотрел на часы: оставалась одна минута, может быть, полторы.

И он впервые за весь день ощутил страх.

Страх нарастал, как лавина, панический ужас охватил все его существо. Берс почувствовал, как в одно мгновение взмокла спина, в груди заколотилась мелкая, противная, опустошающая дрожь.

— Я на заседании опаздываю... Может, вот часовой... Он подтвердит...—бормотал Берс, неотрывно глядя на часы.

— Да вы не волнуйтесь, гражданин ревизор,—сказал чекист.

Он внимательно посмотрел на Берса. Подозрения его усилились, и он положил руку на плечо ротмистра.

Тот в ужасе отшатнулся.

Затравленно посмотрел окрест.

И вдруг, оттолкнув чекиста, бросился к противоположному борту. Чекист побежал за ним.

Берс пересек палубу, и тогда часовой, уже давно с интересом наблюдавший всю сцену, вскинул винтовку.

Неторопливо прицелился беглецу в ноги.

И когда до борта ему оставалось несколько шагов пробежать,—выстрелил.

Берс упал, но в животном страхе продолжал ползти к борту, волоча за собою простреленную ногу. В мозгу его мелькали расплывчатые, бессвязные, торопливые, как мыши, мысли, потом, разом исчезнув, они уступили место одной, самой важной, сразу ставшей четкой, очевидной, но уже безвозвратно запоздавшей...

«Что сделал бы на моем месте Чаплицкий? Он сказал бы чекисту: документ, мой мандат, на берегу... у кого-то... кто ждет на пирсе... с портфелем... Ах, какой же я нелепый!.. Ведь главное—сойти с корабля... Поздно. Поздно!»

Чекист уже настиг его, схватил поперек корпуса, и в это мгновение мощный взрыв смел все окрест...

Шестаков и Болдырев стояли на причале морского порта у стенки, где был взорван «Руссель».

В воде еще полно было всякого мусора, обломков. Чуть в стороне, вдоль причала, лежали тела погибших во время взрыва.

Болдырев подвел к ним Шестакова, указал на Берса:

— Вот он... Вахтенного, к счастью, только оглушило. Он этого липового ревизора сразу же опознал. Шестаков спросил:

— А пропуск сохранился?

— Ну, как же! Правда, он подмок маленько, но я его высушил...—Болдырев достал из кармана гимнастерки и аккуратно разглядел листок.—Вот, видите: Кутырин Семен Иванович, ревизор финотдела. Подпись заместителя начальника штаба, печать. Все чин чинном...

— И что, этот Кутырин рисковал...

Болдырев досадливо перебил:

— Да нет, настоящий Кутырин в командировке. Просто фамилию его использовали для блезиру.

Шестаков в задумчивости прошелся по причалу.

— А подпись замначштаба?

— С Алексеем Алексеевичем Шаговым я уже разговаривал. И пропуск ему показывал. Моя, говорит, подпись—похожая. Я, говорит, наверное, и от своей настоящей не смогу ее отличить.

Шестаков нахмурился:

— Ну, подпись, положим, могли срисовать. Есть способы. А печать?..

— Настоящая, по всему судя. Мы тут всем отделом ее разглядывали, даже в лугу смотрели.

— И что же, таким образом, выходит?—Шестаков, прищурясь, смотрел на Болдырева.—Подпись—похожая, фамилия—подлинная, печать—настоящая. Да, он ведь и пароль вахтенному правильно сказал?

Болдырев побавровел.

— Выходит, таким образом,—невольно повторил он за Шестаковым и развел руками.—Выходит, что пропуск выдали в нашем штабе. И пароль тоже.

— Значит, предатель?..

Болдырев поджал губы и не ответил.

Шестаков продолжал мерить большими шагами набережную.

— Красиво, красиво, ничего не скажешь,—бормотал он.—Какие-нибудь соображения имеются?

Болдырев поморщился:

— Да нет пока... Люди в штабе все известные, все проверенные... Подозрывать, знаете, только начали, потом уже не останавишься...

— Проверенные, говоришь?—усмехнулся Шестаков.—Оно видать... А кто ж он сам, взрывник-то этот? Шестаков показал на тело Берса.

Болдырев пожал плечами.

— Пока не знаю, пытаемся установить. Кабы жив был, а то ни документов, ни примет особых...

— А что приметы? Что бы вы с ними делали? Болдырев сказал неуверенно:

— Ну, разослали бы по местам, в центр—авось, кто-либо опознал бы.

Шестаков иронически улыбнулся:

— По вашим «приметам» опознают, как же! Читал я тут розыск одного: «Ищем бежавшего из-под стражи белогвардейского офицера. Волосы кудрявые, черные. Высокий, худой. Особая примета—лысый».

— Ошибок у кого не бывает,—обиженно отозвался Болдырев.—Мы ведь, как-никак, учимся только, опыта мало.

Шестаков жестко бросил:

— Быстрее учиться надо! А то публика эта,—он снова кивнул на тело Берса,—запустит нас всех рыб кормить, пока научимся!

Как бы оправдываясь за свою неумелость, Болдырев сказал:

— Само собой, в этом вопросе расхождений быть не может. Что касается террориста, то по крайней мере ясно, что он барского сословия.

— Из чего сие следует?—удивился Шестаков.

— Очень просто: тело холеное, нежное, и белье тонкое...

— Да-а, это примета, ничего не скажешь!—насмешливо протянул Шестаков.

Болдырев в ответ только развел руками.

И тогда Шестаков решительно предложил:

— Давай-ка подумаем, как нам в собственном штабе разобраться. Есть у меня одна мыслишка...

И он принялся излагать свой план.

Спустя полчаса на пирс пришли Неустроев, Щекунтьев и несколько других работников штаба.

Шестаков сказал им:

— Я вот все прикидываю—нельзя ли попытаться достать уголь со дна морского? Хотя часть его спасти?

Неустроев задумчиво потер лоб.

— Я тоже над этим размышлял... Полагаю, что малоперспективное это занятие. Взрыв был слишком сильный—уголь раскидало далеко, надо полагать. А характер приливно-отливных течений в этом месте таков, что большую часть угля скорее всего уже оттащило в сторону рейда.

Шестакову не хотелось отказываться от надежды.

— Но ведь не весь же?—упрямо сказал он.

— Конечно,—согласился Неустроев.—Да что толку—его здесь так должно было перемешать с грунтом, что проще новый уголек нарубить в шахте. Боюсь, вам придется телеграфировать в Лондон, чтобы все начинали сначала... Хочется нам этого или нет, необходимо законтрактовать еще один пароход с котельным кардиффом.

Шестаков грустно покачал головой:

— Не получится.

— Почему, Николай Павлович?

— По ряду причин, Константин Иванович. Во-первых, вовсе не факт, что удастся заключить новый контракт. Во-вторых, если даже нам продадут груз угля, будет трудно зафрахтовать в это время транспорт... В-третьих, пока снаряжат пароход, пока он дойдет сюда, пока мы его на караван перелопатим...

Шестаков подсчитал в уме потребное время и, махнув рукой, безнадежно закончил:

— Будет середина августа, караван неизбежно окажется в пике ледовой обстановки и...

— ...вмерзнет во льды на полпути,—закончил за него Неустроев.

Повисла тягостная пауза—случившееся было катастрофой, последствия которой разрушали все планы сибирской экспедиции. И собравшиеся напряженно размышляли, пытаясь найти выход из почти безвыходного положения.

— У меня есть одно предложение!—неожиданно подал голос Сергей Щекунтьев.—Разрешите, Николай Павлович?

Шестаков кивнул.

— Оно может показаться авантюрой,—нерешительно сказал Щекунтьев,—но-о...

— Говори, не тяни!—подбодрил его Шестаков.

Щекунтьев вынул записную книжку.

— Я все рассчитал как будто,—сказал он.—Белые, уходя из Архангельска, затопили на рейде двенадцать судов.

— Так...

— Я знаю точно, что в кочегарках этих посудин находится полтора-сто шестьдесят тысяч пудов угля и тысяч сто пудов мазута как минимум...

— И что нам толку?—спросил Болдырев.

Щекунтьев обернулся к нему:

— Толк может быть, и немалый. Мы можем попытаться достать это топливо.

Шестаков спросил:

— А каким образом?

— Очень просто. У нас здесь имеется три больших водолазных бота и несколько маленьких. Почти все они на плаву. Если снаряжить добрую команду, можно попытаться достать уголь коробами и в мешках...

— Подожди, я не понял,—перебил Шестаков.—Какой смысл доставать уголь на рейде, если даже здесь,

у стенки, можно сказать, на берегу, мы его с «Русселя» взять не можем?... Не вижу разницы!

Щекунтьев терпеливо разъяснил:

— Разница такая, что «Руссель» взорван, а большинство тех посудин цело.

— То есть как?

— Очень просто: на них открыли кингстоны, суда и затонули... Не стали на них взрывчатку тратить—они того не стоили. Да и не предвидели беляки, что мы их поднимать надумаем. Взорвали только «Лейтенант Овцын» и «Орлик».

Шестаков переглянулся с Неустроевым, и на лице начальника экспедиции появилась тень надежды.

— А что... можно было бы попробовать...—задорно сказал Неустроев.—Только неясно—для начала—как мы этих утопленников разыщем?

— Это я предусмотрел!—объявил с горделивой улыбкой Щекунтьев.—У меня все на карте отмечено.

— Ну-у, молодец!—Шестаков радостно хлопнул Щекунтьева по плечу.—Хвалю за службу!

Щекунтьев весело отозвался:

— Служу революции!

— Значит, так... Сегодня же приступаем к расстановке буйев на местах затопления кораблей, согласно отметкам на карте товарища Щекунтьева,—деловито резюмировал Шестаков.—Завтра в составе всего штаба и приданных специалистов выйдем в море, посмотрим на месте...

На заседании штаба каравана присутствовали штабисты—все двенадцать—и начальник отдела ЧК Болдырев.

Шестаков излагал обстановку:

— ...действуем медлительно. До сих пор болтается на причале это дырявое корыто «Пронзительный». Того и гляди, оно само по себе ко дну пойдет. А там, между прочим, все навигационное оборудование для нашего каравана, все карты и уточненный маршрут...

Шестаков повернулся к одному из штабистов:

— Уже недели две прошло, товарищ Кленов, как я распорядился перевести все это на берег. Так или нет?

— Так точно!

— Почему не выполнено?

Кленов вытянулся по стойке «мирно», сказал виновато:

— Я ведь докладывал, товарищ начальник экспедиции... Перегружать некуда... Вы же знаете, как у нас с помещениями! Вчера в девятом пакгаузе нам выделили три каморки, сейчас их приспособливаем...

— И долго вы намерены их приспособливать?

— Послезавтра с утра можно занимать, Николай Павлович.

— Лично проследите!—распорядился Шестаков.—Если что с «Пронзительным» случится, мы все без головы останемся... А вы, товарищ Кленов,—в первую очередь. Так что учтите: под вашу ответственность...

— Есть!—вытянулся Кленов.

— Пока что усильте охрану...

— Есть!..

— Все свободны!—объявил Шестаков и пригласил Болдырева:—Задержитесь, пожалуйста, Андрей Васильевич, ненадолго—дело есть...

— ...Это если они клюнут,—сказал Болдырев.—Тогда все ясно: предатель—один из состава штаба. А если нет?..

— Если нет—еще лучше,—засмеялся Шестаков.—Они наверняка не захотят пренебречь такой возможностью—оставить нас без карт и приборов, а заодно узнать наш точный маршрут. Поэтому должны напасть на «Пронзительный» обязательно. А мы их там встретим достойно.

— А все-таки если не клюнут?

— Тогда значит, что предатель находится в числе тех пяти человек, которые знают, что операция с «Пронзительным»—ловушка.

— М-да-а... Бес их ведаёт...—Болдырев с сомнением полез в потылицу.—Ведь эти сведения могут до них просто не дойти, а?

Шестаков отверг такое предположение.

— Исключаю!—сказал он решительно.—Человек, который имеет доступ к паролю, к печати штаба и прочее, наверняка был среди них...

И он кивнул на кабинет, в котором происходило заседание.

— Ну, что ж, попробуем,—усмехнулся Болдырев.—Значит, вечером я обеспечиваю засаду.

— Только очень скрытно.

— Ну, Николай Павлович!..

Буксир «Пронзительный» стоял у стенки дальнего заброшенного причала.

На причале было темно, пустынно. По палубе судна медленно прохаживался часовой, покуривал самокрутку. Изредка он подходил к доскам, которые служили буксиру трапом, и задумчиво смотрел на берег.

Где-то вдали виднелись редкие слабые фонари плохо освещенного города.

Моря почти не было видно—тусклая белесая тьма скрывала его, и темно-серые волны угадывались лишь в легком равномерном плеске.

По воде бесшумно скользил большой баркас. Шестеро гребцов тихо и размеренно загребали длинными веслами воду. Еще несколько человек разместились на корме баркаса, среди них был и Чаплицкий.

Неясные силуэты палубных надстроек «Пронзительного»... За каждой из них стоят вооруженные люди. На баке, в тени рубки, укрылся Болдырев. Он внимательно, до боли в глазах, вглядывается в белесую дымку, растворяющую морскую даль.

Вот показался нос баркаса, вот он Болдыреву уже виден весь—главно перекачивается на длинной волне. Чекист, остро сощурившись, рассматривает причал—там по-прежнему никого нет.

Болдырев тихо крутанул деревянную трещотку. Раздался характерный скрип—раз, два, три,—заранее оговоренный условный знак.

Часовой услышал сигнал и неторопливо побрел по палубе... к сходням.

Баркас подошел к буксиру вплотную. Чаплицкий, стоя на корме, примерился и ловко забросил на судно веревочную петлю. Петля точно попала на кнехт, обвила его.

Чаплицкий натянул канат. Один из сидевших в баркасе поднялся, ухватился левой рукой за канат. В правой руке его тускло поблескивал нож. Человек спрятал нож за пазуху, рычком подтянулся на канате.

Чаплицкий подсадил его, и вот диверсант уже на палубе.

Точно так же на буксир забрался еще один человек, а за ним и Чаплицкий.

Все они поползли по-пластунски к той части палубы, где только что расхаживал часовой...

Не обнаружив его на месте, Чаплицкий удивился: интересно, почему часовой, вместо того, чтобы оставаться на палубе, спустился по сходням на причал?..

Ему, конечно, было невдомек, что Болдырев, организуя засаду, предвидел: диверсанты в первую очередь постараются бесшумно снять часового.

И, естественно, жертвовать человеком не хотел. Но надо было знать и Чаплицкому: он подполз к самому ограждению палубы, достал из-за пазухи длинный десантный нож и, тщательно, хладнокровно прицелившись, метнул его в часового...

...И в то же мгновение раздалась заливистая трель боцманской дудки.

Два мощных прожектора с мачт «Пронзительного» осветили всю палубу, несколько прожекторов скрестили свои лучи на поверхности воды за бортом буксира со стороны моря.

Ослепленные гребцы судорожными, неистовыми гребками принялись отгонять баркас от судна, но тщетно: от соседней стенки отделились три шлюпки с военными, за короткие секунды окружившие баркас.

Хлесткая пулеметная очередь, другая, винтовочные и револьверные выстрелы, на палубе—мгновенная рукопашная схватка.

И вот один из диверсантов убит на месте, другого скрутили матросы.

И лишь Чаплицкий, упруго бросив через борт свое сухое, жилистое тело, каким-то неистовым салто-мортале преодолел пространство между судном и причалом, оказался на ногах и тут же нырнул в тень.

Болдырев, жмурясь от слепивших его прожекторов, выстрелил в направлении Чаплицкого раз, другой—напрасно: Чаплицкий, словно чувствуя направление выстрела, бежал неровными, неожиданными зигзагами.

Еще мгновение—и он скрылся между приземистыми пакгаузами... Вот он уже приближается к ограждению военно-морского порта...

...И увидел, что за сетчатой оградой патрулируют военные...

Злобно оскалившись, Чаплицкий отступил в тень от бревенчатого пакгауза.

Выждав немного, он ловко подтянулся на стрехе, быстро взобрался на крышу...

Тесно прижавшись к печной трубе, терпеливо ждал...

Прошла группа патрульных, вдали показались еще несколько военноморов... Вот идут навстречу двое вооруженных...

Чаплицкий терпеливо ждал.

Он дождался момента, когда патрульные встретились, перебросились несколькими словами, один дал другому закурить, и они снова разошлись, следуя своим направлениям... Через несколько мгновений Чаплицкий выпрямился: патрульные, охватившие, казалось, все ограждение порта, оставили на несколько секунд «мертвую зону»: и тем и другим сейчас не виден был проход, так необходимый Чаплицкому.

Спружинив ноги, изогнувшись, словно кошка, Чаплицкий прыгнул с пакгауза через сетку, легко преодолел двухметровое пространство.

Почти беззвучно приземлился «на четыре точки», и снова — гигантский прыжок, на сей раз через дорогу, в начинавшуюся здесь узкую череду одноэтажных кирпичных домишек, во тьму.

Однако, на беду Чаплицкого, расчет его не совсем оправдался: один из патрульных углядел-таки прыжок через дорогу, и на выходе из переулка Чаплицкий услышал мерный топот бегущих матросов.

...Безумный бег по пустому городу, бесчисленные проулки, тупики и заборы, рвущиеся на части сердце... Но Чаплицкий не зря изучил топографию города, не зря знал его, как свои ладони, — он оторвался на минуту от преследования, и это помогло ему выбежать к знакомому дому, на котором еле виднелась табличка с названием улицы — «Шьологинская»...

Дом, где жила Лена Неустроева.
— Здравствуй, Лена!
— Петр?! Неужели это вы, Петр?
— Я. Что, не пожалело меня времечко? — с усмешкой спросил Чаплицкий.

Лена ответила грустно:
— Не в этом, наверное, дело. Просто я привыкла к тому, что вы всегда такой блестящий!..

Чаплицкий поцеловал ей руку.
— Леночка, я — как драгоценный камень. Подышите на меня, чуть согрейте — и я снова заблещу. Хотя мы все вместе с Россией и постарели на тысячу лет!
— Ну уж на тысячу! — засмеялась наконец Лена. — Я только на пять. Хотя для женщины и это немало!

— Вы стали еще красивее, — искренне сказал Чаплицкий. — И одухотворенней...

— Это оттого, что я в основном питаюсь пищей духовной, — нервно улыбнулась Лена. — Вы не хотели бы попробовать, Петр?

Чаплицкий шуточно поднял обе руки.
— Ни за что! Пища духовная, Леночка, — это закуска не для меня!

Лена без улыбки уже всмотрелась в него.
— А знаете, Петр, вы действительно постарели. И от этого в вас появилось что-то человеческое. Раньше я вас очень боялась...

Чаплицкий искренне удивился:
— Боялись? Но почему?!

Лена сказала откровенно:
— Вы всегда выглядели ужасно высокомерным. И невероятно умным.

— Ну, это ерунда. У глупых людей очень часто бывают умные лица. Это оттого, что им думать легко, — пожал плечами Чаплицкий. — Значит, вы считаете, что я выглядел раньше высокомерным и умным... А сейчас?

Лена долго смотрела на него — тепло и сочувственно. Потом медленно сказала:

— Сейчас?.. В вас есть что-то потерянное... несчастное... Вы... извините меня, Петр, выглядите неудачником.

— Так-с, — прищурился Чаплицкий. — Понятно. Ведь всякий неудачник кажется женщине кретином.

Лена нервно переплела пальцы.
— Ах, Петр, ну зачем вы так? За эти годы я тоже изменилась. Теперь меня не так легко поставить в тупик вашими софизмами, как когда-то... Незапамятно давно... Когда я считалась вашей невестой...

— Вы еще помните об этом? — с тоской спросил Чаплицкий. — Мне показалось, что вы решили забыть свое прошлое, свою среду, свою отчизну.

И добавил глухо:
— Свою память...

— Вам показалось? — мягко переспросила Лена. Чаплицкий молча кивнул.

— Но я вас, Леночка, ни в чем не укоряю. Я бы сам охотно забыл свое прошлое...

Лена подошла ближе, положила руку ему на плечо.
— Петя, может быть, не надо забывать прошлое? Может быть, надо обо всем подумать по-новому? Чаплицкий покачал головой.

— Не-ет... Я ничего передумать не могу. Мои воспоминания — как матрешки. Они вынимаются одно из другого. И уводят меня слишком далеко.

Лена бросила взгляд на измученное лицо Чаплицкого.

— Петя, вы чаю хотите?
— С удовольствием, Леночка.

Лена зажгла керосинку, поставила на конфорку старый железный чайник. И вернулась к разговору:
— Так что же вас не устраивает, Петр?

Чаплицкий пристукнул кулаком по столу:
— Решительно все. Бросать Россию я не хочу, а жить с большевиками не могу.

— Почему? Разве честного человека не может волновать их идея свободы, равенства и братства?

— Да вздор это! — злобно бросил он. — Вздор! Я не хочу братства с чукчами! И там, где торжествует принудительное равенство, нет свободы!

Чаплицкий зашагал по комнате, горячо блестя глазами, быстро выкрикивая:
— А свобода нарочь исключает равенство, поймите это, Леночка! Пока я свободен, я всегда буду сильнее, умнее и богаче любого из них!..

Они долго молчали, пока Лена не произнесла печально:

— Тогда вы обречены. Они вас уничтожат... и будут по-своему правы...

— Мне это очень горько слышать от вас, Лена, — прошептал Чаплицкий.

Лена сняла с керосинки закипевший чайник, налила гостю чаю. Он сел к столу, сделал несколько жадных глотков. Лена тихо сказала:

— Но это правда, Петя. Вы ослеплены ненавистью. Неужели вы верите в победу своего дела?

— Верю, — упрямо сказал Чаплицкий. — Хотя наши вожди — те, которые идейны, — безумны! А те, что умны, — безыдейны.

— Чего же вы хотите, Петр?
Чаплицкий снова встал, взволнованно прошелся по комнате, остановился против Лены, блестя глазами, неожиданно предложил:

— Лена, Леночка! Давайте уедем... через границу... Вместе! Я ведь так сильно... и так нежно любил вас... Я и там найду себе место... Мне одному больше невыносимо. Я так устал...

Лена покачала головой.
— Не хотите?.. А что же делать мне? Зря я к вам пришел...

Лена не поняла его:
— Почему, Петр?
— Я видел вас несколько раз с этим комиссаром... Шестаковым... — резко сказал Чаплицкий. — Скажите мне прямо: это из-за него?

Лена неопределенно пожала плечами и снова ничего не ответила.

— Та-ак, та-ак... Понятно... понятно... — сбивчиво забормотал Чаплицкий. — Вот же у вас телефон, Елена. Позвоните, скажите ему...

Чаплицкий отошел к окну, сжатыми кулаками оперся на подоконник, разгоряченным лбом прижался к стеклу, шепча слова, как в бреду:

— ...скажите ему, что у вас прячется враг Советской власти... белогвардеец Чаплицкий. Ваш бывший жених...

Лена молчала.
— Ну, что же вы? — истерически выкрикнул Чаплицкий. — Они высоко оценят такую лояльность...

— Что вы несете, Чаплицкий? Слушать противно! — взорвалась Лена.

Чаплицкий круто повернулся к ней:
— Почему же? Новые времена, новая мораль — сын на отца, брат на брата. Идеи дороже живых людей! Невесты продают своих женихов!

Лена долго, неотрывно смотрела на него. Потом разлепила пересохшие губы:
— Мне сейчас очень больно, Петр... Я вас тоже любила когда-то...

И добавила с мукой:
— ...А вы... Вы — горестный и кровавый шут... Контрразведчик издевательски развел руками:
— Мы все шутили... на подмостках времен!

Лена взяла себя в руки. Показала Чаплицкому лезенку, ведущую на второй этаж:
— Приведите себя в порядок, умойтесь и ложитесь спать. Я постелю вам сейчас...

Чаплицкий молчал, и она добавила непреклонно:
— А утром уходите. Я больше не хочу вас видеть.

Чаплицкий поднял на нее потухшие глаза.
— Я не стану злоупотреблять вашим гостеприимством. Через полчаса — смена патрулей, и я уйду...

Лена не ответила.
Чаплицкий сказал горько:
— Но если вы сообщите Шестакову, что я был здесь, они поймают меня и убьют.

Он подошел к ней вплотную и с гримасой боли и ненависти добавил:
— Прекрасный сюжет: советская Джульетта сдает Тибальду из ЧК своего Ромео! Прощайте!..

Лена со слезами на глазах бросилась вон из комнаты. Чаплицкий крикнул ей вслед:
— И запомните: моя кровь падет на вас! Запомните это! Падет на вас!..

Шестаков и Болдырев направились в ЧК. По дороге Болдырев говорил недовольно:

— Ну, и чего мы достигли? Только парня хорошего в лазарет уложили. Да еще двое раненых... И пальбу на весь город подняли.

Шестаков с ним не согласился.
— Это ты не прав, дорогой мой, — говорил он снисходительно. — Конечно, ребятам жалко, что тут говорить. Да ведь и сам знаешь, как народ говорит: «Пошел на войну по голову чужу — и свою захвати!» Как-никак шестерых бандитов мы положили?

Болдырев угрюмо кивает.
— Да двоих захватили... — продолжает Шестаков. — Это раз... Во-вторых, убедились категорически, что в штабе засел предатель.

— А то мы раньше не знали, что он засел, предатель-то, — пробурчал Болдырев.

— Раньше мы предполагали, а теперь точно знаем. И мы его обязательно найдем.

— Найдем, — спокойно согласился Болдырев. — Куда он от нас денется...

Шестаков размышлял дальше:
— Тут что еще важно: теперь, после засады на «Пронзительном», враг знает, что мы его игру разгадали.

Нахмуренное лицо Болдырева немного разгладилось.

— Это факт, — сказал он довольно. — Теперь, небось, поостерегутся хватать любые слухи — вдруг снова ловушка? И вообще когда враг опаску имеет, у него возможности вредить меньше. А то обнаглели...

Они вошли в помещение городской ЧК, расположенной в небольшой каменной усадьбе за глухим забором, бывшем имении купца Малодворова.

В одной из комнат русский вихрастый чекист лет девятнадцати настырно допрашивал диверсанта, который первый влез на борт «Пронзительного».

Арестованный был спокоен, развалившись в очень свободной позе на стуле, он развязно отвечал на хитрые вопросы следователя.

Чекист, видимо, не очень довольный результатами своего расследования, с обидой доложил Болдыреву:

— Вот, полюбуйтесь, Андрей Васильевич: клянется-божится, что ничего про организаторов злодейского покушения на буксир «Пронзительный» якобы не знает...

— Даже как звать? — сощурился на развязного диверсанта Болдырев.

Диверсант словоохотливо ответил:
— Звать-то знаю как, да что толку... Что мне с его званию — навар-то какой... Мне, небось, в зятя к нему не собираться...

— Так как его звать? — перебил Болдырев.

— Лександром звать его, головаря-то нашего, Лександром. И боле ничего про него не знаю. Да мне-то зачем? Лександр — и ладно. Лишь бы в дело взял, да опосля долей не обидел, да работой доволен был бы...

Болдырев спросил терпеливо:
— Одет-то он как, головарь ваш?

Арестованный ответил неожиданно:
— Я так мыслю, гражданин командир, соображаю, значит, — военный он.

— Ага, ясно. А ты кто — тоже военный? — заинтересовался Болдырев. — Офицер, небось?

— Да что ты, командир! — заухмылялся арестованный. — Скажешь тоже! Мы люди вольные, веселым ремеслом промышляем. Из урок мы... из фартовых, значит.

Болдырев резко скомандовал:
— Ну-ка, лапы на стол!

Диверсант послушно выложил на стол руки — довольно грязные, с черной каймой под ногтями. Были, однако, эти верхние его конечности гладкие, узкие, не утомленные, не разбитые тяжелой работой.

Болдырев присвистнул:
— Барские ручки-то! Ишь, нежные, как у бабы...

— А то! — охотно подхватил арестованный. — В нашей фамилии даже дедушка, царствие ему, варнаку, небесное, тачкой рук не поганил. А батяня тем более — знатный майданчик был. Так что, гражданин командир, мне сам бог велел промышлять по фартовой линии...

В его болтовню вмешался Шестаков:
— Где и когда вы с ним договаривались?

— С кем? — искренне недопонял уголовник. — Это, значит, с батяней, что ль?

— Ты мне вола не крути! — сердито сказал Шестаков. — Ну, с этим вот... с «Лександром».

— А-а!.. Дык я уже начальничку... — арестованный повел светлым пустым взглядом в сторону следователя, — докладал: сошлись мы в пивном заведении братьев Муратовых...

— Это еще что за заведение? — спросил Шестаков.

— Столовая номер три в городе по-нынешнему, — пояснил Болдырев.

— Так точно, — подтвердил уголовник. — Было это под вечер в субботу, как сейчас помню, недели три тому... Федор Муратов говорит: иди, мол, вон к тому столу, тобою человек хороший интересуется...

Болдырев спросил:
— Как он вам объяснил цель нападения?

Арестованный ответил, не задумываясь:
— Тогда он ничего не объяснял. Дам, говорит, дело доброе, и ладно...

— А когда же?..

— То позавчера. Встренились мы — он говорит, что денежный ящик для хлебного похода привезли. Схоронили, говорит, его на «Пронзительном». Ежели, сказал, лапшу не провешаем, то по хорошему кушу возьмем, денег там много. Всем, мол, хватит. А галошу эту на дно пустим — и концы в воду. Это уж как есть, точно... — И уголовник радостно захохотал, весьма довольный своей шуткой.

Болдырев взял со стола папку с делом, незаметно подмигнул следователю и позвал Шестакова:
— Пошли ко мне...

Продолжение следует.

«Много я видел хоккеистов на льду — наших, чехословацких, канадских, шведских. Но ничья игра не доставляла такого наслаждения, как игра Валерия Харламова. Вот уж талант от рождения! Наверное, все в жизни давалось ему с той же легкостью, с какой он играл...

В. П. КРИВОШЕИН,
преподаватель ПТУ,
Ленинград»

«Дорогая «Смена»! Расскажи, пожалуйста, о хоккеисте Харламове. После его гибели у нас в школе только и говорят о том, какой это был замечательный спортсмен. Но мало мы о нем знаем...

Г. РУССКИХ, Н. АЗАМБЕКОВ, И. ПОТАНИН
и еще восемь подписей.
Сыктывкар»

«В нашем городе популярен хоккей. Ребята играют от души и, по-моему, неплохо. Мне известно уже несколько подростковых команд, которые хотели бы носить имя Валерия Харламова, потому что все без исключения, кто смотрел матчи с его участием даже по телевизору, понимают, каким он был выдающимся форвардом. И все, кто брал в руки клюшку и становился на коньки, понимают, какого труда стоила ему эта легкость...

Н. ПАНТЕЛЕЕВ,
токарь, хоккеист-разрядник.
Волжск»

Анатолий ТАРАСОВ,
заслуженный тренер СССР,
кандидат педагогических наук

ТРИ СМОРОДСТВИ ВАЛЕРИЯ ХАРЛАМОВА

Он родился на бешеной скорости, прожил жизнь на бешеной скорости и погиб на бешеной скорости.

В ночь под старый Новый год, с 13 на 14 января 1948 года, молодая испанка Орибе Абад Хермана, одна из тех испанских детей, которых в тридцатые годы приняла как родных, вырастила и воспитала наша страна, и ее муж, московский рабочий Борис Харламов, отправились на маскарад в клуб завода «Красная звезда». И тут Орибе почувствовала себя плохо — у нее начинались роды. За ней приехала «Скорая помощь». И хотя шофер гнал машину на предельной скорости, в родильный дом № 16 они прибыли вместе с дополнительным пассажиром: в пути явился на свет Валерий Харламов...

Ранним утром 27 августа нынешнего года на 73-м километре Ленинградского шоссе произошла автомобильная катастрофа. Можно только предполагать, что именно случилось за несколько мгновений до нее, но известно, что асфальт был мокрый от дождя, а покрытие только что отремонтировали, поэтому дорога была дьявольски скользкой, как тот самый лед, на котором столько лет провел Валерий Харламов. Вела машину его жена Ирина, водитель еще неопытный, она спешила, стрелка спидометра наверняка была около цифры «100». Ирина пошла на обгон автобуса, а когда появился встречный грузовик, резко затормозила и не сумела, видимо, справиться с управлением. Столкновение стало неизбежным. Так погибли Валерий, Ирина и ее двоюродный брат Сергей Иванов...

В прощальном слове на траурном митинге перед тысячами людей, перед верными друзьями хоккея и Харламова, собравшимися на Новокунцевском кладбище, я говорил, что Валерий «не знал своего величия». И вот теперь на журнальных страницах я, близко знакомый с ним почти два десятилетия, руководивший хоккейной командой Центрального спортивного клуба армии и сборной страны, где Харламов многие годы был фигурой номер один, бывший в курсе, наверное, всех его забот, проблем, трудностей и надежд, по-человечески друживший с ним, невзирая на разницу в возрасте и положении, так вот теперь я хочу рассказать здесь о том, что Валерий был действительно великим хоккеистом, хочу убедить вас в том, что он не ведал истинных масштабов своего поразительного дарования, никак, никогда, ничем и ни перед кем не подчеркивал своей исключительности и вообще был редкостно порядочным, чистым и честным человеком.

...Мы сидим вместе с его родителями в небольшой комнате их квартиры. Мать, интересная еще женщина, хотя годы и берут свое, вся в черном, ибо не снимает траура с того самого дня... Рядом отец. Мы с Борисом Сергеевичем старые друзья. Он был неизменным зрителем и матчей, сыгранных Валерием в Москве, и очень многих тренировок, всегда провожал сына в хоккейные полеты по белу свету и всегда встречал — и не одного его, а всю команду. Человек очень скромный, тихий, предпочитающий слушать, а не говорить (эти его качества в полной мере были унаследованы Валерием), он, однако, весьма здраво судил о хоккее, и для меня было интересным его мнение.

Прервав тягостное молчание, мы принимаемся говорить. Вспоминаем, как родился, как рос и учился, как умел дружить их сын. И, конечно, как приобщался он к хоккею, как полюбил эту игру на всю жизнь. Для меня было необычайно важно слышать безыскусные,

донельзя искренние слова этих людей. Я понимал, что они, десятилетия простоявшие у станка (мама работала токарем, а отец — слесарем), ценили в Валере не столько то, что он трудом и талантом своим достиг огромного успеха, уважения всех без исключения товарищей, всемирной славы, сколько то, каким нежным и любящим сыном он был, верным мужем, заботливым отцом. Они не просто вырастили сына, они все отпущенные ему 33 года жили его интересами, он был для них и смыслом существования, и гордостью, и счастьем.

И именно им, родителям, безутешным в своем горе, я впервые начал высказывать то, что думаю о человеческой и спортивной уникальности, о необычности Валерия.

Харламов был просто-напросто создан для хоккея, весь, что называется, «заряжен» на эту мужественную, хитроумную, скоростную игру. Он выходил на лед вместе с замечательными мастерами хоккея — лучшими из лучших в огромной нашей стране, где сотни тысяч мальчишек, юношей и даже взрослых мужей любят надеть коньки и погонять клюшкой юркую шайбу. Он сражался с чехословацкими, шведскими, американскими асами хоккея, со знаменитыми, крайне опасными и чрезвычайно умелыми канадскими профессионалами. И он блистал ярче всех в этом окружении «звезд», был сильнейшим среди сильнейших, первым среди равных.

Когда он был приглашен на финал кубка Стенли в Канаду, весь переполненный до отказа огромный ледовый стадион приветствовал его стоя. «Суперзвезду» хоккея, как его называли, узнавали на улицах Монреаля и Праги, Стокгольма и Москвы. Да что там! Теперь уже можно говорить о том, что канадские хоккейные менеджеры довольно недвусмысленно заявляли и в частных беседах и в интервью для печати, что мечтают заполучить Харламова к себе. Назывались даже фантастические цифры его предполагаемых гонораров, превышавшие для сравнения годовое жалование президента США и превышавшие суммы, выплачивавшиеся самым знаменитым канадским «профи». Сведения такого рода, разумеется, доходили до Валерия, но он — и это показательно для его характера — никогда и словом не обмолвился, что знает об этих лестных предложениях, не бахвалится, как иные из его коллег, обласканных славою.

В чем же, собственно, состояло дарование Харламова, почему его считали сильнейшим форвардом этой самой популярной в мире игры? Он владел в необычайной степени тремя скоростями: взрывной быстротой передвижения и маневра на льду, молниеносной быстротой реакции на малейшие изменения игровой ситуации и поведения партнеров и соперников, нестандартной быстротой тактического мышления. Эти три способности, в отдельности встречающиеся у многих, создавали в хоккейном творчестве Валерия удивительнейший сплав.

Но и это далеко еще не все. «Обводка Харламова» — это уже почти легенда. Переигрывать в единоборстве не одного, а нескольких противников, и не единожды, а снова и снова, с легкостью поразительной и внушающей соперникам неуверенность и почтение, — этим был славен Харламов. Вспомним, как он в Москве, в решающем матче со сборной Канады, командой, составленной из звезд профессионального хоккея, один, да, один принес нашей команде победу. Первого канадца он обвел своим коронным финтом — обманым кивком головы в сторону, отчего тот кинулся наперерез, туда, куда

Валерий и не собирался двигаться. Второго, который намеревался на подкате столкнуться с Валерием, он обыграл, резко затормозив и одновременно развернув туловище, так что противник промахнулся и пролетел мимо. А третьему он показал, что якобы потерял шайбу, умышленно отпустив ее от крюка клюшки, и, когда канадец дотронулся до шайбы, предвкушая, видимо, радость оттого, что отнял ее у самого Харламова, наш форвард налетел на него, ударом плеча опрокинул на лед, овладел шайбой и оказался один на один с вратарем Чиверсом. Как бы шутя, чуточку даже игриво приблизился Валерий к опятнейшему голкиперу канадцев, сделал замах клюшкой и выпад влево с явным намерением пробить в правый от вратаря угол ворот. Его финт, положение тела, его глаза и веселая улыбка были до того естественными, что вратарь просто не мог не поверить в очевидность харламовского замысла и начал смещаться вправо. Но Валерий сыграл иначе — неуправляемым движением он послал шайбу верхом в левый угол ворот.

Описать его действия в этот незабываемый момент вроде бы не слишком сложно. Но сыграть так против столь сильного противника — это почти невозможно. Буквально не веришь своим глазам. А между тем Харламов делал подобные вещи не раз. Мне могут возразить, что это, мол, индивидуальная особенность Валерия, что в лучшие его времена он был действительно чемпионом обводки — и только. И только? Все мы когда-то считали, что знаменитый финт Анатолия Фирсова «конек — клюшка» так безукоризненно чисто может выполнить только он сам, прекрасный, талантливый хоккеист. Но однажды в ответственном матче внутреннего чемпионата, когда ЦСКА играл со «Спартаком», Харламов вдруг показал нам с блеском исполненный этот прием, да еще и обогащенный активным силовым единоборством, — и противник оказался на льду, а Валерий уже мчался дальше, к воротам, к победе.

Существует, хотя и довольно условное, деление мастеров хоккея на игроков коллективных и индивидуальных. Виртуоз Харламов вроде бы должен был считаться по этой классификации закоренелым индивидуалистом, чуть ли не эгоистом на площадке. Но до какой степени это несправедливо по отношению к нему! Вот уж кто умел по-детски непосредственно радоваться удаче товарища, да не просто радоваться ей, а изо всех сил помогать рождению такого успеха, буквально создавать его самому!

Пас — выверенный, ювелирно точный, скрытый от противника и известный партнерам — был изобретен в нашем хоккее довольно давно. Его применял еще Николай Хлыстов, игрок команды «Крылья Советов» и сборной страны, на заре освоения ледяной коробки. Отлично использовали его Александр Альметов, Александр Уваров, Анатолий Фирсов, Борис Майоров, Владимир Викулов, Александр Мальцев и многие другие. Но так искусно, так творчески и хитро, как делал это Харламов, пасовать никому не удавалось.

Он влезал в самое игровое пекло, угрожая молниеносной обводкой нескольких соперников, создавая реальную опасность взятия ворот. Противники отчаянно наваливались на него всей кучей, пытались блокировать его, отнять шайбу или просто сбить с ног, и это освобождало от опеки партнеров Харламова. А он в какое-то мгновение скрытым, «кистевым» броском пасовал товарищу по команде, находившемуся в выгоднейшей голевой позиции. Для такой комбинации мало самой изысканной, отточенной техники,

Фото Анатолия БОЧИННА

тут необходимо обладать особым зрением, позволяющим видеть всю площадку, всех соперников и всех партнеров одновременно, тут надо уметь со скоростью самого современного компьютера просчитать все мыслимые варианты, выбрать лучший и реализовать его — либо сыграв самому, либо отдав шайбу товарищу, но не тому, кого подозревают и стерегут противники. Именно творческим восприятием уроков Харламова можно во многом объяснить яркую, тонкую и сложную игру нынешних перспективных молодых форвардов Владимира Крутова, Сергея Макарова, Сергея Шепелева.

Валерий был, с моей точки зрения, большим психологом в хоккее, его отличали не только ясность и остроумие собственного замысла, но и умение с легкостью разгадывать замыслы соперников. Со стороны казалось даже, что он заранее знает все, что может придумать хоккеист, кидаящийся ему наперез. Харламов на льду был постоянно, ежесекундно готов к единоборству, быть может, оттого он и был напрочь лишен стремления к конфликтам в жизни. Его терпение, добродушная снисходительность просто удивляли нас. Я помню, как однажды канадцы устроили форменную охоту на него. Цель была проста и понятна — травмировать Валерия так, чтобы он не смог участвовать в дальнейшей игре, и тем обеспечить канадской команде шансы на победу. На роль «костоломов» были приглашены опасные люди: Кларк и Круз. Кто помнит крупно показанные по телевизору лица этих «профи», тот поймет, что это за ощущение — все время чувствовать, что тебя ищут и твоего увечья добиваются такие типы. Но и Харламов был не прост и сделан отнюдь не из одуванчиков. Однако как-то раз им удалось довольно сильно сбить его на лед. Ребята в один голос говорили мне, что это не просто столкновение, что канадцы собирались не использовать силовые приемы, разрешенные правилами, а сломать Валеру. Я спросил его самого, так ли это, но он сказал, что ничего особенного не произошло и что это он виноват, коли не нашел противоядия против грубости. Уже после его гибели мне довелось говорить на эту тему с Бобом Халлом и его коллегами, известными канадскими хоккеистами, и они признали справедливость моих предположений. «Я тоже никого не бил, как и Харламов», — сказал Халл, — и я понимаю, как это трудно...» И я увидел, что во рту у канадца не хватает больше половины зубов, а на лице — десяток шрамов. Халл покачал головой: так-то, дескать, спортивная жизнь.

Ну нет, спортивная жизнь такова, каковы люди, посвятившие себя спорту! Валерий был истинным рыцарем хоккея — благородным до конца, за что его уважали и любили все, кто выигрывал у него и кто проигрывал ему. Он не любил поражений. Не мог смириться с тем, что чужая команда сильнее его команды. И когда ЦСКА или сборная времен Харламова проигрывали, соперники бились следующего матча больше прежнего. Знали, что на лед выйдут

Михайлов, Петров, Харламов — великолепная тройка, не сломленная поражением, а, наоборот, набравшая новых сил, новой отваги, новой непримиримости в борьбе за победу. Это было не непомерное честолюбие, хотя и в нем для спорта нет ничего ужасного, а в чистом виде явленный азарт. Мужество бойца, не умеющего сдаваться на милость победителя.

И еще это было уважение к зрителям. Хоккей — это всегда спектакль с сюжетом, не известным заранее никому. Сплошь и рядом матчи любого уровня и ранга преподносят сюрпризы, поражающие даже знатоков. За то, наверное, и любят эту игру во всем мире. Так вот Валерий ценил доверие зрителей, пришедших на стадион, чтобы посмотреть на его игру. Он считал глубоко недостойным скалтурить, поберечь свои силы, когда команда буквально ложится костями, избежать силового единоборства с соперником, превосходящим в габаритах и в весе. Он никогда не пытался применить коварный, нечестный прием, не помню случая, чтобы он нарочно стукнул кого-нибудь клюшкой или коньком, даже просто оттолкнул плечом, если толчок этот не был вызван прямой необходимостью овладеть шайбой или уберечь ее. Валерий никогда не спорил с судьями и редкие наказания — удаления на две минуты — сносил сдержанно и терпеливо. Он был корректен еще и потому, я думаю, что понимал: судья может не заметить, тренер может просмотреть, товарищи по команде могут не понять, а публика... Публику не проведешь. Не случайно мало кто из самых одаренных хоккеистов пользовался у многомиллионной хоккейной аудитории такой любовью и таким уважением, как Харламов.

К своей популярности он относился так же просто, скромно и деловито, как к любому делу или обязанности. Часами, не ленясь, он ставил автографы поклонникам хоккея. Щедрой рукой раздавал значки мальчишкам и взрослым. Всесоюзный клуб «Золотая шайба», объединяющий сегодня огромную армию юных хоккеистов, многим обязан Валерию. Безотказно ездил он на десятки выступлений в год, рассказывал слушателям о любимой игре, откровенно отвечал на вопросы. Особенно любил он встречаться с молодыми рабочими и солдатами, с детьми. И они отвечали ему тем же. Как в театр ходят «на Уланову», «на Яншина», «на Лемешева», так и на стадион ходили «на Харламова».

Есть тренеры, которые считают, да еще и публично объявляют, что это они сами, лично и персонально, воспитали выдающегося игрока или создали непревзойденную команду. Не в ладу я с такими коллегами. Если ты настоящий тренер, то знаешь истинную цену своему содружеству с настоящими игроками, творческими, самоотверженными, талантливыми. Понимаешь, что ваши взаимоотношения не могут приносить пользу кому-то одному. Осознаешь, что невозможно, как бы много ни вложил ты в это сил, души, времени, просто нелегко создать команду-победительницу

в одиночку. Да, ЦСКА и сборная при Харламове довольно редко терпели поражение, да, нечасто Валерию приходилось скрывать горечь проигравшего и испытывать жажду реванша. Но хоккеем подобен хорошему пению, ни один дирижер и ни один солист, как бы велики ни были их заслуги, не могут отнести творческое достижение всего коллектива только на свой счет. Это знал Валерий, знали его товарищи, знал и я.

Мальчишкой, поступая в хоккейную школу нашего клуба, Валерий прибавил себе год — так ему хотелось попасть к нам. Он был зачислен в группу тренера Вячеслава Тазова, но вскоре его вполне невинный и объяснимый обман раскрылся, и Валеру перевели в группу тогдашнего начальника школы, тренера Андрея Старовойтова, который занимался с ним около четырех лет. Естественно, заметил парня и я, поскольку как руководитель хоккейного коллектива контролировал учебный процесс и обязательно принимал участие в наборе новичков, присматриваясь не столько к их атлетическим данным или умению кататься на коньках, сколько к тому, горят ли у парня глаза, видно ли, что он одержим желанием стать настоящим хоккеистом. Всего этого в Харламове было, как говорится, через край.

Его талант, его фанатическое упорство, его чудесный характер раскрывались для всех нас не сразу, постепенно. Помню такую историю. В юные годы Валерия принял я однажды рискованное, но, как потом оказалось, вполне оправданное решение. Видел, что он человек способный, незаурядный, но выпускает его на площадку с мастерами было еще рановато, не хватало у парня умения, опыта. А где же набраться практических навыков, как не в играх — регулярных, важных, ответственных? Чтобы Харламов смог развить в себе игровую самостоятельность, усовершенствоваться в обводке, разучить новые финты и опробовать их на реальных соперниках, я предложил ему один сезон поиграть в одной из наших армейских команд среднего класса...

Не скрою, я волновался. Расставаясь, пусть даже на время, с одаренным игроком, никогда не можешь быть уверенным, что не совершаешь ошибку. А вдруг понапрасну упустишь время — в спорте эта потеря чаще всего невосполнима. Но Валерий воспринял мое решение до будничного просто. Спросил только, предоставят ли ему там время и условия для самостоятельных тренировок. Интересовался он, зная строгие порядки военной службы. Да, ответил я, руководители той команды все знают, они получили копию твоего индивидуального задания. Периодически мне докладывали, как там идут дела у Харламова. Никаких замечаний. Игроки команды равняются на него. На тренировки приходят сотни зрителей. Во время матчей стадион не может вместить всех желающих. Играет самоотверженно и в мастерстве прибавляет день ото дня...

Что греха таить, встречаются еще в нашем хоккее игроки, зараженные вирусом премьерства, бациллой самовлюбленности. Харламов был прост и скромнен. Никогда он не капризничал, ничем не хотел отличаться от своих товарищей независимо от весомости их вклада в общее дело. Предлагал я ему, и не раз, стать капитаном команды, но он отказывался. Предпочитал оставаться рядовым полевым игроком, по сути, будучи тем, что входит у социологов в понятие «неформальный лидер».

Как тренер, я был, пожалуй, обостренно нетерпим к любым проявлениям недисциплинированности. У нас в команде не любили лентяев, нарушителей режима. Так вот мне с моим крутым нравом за все годы ни разу не пришлось повысить голос на Валерия. За тысячи тренировок и игр, подчас очень нервных и изнурительных, нам вместе с тренером Аркадием Ивановичем Чернышевым, моим коллегой по работе со сборной, не пришлось выразить ни одного мало-мальски серьезного упрека ему. Впрочем, был один досадный случай, который, как ни парадоксально, только укрепил мое к нему уважение. Валерий и один его товарищ провинились в нарушении режима, причем за руку пойманы не были, хотя сомнений у меня не оставалось. Спорт вообще немыслим без строгой дисциплины, а в армейском клубе тем более. Я отдал приказ о наказании обоих. Тот, второй, отпирался и канючил до последнего, а Валера смолчал. Я спросил его, что, может быть, он тоже не считает себя виновным. И он ответил, что наказание понес заслуженное и вопросов не имеет.

Он вел себя так разумно и, я бы сказал, интеллигентно в контактах с людьми, так себя зарекомендовал в коллективе с самого начала, что к его мнению прислушивались все. Мне рассказывали историю, которой я сам свидетелем не был. Однажды после победы нашей сборной на чемпионате мира и Европы к одному из известнейших игроков подошел молодой наш журналист с просьбой дать интервью. А тот, то ли оттого, что несколько занесся после успеха, то ли просто не очень придя в себя после тяжелой нервной встряски, в грубой форме отказал корреспонденту. Да еще и был поддержан своим партнером по тройке, которому эта «удаль» почему-то понравилась. И тут подошел Харламов, не слышавший начала разговора. «Да вы что, ребята?!—изумился он.—В своем ли уме? Человек за семь верст киселя хлебать добирался. Ему надо свою работу делать, как и вам шайбу в ворота бросать. Что это за барские замашки?.. Журналист ведь вас о хоккее спрашивать хочет, а вы—хоккеисты. Стало быть, обязаны отвечать». И пристыженные товарищи опомнились, извинились перед корреспондентом и стали беседовать с ним втроем.

С Валерием и молодым спортсменам и опытным мастерам всегда было хорошо играть, интересно тренироваться, уютно жить во время поездок и сборов. Он в любой момент готов был пожертвовать своими интересами ради команды. Перед Олимпийскими играми в Саппоро мы попросили его перейти из его родного звена в то, которое создавалось в связи со сложившейся принципиально новой тактической расстановкой сил. Надо было расстаться с друзьями, с партнерами, понимающими его с полувзгляда, Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. Харламов многим рисковал, но спорить не стал, поверил на слово тренеру. И, придя в новое звено, сумел зарядить своей невероятной энергией, своим неиссякаемым оптимизмом и Александра Рагулина, и Анатолия Фирсова, и Геннадия Цыганкова, игроков к тому времени уже именитых. Лучшая игра Владимира Викулова тоже приходится на тот сезон, когда он выступал в одном звене с Валерием. Они были благодарны судьбе, объединившей их с Харламовым в одной игровой компании, о чем мне не раз говорили сами.

Я много видел спортсменов, умеющих и любящих тренироваться, не щадя себя. Но такого, как Валерий на тренировке, больше не знаю. Он опровергал существующее тренерское убеждение, что с годами хоккеисты утрачивают азарт и интерес к тренировкам, в особенности атлетическим. Прыгать и бегать со штангой весом в 60—70 килограммов, заниматься акробатикой для развития ловкости и координации движений, играть в футбол и баскетбол одновременно, в два мяча (есть такое неувыдаемое упражнение),—все это доставляло, казалось, Харламову мальчишеское удовольствие. Он умел многое лучше других, но никогда не кичился тем, например, что умеет крутить сальто и с места, и с разбега, и назад, и вперед, ходить, прыгать, бегать в стойке на кистях, что в беге с 70-килограммовой штангой делает резкие скоростные рывки. Если иные из спортсменов тренируются регулярно под известным давлением тренеров и коллектива, то Валерий воспринимал эту необходимость как норму своей жизни.

В его судьбе был несколько лет назад очень тяжелый момент, когда они вместе с женой попали в автомобильную аварию, ударились о столб и были выброшены через открывшиеся дверцы на обочину.

Валерий стал заметно прихрамывать. И у нас с ним произошел важный для обоих разговор. Я спросил, какие у него планы. Он ответил просто и убежденно: «Буду играть». Позже, приходя на тренировки, я видел, с каким чудовищным упорством он возвращал себя в хоккей, как жесток был к самому себе, как дорожил каждой минутой... И он вышел на лед—его встречали в тот день друзья по команде, ветераны нашего хоккея и сотни поклонников, которые каким-то образом узнали об этом втором дебюте Харламова. Он катался, хромая, ему все было трудно, нога болела, но по выражению лица нельзя было догадаться, как ему тяжело. Веселая улыбка и прищуренные глаза—все, как обычно. Мы радовались: на лед вернулся тот же Харламов.

Тот же, да не тот. Когда он стал участвовать в игровых упражнениях, восстановил навык передач и бросков, начал кататься с привычной скоростью, я заметил, что у него как-то не идет его знаменитая обводка. И не то чтобы утерян навык или забыты финты, нет, он робко, словно не веря в себя, лишь изредка пытается обвести соперника. Похож он был на мальчишку, который стесняется при своих сверстниках сделать то, что у него может не получиться.

Несколько дней я ломал голову над этой проблемой. Играть он, конечно, будет, и вполне прилично, но не увидит уже хоккей того Харламова, для которого будто и не существовало противников в ближнем бою. А ведь раньше про него говорили самые авторитетные защитники, что, если не разгадаешь загадку харламовский финт, проиграешь ему миллиметр в скоростном маневре, не поймешь, что он задумал, ищи ветра в поле. И снова у нас с ним произошел прямой мужской разговор. Валерий и сам признал, что не клеится у него обводка и что нужно дополнительное время для полного восстановления навыка. А мне казалось, что дело не в технике, не в координации движений, выполняет же он идеально точно другие приемы. Причина в ином—утрачена психологическая уверенность в себе, в своей способности переиграть соперника.

И я посоветовал ему включить в дневной цикл, а он тогда состоял у команды из двух-трех тренировок, занимавших в общей сложности пять-шесть часов, дополнительную тренировку. «Какую?»—с интересом и готовностью спросил мой любимый игрок, которого, как видно, совсем не смущало то обстоятельство, что ему придется заниматься по семь-восемь часов в день. «Упражнение будет простое и каждый раз одинаковое, Валера,—ответил я.—Давай с тобой вспомним детство, когда мы целыми днями гоняли шайбу с мальчишками. Так вот ты будешь играть один против пяти-шести 10—15-летних ребят. Желающих сразиться с тобой в армейской детской хоккейной школе хватит, от них отбою не будет...»

Ребятам мы не сказали, что Харламов еще не совсем здоров, иначе тренировке не хватило бы серьезности, она превратилась бы в поддавки. Мальчишкам так хотелось обвести самого Харламова, отнять у него шайбу, столкнуться с ним, кинуться в контратаку—ну, просто до слез. В единоборстве они были цепки и отчаянны, понятно также, что Валерий ни за что не стал бы применять против них силовые приемы, как против взрослых. Словом, приходилось ему очень туго, особенно когда надо было догонять этих юрких и живых, как ртуть, пацанов. Временами мне начинало казаться, что эксперимент себя не оправдывает, потому что никто не сможет выдерживать такое напряжение, такую дьявольскую нагрузку. Но Валерий понимал, до какой степени ему это важно, и тренировался прямо-таки подвижнически. Позже мы стали время от времени облегчать его участь, придавая ему в помощь одного, а то и двух классных игроков, соответственно увеличивая и состав детской команды. Мастерство Валерия, его психологическая устойчивость, вера в себя крепили день ото дня. Можно только пожалеть, что «детские игры» Харламова закончились раньше, чем нужно. Армейские тренеры стали вводить его в состав команды мастеров, и он так и не успел подняться до своего прежнего уровня, овладеть былой свободой действий в сверхсложной обстановке, что, мне кажется, заметили многие зрители и специалисты в хоккее.

Интересно, что ему при всей невьючности нагрузки еще и нравилось возиться с детьми. Я помню, как в дни приема новичков в армейскую школу Харламов вместе с Рагулиным, Третьяком и другими мастерами помогали тренерам отбирать способных мальчишек, так вот, Валерий никогда не мог отказать даже самым не подходящим для хоккея ребятам и их родителям, а предпочитал сообщить свое неблагоприятное мнение мне. Жалел очень. Представлял, видно, себя на их месте. Его младшая сестра Таня говорила мне, что они еще в юности договорились работать с детьми, она—в школе обычной, а он—в хоккейной. С мастерами, к чему стремятся многие хоккеисты, уходящие со льда, Валерий работать не собирался—это было для него не так интересно и не так важно.

Вообще перспективы его ждали самые разнообразные и удивительные. Он был человеком широко одаренным, обладал сильным, мужественным характером, был чрезвычайно обаятелен. Убежден, к примеру, что если бы он в юности решил всерьез заняться футболом, то и здесь, несомненно, был бы на первых ролях, играл бы, я полагаю, за сборную страны. Или вот еще один случай, доказавший мне его незаурядность. Рассказываю об этом и к тому, что мы, тренеры, все-таки никогда не научимся узнавать своих ребят до конца, хоть и относимся к ним, как к собственным детям.

У нас в команде была такая традиция, она, кстати, жива и сейчас: в конце сезона проводить праздничный вечер. Приглашали жен и подруг, всех друзей, накрывали торжественный и красивый стол, устраивали танцы. И вот однажды я увидел, как в круг вышел Валерий со своей дамой. Я знал, что прекрасно танцуют Фирсов, Викулов и другие. Но Харламов! Он танцевал так пластично и оригинально, ритмично и легко, так свободно владел своим телом, так точно понимал партнершу, что постепенно все остановились, окружили эту пару и стали смотреть на них. На место их проводили аплодисментами—от своих это нечасто услышишь.

Я все время думаю, чем же успел стать Харламов для нашего хоккея, для его неистовых поклонников, для тысяч и тысяч мальчишек. Сказать, что он был кумиром публики, в особенности юной,—это сказать мало. Мне кажется, что Валерий и вся железная когорта игроков его поколения совершали нечто большее, нежели просто забивание шайб в ворота пусть даже и самых сильных соперников.

Своей невероятной самоотверженностью, своим искрящимся мастерством, оглаженным предельным напряжением сил и на тренировках и в матчах, своим вдохновением, глубоко одухотворенным отношением к игре они добились того, что хоккей стал восприниматься как подлинное искусство. Замысловатые узоры, которые они выписывали на ледяных полях, тонкость и остроумие комбинаций, которые они разыгрывали, проникая сквозь строй обескураженных противников, отвага и бесстрашие, с которыми шли они на локомотивные по своей мощи силовые приемы,—все это создавало каждый раз неповторимые спортивные драмы. Зрелище высокого хоккея в их исполнении вызывало восторг и у специалистов, и у завязавших болельщиков, и даже у тех, кто случайно оказывался на стадионе и затем прикипал душой к хоккею на всю жизнь.

Но и это еще не все. Игра Валерия вызывала желание подражать. Причем далеко не только в том, что касается сугубо технических его достижений, а прежде всего в том, что относилось к неукротимому его бойцовскому духу, с особой силой проявляющемуся в играх за спортивную честь Родины. Выступая на чемпионатах мира и Европы, в международных турнирах, сражаясь с канадскими профессионалами, Харламов никогда не чувствовал себя просто игроком, старателем на россыпях спортивной удачи. Нет, он боролся, что называется, не на живот, а на смерть за победу сборной Советского Союза. И когда под сводами ледовых дворцов звучал наш гимн, Валерий чувствовал гордость не за себя, не за команду даже, а за державу. Патриотизм советского спортсмена, советского человека был свойствен ему в самой высокой степени. И если говорить о нравственных уроках короткой и ослепительно яркой судьбы Валерия Харламова, о том, что стремился он и сумел передать новым поколениям хоккеистов, то надо обращать внимание именно на социальную, общественную роль лучших команд и игроков отечественной хоккейной школы.

И совершенно обоснованно, по заслугам он, двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира и десятикратный чемпион страны, был удостоен почетных спортивных званий, высоких правительственных наград—трех орденов, комсомольских наград—Почетного знака ВЛКСМ и знака ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть».

...Не знаю, чего еще сумел бы достичь Валера, но верю, что он достиг бы новых высот и когда перестал бы играть. Скоро он должен был сдавать государственные экзамены в институте физкультуры. Я знаю, что заведующий кафедрой хоккея Ю. В. Королев, испытывавший к нему искреннюю симпатию, не раз предлагал ему какую-нибудь приемлемую форму помощи, но Харламов всегда отказывался: «Спасибо, не надо. Я сам...» Он хотел учиться дальше, хотел научиться учить других и имел на то полное моральное право.

Не знаю, чего сумеют достичь в жизни его сын Александр и дочь Бегония, но верю, что они вырастут хорошими, умными, добрыми людьми. И страна наша и друзья Валеры и Иры, а друзей у них всегда хватало, их детей не оставят. Помогут, поддержат, посоветуют, научат, а главное, расскажут, кем был и кем навсегда останется в нашей памяти их отец.

Человек, на знавший своего величия.

Водитель трамвая объявил: «Уголок имени Дурова». Слева я увидела новенький, недавно выстроенный дворец, а возле него — старый, хорошо знакомый с детства особняк. Вряд ли в Москве есть человек, который хотя бы раз в жизни не побывал в нем, в гостях у четвероногих и пернатых артистов, и не сохранил на долгие годы память об увиденных чудесах. Я до сих пор помню валяжно развалившуюся в резном домике кошку, окруженную своими друзьями — крысами, зайца, с завидным энтузиазмом отбивающего дробь на барабане, рыжую лису, ловко пробирающуюся между кольшками.

И вот спустя годы вновь поднимаюсь по лестнице. По бокам ее, как и прежде, скульптуры животных, миллионы лет назад обитавших на нашей Земле: динозавр, бронтозавр, мастодонт... Это творение рук разносторонне одаренного человека — Владимира Леонидовича Дурова, создателя Уголка. Разглядывая скульптуры, оказываюсь наконец на последней ступеньке. Взгляд падает на мозаичную табличку в

ЗВЕРЕЙ

С заслуженной артисткой РСФСР Натальей ДУРОВОЙ беседует специальный корреспондент «Смены» Людмила СТИШКОВСКАЯ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

рев. А. В. Леонтович, профессор Г. А. Кожевников, видные исследователи поведения животных.

— Наталья Юрьевна, художественным руководителем Театра зверей вы стали недавно, а до этого много лет выступали в цирке. С чего началась ваша карьера дрессировщицы? Работа с какими животными доставляла вам самую большую радость?

— Я вышла на арену цирка, когда мне исполнилось четыре года: отец, как и дед, был цирковым артистом. В то время я была сильно привязана к небольшому занятному зверьку — сурку. Но я его не дрессировала. У меня не было кукол, игрушек, сурок заменял их всех, вместе взятых. А самая крупная моя работа в детстве (мне тогда было девять лет) — гепард. Звали его Кай. Он прыгал,

полу. В центре ее латинское слово «Salve» — «здравствуй». «Здравствуй!» — отвечаю я и, сделав несколько шагов, открываю дверь кабинета Натальи Юрьевны Дуровой, художественного руководителя Театра зверей, заслуженной артистки РСФСР, известной детской писательницы. Навстречу мне с лаем кидается собачонка (чуть позже выясняется: очередное юное дарование), на шкафу поднимают крик майны. Когда суматоха утихает, задаю первый, признаюсь, незапрограммированный вопрос:

— Наталья Юрьевна, в Москве да и в других городах нашей страны много достопримечательных мест, но ни одно из них не называется «Уголок». Почему именно Уголок?

— Название было дано самим Владимиром Леонидовичем Дуровым. Произошло это в 1912 году. Однажды Владимир Леонидович шел в гости к своим друзьям — писателю Гиляровскому и балет-мейстеру Горскому. Светило солнце. И вдруг на Старой Бождомке, теперь улица Дурова, среди зелени садов и аллей Екатерининского парка он увидел сказочное здание, башенки которого были украшены точеными чугунными цветами и диковинной птицей. Мой дед понял, что к этому месту его привела судьба. Всю свою жизнь он искал маленький уголок, в котором можно было бы создать гармонию и в сосуществовании различных видов животных и во взаимоотношениях человека и животных. Уголок радости и добра. Мой дед купил особняк и начал осуществлять свою мечту.

Открывая Уголок, Владимир Леонидович ставил перед собой задачу широко пропагандировать естественнонаучные знания, прививать людям любовь к животным. Полное название учреждения, подобного которому нет в мире, — «Научный и культурно-просветительный уголок имени Владимира Леонидовича Дурова». В двадцатые годы при Уголке была создана зоопсихологическая лаборатория, а в 1930 году, желая подчеркнуть значение учения Ивана Петровича Павлова для своей работы, мой дед назвал Уголок «фабрикой рефлексов». В опытах, которые проводил Владимир Леонидович, участвовали крупнейшие ученые: академики В. М. Бехте-

Почти семьдесят лет назад знаменитый русский клоун и дрессировщик Владимир Леонидович Дуров в доме на Старой Бождомке, названной теперь улицей Дурова, основал театр, подобного которому до сих пор нет во всем мире.

Вряд ли в Москве найдется человек, хотя бы раз в жизни не побы-

вавший в гостях у четвероногих и пернатых артистов. И сегодня главный кудесник «Уголка Дурова» — представительница славной актерской династии, внучка основателя Театра зверей Наталья Юрьевна Дурова делает все, чтобы каждый зритель сохранил на долгие годы память об увиденных здесь чудесах.

бегал с огромной скоростью по манежу и слушался только меня. В конце нашего выступления отец делал сценку под названием: «Внимание! Снимаю!» На арену выходил слон со старинным фотоаппаратом, а мы с Каем позировали. Кай улыбался: показывал зубы.

Из всех животных, которых мне приходилось дрессировать, я никогда не забуду морского льва Леля с львицей и моржуху Василису. Василиса была мне самым настоящим другом. Моржи — животные, которые на воле живут стадами. Это очень умные звери. Если с их сородичем случается несчастье, они спешат ему на помощь. Так вести себя моржи могут и по отношению к человеку. Во всяком случае, однажды Василиса спасла мне жизнь. Я упала в бассейн. Глубина — два метра, дно алюминиевое, скользкое, плавать не умею. Начала тонуть. Василиса прыгнула в воду и вынесла меня на помост.

— Попадались ли вам животные, не поддающиеся дрессировке?

— Пожалуй, таких зверей у меня не было. Животные, как люди: даже если они принадлежат к одному виду, наклонности у каждого различны. А работа дрессировщика мало чем отличается от работы педагога. Задача у них одна: нужно выявить эти наклонности и сделать все необходимое, чтобы их развить. Вы видели нашего волка Данилу? Слышали его вой?

— Я бы очень хотела узнать, как вам удалось научить его это делать.

— Данила остро реагирует на музыкальные звуки. Однажды он услышал мелодию и какие-то ноты, видимо, напомнили ему вой. Данила, в свою очередь, завыл. Произошло это случайно, но, заметив его реакцию, дрессировщица стала ее закреплять. В итоге на сцену вышел волк-певец. Звучат аккорды, и Данила начинает вой.

У нас живет еще один волк. Он относится к музыке безразлично. Однако у него есть другое достоинство: неагрессивность. Используя эту черту его характера, мы придумали сценку, в которой он выступает вместе с козлом.

— Наталья Юрьевна, Театр зверей — самый необыкновенный театр из всех, которые я видела. Насколько мне известно, купить билеты сюда не легче, чем на премьеру в Большой театр. Но звери выступают и в цирке, там им отводится довольно большая часть программы. Существуют ли отличия между вашим театром и цирком?

— Существуют, причем огромные. В цирке все, как на ладони. Манеж не позволяет делать то, что делаем мы: высвечивать мизансцены, показывать движения животного таким образом, чтобы создавалось впечатление, что оно сыграло. Возьмем элементарный пример. Представьте себе, что на нашу сцену вышел слон. Дети зачарованно смотрят, для них это необыкновенная сказка: слон моргает, он поднимает свои огромные ресницы. В цирке я не имею возможности показать это, а здесь могу. Крошечная сцена позволяет мне театрализованно то или иное движение животного. Как в мультипликациях на любое движение накладывается нужный текст, так происходит и у нас. Это и составляет волшебство спектакля.

Ну, а во-вторых, в цирке показывают просто отдельные номера, а в нашем театре идут самые настоящие спектакли, которые готовятся по специально написанным сценариям. И главные роли в них исполняют птицы и звери. Дрессировщик иногда совсем не появляется на сцене. Он стоит за кулисами и отдает команды. Это так называемое дистанционное управление животным. Нигде ничего подобного вы не увидите.

— Сколько всего в Уголке зверей?

— Как пишут в наших бухгалтерских ведомостях, 240 голов-артистов. Это лисы и медведи, обезьяны и морские львы, пеликаны, вороны, барсуки... — представители 50 видов диких и домашних животных. Большинство их выступает на сцене, часть пока еще разучивает свои роли.

— А каким образом пополняется ваша группа?

— Животные попадают к нам по-разному. Одни, например, шимпанзенок Боми и его экзотические собратья, — официальным путем, другие — неофициальным: находят дорогу к нам сами. Вот сегодня в спектакле участвовал кот Плут. Я его спрашивала: «Скажи, Плут, как ты пришел к нам?» В ответ кот шел по кольшкам забора. Так оно было на самом деле. Собаки порой достаются нам от тех людей, которые бросают их в старых домах, получая новые квартиры. Собака начинает искать себе место, и она находит его в Уголке радости и добра. Третий источник пополнения: наши вечные поклонники — дети. Они приносят подобранных раненых, иногда умирающих птиц и зверей. Была у нас кошка по имени Крылатка. Назвали ее так потому,

что какой-то злой человек изувечил ее, вырезав в кошачьей шерсти лоскуты, похожие на крылья. Если бы кошка не попала к нам, она бы погибла. В Уголке ее вылечили, она стала прекрасной артисткой и прожила у нас десять лет.

— Наталья Юрьевна, мне кажется, ваш театр интересен не только для детей. Я давно вышла из детского возраста, и сознаюсь, когда на днях потух свет в зале, мне было несколько не по себе: вдруг не понравится представление? Но начался спектакль, и я не заметила, как прошли почти два часа.

— Конечно, к нам больше всего приходит детей. Однако возраст наших зрителей, как мы шутим, от двух лет до ста. Смех смехом, а недавно на спектакле был дедушка ста четырех лет со своими внуками и правнуками. Мы бы ему не поверили, но он показал паспорт.

Сейчас у нас идет три спектакля. Но закончится строительство, будет реконструировано здание бывшего Уголка, появится малый зал. Он предназначен для самых маленьких (до пяти лет) — им будут показывать сказки — и для взрослых. Для взрослых мы хотим сделать спектакль по сюжетам «Фитиля», а другая моя мечта скоро осуществится. Это спектакль под названием «Про дедушку», про моего дедушку. Начнется он с появления Владимира Дурова и его брата Анатолия в Москве. Братья-сироты приезжают к своему дядьке Захарову и впервые в жизни попадают в цирк. Это первая картина. Вторая — смотрят великолепное представление. Затем балаган с его красочным действием исчезает, Володя Дуров — в гимназии. Экзамен по закону божьему, и он входит в класс на руках. Поп в бешенстве. Моего деда выгоняют из гимназии. И вот он уже дрессирует собаку, дворняжку Каштанку. Ей суждено было стать знаменитой. Один эпизод из ее жизни послужил сюжетом для рассказа Антона Павловича Чехова, дружившего с моим дедом. А дальше пойдет сатира. Выступления в цирке против градоначальников Одессы, Ялты — Думбадзе; Зеленого... На роль Владимира Леонидовича хочу пригласить актера Театра на Малой Бронной Льва Дурова, как не трудно догадаться по фамилии, тоже потомка знаменитого дрессировщика и клоуна. А роли попа; Зеленого, Думбадзе, надеюсь, сыграет Юрий Никулин.

Сейчас мы готовим новый аттракцион. На Донецком металлургическом заводе изготовлена Дуровская железная дорога, точная копия прежней. Около 100 мышей будут заняты в путешествии по сказкам Пушкина, а закончится оно отлетом их вместе с Котом-ученым в космос.

— Наталья Юрьевна, читатели хорошо знают написанные вами книги «Арена», «Котья», «Гибель старого Ямбо», а «Ваш номер!» входит в программу обязательного чтения для школьников. Давно ли вы стали писать?

— Любовь к литературе мне передалась, можно сказать, с генами. Писательницей была моя трижды прабабушка кавалерист-девица Надежда Дурова. Ее записки правил сам Пушкин. И у моего деда вышло несколько книг, все они были очень популярны. Я начала писать еще в школе. Поступила сразу в Литературный институт и закончила его с отличием в 1951 году. Через два года была опубликована моя первая книга. Всего их вышло пятнадцать. Сейчас я пишу книгу «24 минуты»: ровно столько шел на манеже аттракцион «Морские львы и морж». Работаю над сборником «Мой дом на колесах». Я по-прежнему верна своей теме: пишу о людях цирка, о животных, с которыми меня сводила жизнь. И по-прежнему отстаиваю идею: человек должен быть добрым, бережно относиться ко всему, что его окружает. Он должен пройти по земле так, чтобы не затоптать ни один росток.

НОВЫЙ ТЕАТР ЗВЕРЕЙ.

В нашей традиционной рубрике «Экслибрис «Смены» мы всегда предлагаем на книжную полку молодого читателя книги разнообразной и разнообразной тематики. На этот раз публицистика представлена двумя оригинально написанными книгами: «Дни твоей дороги» — раздумья журналиста В. Липатова о делах и заботах комсомольского руководителя; «Начнем с дождя...» — интереснейший рассказ Л. Филимонова о службе погоды. Важные аспекты современного литературного процесса отражены в сборнике статей известного критика Ф. Чапчухова «Время и слово», а писатель Г. Машкин размышляет о становлении молодых литераторов Сибири. «Поэтика мизансцены» — исследование известного театрального режиссера Ю. Мочалова — привлечет внимание любителей искусства.

ПУБЛИЦИСТИКА

Начало

Очевидно, многим читателям знакомо имя журналиста Виктора Липатова по интересным, актуальным публикациям «Комсомолки», рассказывающим о жизни молодежи. Писать на эту тему представляется делом чрезвычайно сложным. Нужно действительно хорошо знать своих героев, их дела и мысли, иначе не будет веры в написанное. Виктору Липатову вернись, и это весьма ценное качество его журналистского творчества. Повесть «Дни твоей дороги» («Молодая гвардия», 1981 г.) — тому подтверждение.

«Я попытаюсь рассказать несколько эпизодов из твоей жизни, райком. Фигура первого секретаря — Сергея Романова — собирательный образ. В нем, как и в других действующих лицах, могут узнать себя комсомольские работники, с которыми автор шагал бок о бок или встречался в журналистских командировках». Автор ведет свой разговор весьма откровенно, не избегая «подводных течений» и острых углов. Подобный тон повествования располагает к дружеской беседе, той беседе, когда дозволено сказать многое. Липатов не идеализирует своего героя. Сергей Романов порой и ошибается, что присуще каждому человеку, но умеет критически подойти к своим поступкам.

Автор знакомит читателя со своим героем в тот момент, когда Сергей Романов впервые ощутил почет и одновременно тяжесть нового для себя положения в качестве первого секретаря райкома. «Огромная слава райкома пала тебе на плечи... Ты сидел один в своем, еще неприбранном кабинете и думал о своей новой должности, которую-то и должностью толком не назовешь. Как назвать профессию по призванию, в чей основе великое постоянство? Годы меняют формы, методы, стиль, но главные требуемые свойства неизменны, таковыми их видел комсомолец двадцатых и видит комсомолец семидесятых...»

Автор показывает не надуманные ситуации, а конкретные примеры из жизни. Такая документальность вызывает доверие к книге. Избегая излишнего пафоса, нарочитости, ведет свое повествование публицист. Он размышляет об увиденном и познанном. Его интересуют такие понятия, как авторитет лидера, формирование духовных ценностей современного молодого человека, нравственная чистота, личностная причастность к происходящему. Липатов размышляет о руководителе комсомольского звена, стиле его работы, мотивах действия.

Собирательность образа Сер-

гея Романова позволяет наблюдать личность с разных точек, этому способствуют и динамика действия, обширный круг разнообразных персонажей. Липатов не боится остроты сюжета. Возникающие конфликтные ситуации правдоподобны. Порой они довольно трудно разрешимы, что вполне естественно. Автор ставит своего героя в такие условия, когда наиболее ярко проявляются ход логического мышления, умение сопоставлять, находить решение, опираясь на голос разума, опыт свой и товарищей.

«...Никогда с повести дня работы комсомола не будет снят лозунг «Дойти до каждого». Потому что из каждого мальчишки должен вырасти настоящий человек. А значит: внимание, неустанный контроль за принятыми решениями, постоянное и небумажное влияние обкома, райкома, всех комитетов на молодых людей «от 14 до 28», анализ текущего момента; самый живой отклик на слово и призыв партии — отклик конкретным делом». Думается, книга Виктора Липатова адресована не только тем, кому от 14 до 28. Уходя из комсомольского возраста, человек оставляет в своем сердце привязанность ко времени юности, тому времени, что зовется началом. Повесть о Сергее Романове — умный и серьезный разговор, доброе слово старшего. Читатель давно ждал появления книги, страницы которой столь полно и наглядно рассказали бы о делах комсомола. Автор смог увидеть в частном общее. Увидеть одну из составных дня современной эпохи.

Михаил КОРОТКОВ,
участник
«Литературно-критической
мастерской «Смены»»

ПРОЗА

Первотроп

Новая книга писателя Геннадия Машкина «Сибирскими тропами и дорогами» («Молодая гвардия», 1981 г.) имеет подзаголовок: «Творческий отчет в очерках, историях, новеллах». Небольшая по объему, состоящая из девяти коротких глав, книга эта не имеет в строгом смысле слова единого сюжета, но читается она, как говорится, на одном дыхании. Писатель неизменно верен своей главной теме — в каждом рассказе или очерке он открывает нам современную Сибирь, а люди, о которых он рассказывает, несут в себе различные стороны характера главного героя — человека-первопроходца, романтика и труженика, преобразователя родного края.

В очерке «Непосторонние люди» есть такой эпизод. Встреча Нового года на далеком зимовье с коллегами по геологической партии, автор высказывает свое сокровенное желание: «За то, чтобы нас впоследствии не считали здесь посторонними» — и пишет: «...Этот тост вспоминался мне потом на просторах Сибири, когда пришлось уже в качестве пишущего встречаться со строителями, моряками, лесозаготовителями, братьями-изыскателями. Мой послынный

геологический вклад в общее дело преобразования Сибири всегда был своеобразным мандатом, который давал мне доступ на самые труднодоступные точки строек, заставлял общаться со мной самых занятых людей и раскрывал их души, точно волшебный ключ».

Геннадий Машкин — инженер-геолог. Он исходил Сибирь вдоль и поперек нелегкими маршрутами — в зной и стужу, через тайгу и гиблые топи. На сибирских тропах и дорогах встретил он крепких и надежных людей, узнал цену мужества.

Счастливым особенностью творческой биографии Геннадия Машкина было то, что свои первые шаги в писательском труде он сделал не в одиночку, а плечом к плечу с отрядом начинающих писателей-сибиряков. С большой душевной теплотой вспоминает он свою «сибирскую писательскую артель», объединившую людей неравнодушных, полных творческих исканий. Ночные споры, обсуждения первых литературных опытов, атмосфера требовательности и дружеской поддержки — такой была эта артель. Молодые ребята подавали надежды, но кто же мог бы тогда подумать, что почти вся их группа в полном составе уверено и прочно впишется в большую литературу? Александр Вампилов, Валентин Распутин, Вячеслав Шугаев, Юрий Скоп, Геннадий Машкин принесли на страницы литературных журналов свою Сибирь, и пишут или писали они о ней с любовью и нежностью, но без ложного пафоса: та Сибирь, которая возрастала их и напитала их творчество своими животворными соками, не потерпела бы фальши. Вот почему произведение этих писателей, где каждое слово выверено личным опытом, стали близки широкому кругу читателей, переросли всякие условные географические рамки.

Имя Геннадия Машкина известно давно. Искренняя и добрая книга «Синее море, белый пароход» завоевала сердца читателей. Затем были «Егор, сын охотника», «Открытие», другие повести и романы. Творческий отчет автора, облеченный в форму очерков и новелл, помогает лучше понять, где первоисточник вдохновения писателя, почему увиденное и пережитое становится книгой.

Тот, кто пройдет «Сибирскими тропами и дорогами» вместе с Геннадием Машкиным, почувствует свежий ветер необозримых просторов Сибири, азарт противостояния стихиям, радость открытий и побед.

Николай СЕМИЛЕТОВ,
участник
«Литературно-критической
мастерской «Смены»»

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Неотделимо от времени

«Время и слово» — такой заголовок вынес на обложку сборник своих статей («Современник», 1980 г.) критик Федор Чапчатов. Материалом для них послужили лучшие произведения

советских прозаиков и поэтов, появившиеся в последние годы. Особенно урожайным называет этот период автор и в богатом урожае старается выделить те «семена» — явления и тенденции, которые представляются ему характерными именно для нашего времени. В каждой из статей мы видим целостную картину взаимовлияния, взаимообогащения жизни и литературы, наблюдаем этот процесс в живом его течении. И, что особенно важно, рядом с категориями художественными активно выступает время.

Автор часто обращается к известному постановлению ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», подчеркивая, что оно способствовало активному росту философского и эстетического уровня советской критики. Однако, как замечает он во второй, посвященной этому цеху литературы части книги, «не приспела еще пора... для безмятежных репликаций о том, что на критической Шипке все спокойно». И следует конкретный, спокойный по тону, но внутренне взволнованный анализ издержек, в основе которых Ф. Чапчатов усматривает те или иные методологические просчеты.

Поистине широка география источников, дающих автору пищу для полемических размышлений, острая его критика строится на конструктивных началах. Когда же авторское перо скреживается с заряженными «желтыми» чернилами ручками писак из пестрого и изрядно потрепанного отряда западных «советологов», тогда полемика бескомпромиссна, критика уничтожительна.

Статьи Ф. Чапчачова, как верстные столбы, обозначают путь нашей литературы в последние годы. И нужно сказать, что каждое из затрагиваемых критиком произведений — «верстного» достоинства, а не вешки или промежуточные столбики.

Литературно-художественная критика и публицистика — эти два жанра плодотворно объединены автором. Как бы плечом к плечу они созидают не только литературную полезность, но и социальную заостренность, значимость каждой статьи. Таковы статьи о творчестве Виктора Астафьева, Юрия Бондарева, Василия Белова, Владимира Богомолова, Егора Исаева, Евгения Носова — в них критическое частное поднимается, высвечивается до социального общего.

Ф. Чапчатов всякий раз подчеркивает, что каждое новое время требует от мастеров слова новых прекрасных мелодий для гимна бесценным ценностям человеческого бытия: добру, счастью, миру... Потому и неотделимо слово от времени.

Константин АНДРЕЕВ

ИСКУССТВО

Театр — тоже наука!

Зрители многих наших городов помнят гастроли Красноярского театра имени Ленинского комсомола, которые проходили в начале 70-х годов. Руководил театром Юрий Мочалов. Ориги-

нальный репертуар, ясность замысла, реализованного в яркой и острой театральной форме, смелые жанровые решения постановок говорили о художественном кредо коллектива и его руководителя. «Троил и Крессида» Шекспира — трагедия-сатира, «Фрол Скобеев» Д. Аверкиева — русские потешные сцены, «Республика на колесах» Я. Мамонтова — ураган событий, «Ябеда» В. Капниста — старинная сатира. Эти спектакли были не только отличными сценическими произведениями, но и уроками настоящей театральной режиссуры.

И вот спустя десять лет выпущена книга Юрия Мочалова «Композиция сценического пространства или Поэтика мизансцены» («Просвещение», 1981 г.), которая подводит итог этому интересному опыту.

В последнее время считается естественным «поверять алгеброй гармонию», но, к сожалению, в области актерского мастерства и режиссуры подобные книги единичны. Сжато в ней анализируется весь арсенал выразительных средств режиссуры от «азимута простейшей мизансцены» до «теории дозревания» спектакля при зрителях. Читатель заставит о многом задуматься анализ постановочных контрастов, рассуждения о легкости и силе как достоинств режиссерского рисунка, о разнообразии сценического монолога, об орфографии и пунктуации мизансцен, о синхронной и зеркальной пластике, о природе творческого замысла, о домашней работе режиссуры в разные периоды подготовки спектакля, а также о его взаимодействии с актерами, художниками, производственными цехами театра. Хороший язык, сочетающий строгость анализа с образностью выводов, делает логику рассуждений еще более убедительной. В книге исследуется не только творческая «кухня» процесса постановки спектакля, но и опыт главного режиссура как руководителя коллектива.

Новая книга — ценный исследовательский труд по очень острой теме. В ней опыт режиссуры осмыслен, систематизирован. Думается, она будет встречена с благодарностью и профессионалами и руководителями, участниками самостоятельных коллективов, удаленных от центра городов и сел. Ведь они особенно ощущают недостаточность методической литературы для своей работы. Но, пожалуй, эта книга написана не только для практиков, но и для всех интересующихся театральным искусством как одним из увлекательнейших видов человеческой деятельности.

Сергей ГИППИУС,
доцент
Дальневосточного
института искусств

НАУКА

Погода на сегодня и на завтра

Если в домашней библиотеке вы расставляете книги по тематической принадлежности, то над местом для этой вам при-

дется придумать. Она будет «своей» и среди научно-популярной литературы, и на полке книг о путешествиях, и в окружении исторических томов, и в шеренге, к сожалению, пока еще не очень длинной, изданий, рассказывающих о профессиях...

Книга эта не сборник отдельных очерков или страниц из путевых блокнотов. Она цельна по своему построению и едина по тематике — все 190 ее страниц посвящены рассказу о том, с чем каждый из нас сталкивается постоянно. Вечером ли, утром ли, занимаясь своими делами и вполуха слушая радиоприемник, мы вдруг настораживаемся и затихаем: передают сводку погоды. По всей вероятности, не найти человека, которому были бы безразличны погодные сюрпризы. Только если бы эти сюрпризы влияли лишь на испорченное настроение и платье — не взял зонтик, а пошел дождь! — было бы полбеды. Но вот строки из официального документа: «По данным метеорологической станции «Нальчик», с 9 на 10 июня 1939 года в ее окрестностях выпал град величиной с куриное яйцо, сопровождавшийся сильным ливнем. В результате погубило свыше 60 000 га пшеницы и около 4000 га других культур; было убито около 2000 овец».

Можно ли предотвратить подобные катастрофы? Как ни привыкли мы к чудесам науки и техники, вопросы управления погоды в нашем представлении — это все же прерогатива будущего. А между тем древние греки, оказывается, «с пеленок знали, как поступать в подобных ситуациях: кому заказывать погоду, сколько платить и куда жаловаться в случае невыполнения заказа». Что это — розыгрыш, шутка, наивная вера в мифологические чудеса? Нет, это документально подтвержденный факт из жизни тех самых древних греков. А вот еще один исторический факт: на «вооружении» европейских землевладельцев было двадцать с лишним тысяч мортир, предназначенных для борьбы с градом.

Подобных любопытных примеров, доказывающих давнее желание человечества взять управление погодой в свои руки, в книге Льва Филимонова «Начнем с дождя...» (издательство «Мысль», 1980) читатель найдет немало. Причем автор не только собрал воедино эти исторические сведения, но и весьма систематизировал их, но и весьма убедительно прокомментировал с позиций сегодняшнего дня.

Если бы книга Льва Филимонова ограничилась лишь этой историко-публицистической частью, написанной сочным литературным языком с легким, помогающим расставить нужные акценты юмором, то и в таком случае она, несомненно, привлекла бы внимание читателей.

Но, как уже было сказано, книга эта многоплановая. Эксперты в историю органично чередуются в ней с рассказом о сегодняшних днях, о поисках эффективных методов активного воздействия на атмосферные процессы, о буднях современных «делателей погоды» — «активщиков», как они сами себя называют. Труд их — романтический, но нелегкий — показан автором ярко, но без фальши, с множеством запоминающихся деталей, достоверно. Чтобы написать эту книгу, Лев Филимонов несколько лет работал бок о бок со своими героями.

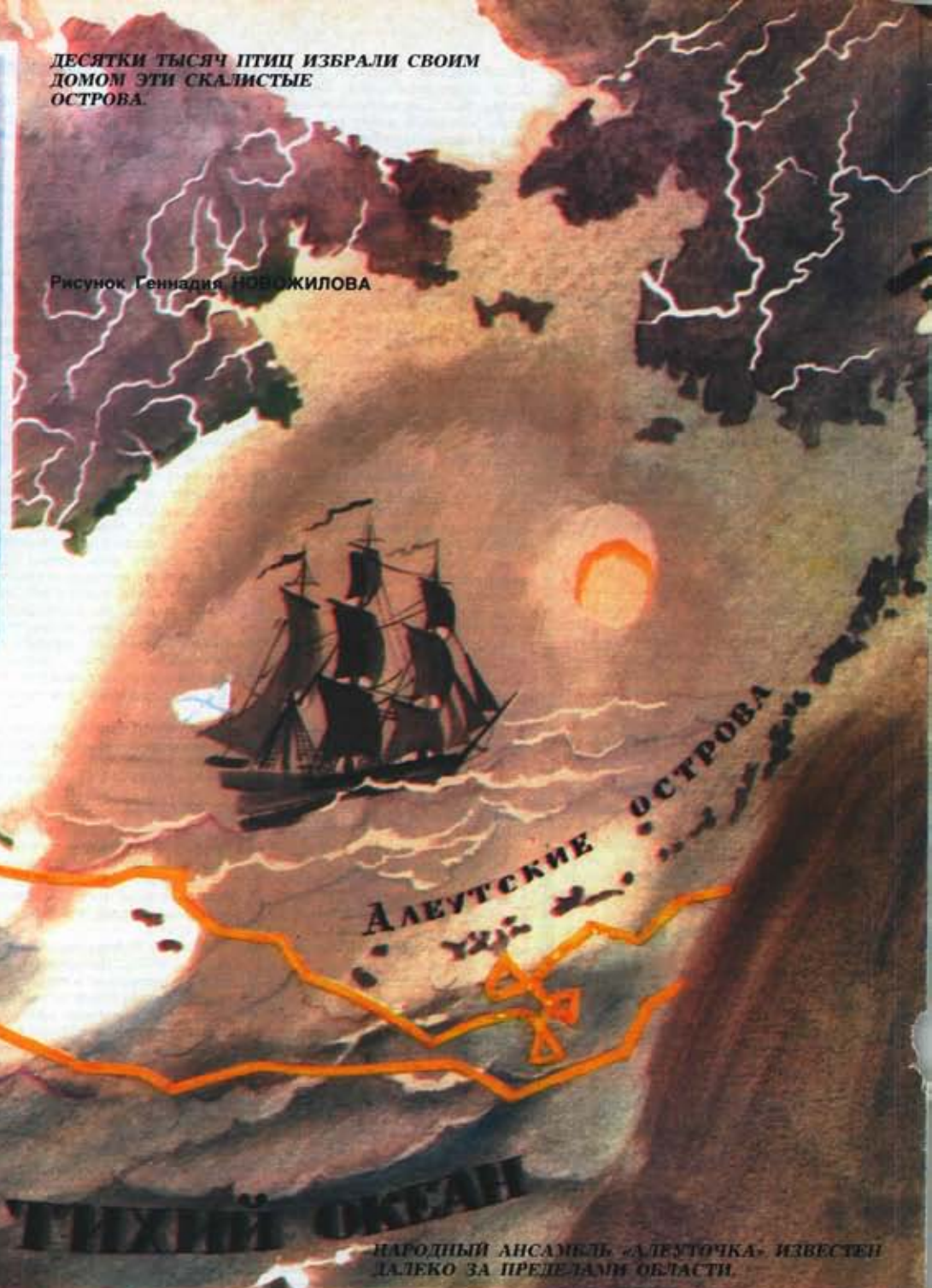
Прочитав эту книгу, молодой читатель, которому, на мой взгляд, прежде всего она адресована, представит масштабность работ по управлению погодой, ведущихся в нашей стране.

Валерий ЕВСЕЕВ

ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ПТИЦ ИЗБРАЛИ СВОИМ ДОМОМ ЭТИ СКАЛИСТЫЕ ОСТРОВА.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Маршруты бессмертия

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Нет, пожалуй, так и не вспомнить нам ни одного по-настоящему солнечного утра, с которого бы начинался день на острове. Но об этом предупреждали — всякое может быть, даром что лето: и дожди зачастят, и инеем высеребрят траву, и туманы навалятся, а то задуёт норд — в пору по-зимнему одеваться. Одно слово — Командоры, у них свой нрав, суровый, переменчивый. Хотя, грешить не будем, солнце порой выглядывало, правда, позже, к обеду, и одаривало-таки остров коротким теплом. И тогда, будто по волшебству, тусклые тона, которыми закрашивала долгая непогода океан и холмы, причудливое нагромождение камней вдоль бухты и сам поселок, размывались, и оживала, высвечивала в полную силу дикая

ОСТРОВА — ПОГРАНИЧНЫЙ РУБЕЖ ОТЧИЗНЫ.

НАРОДНЫЙ АНСАМБЛЬ «АЛЕУТОЧКА» ИЗВЕСТЕН ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОБЛАСТИ.

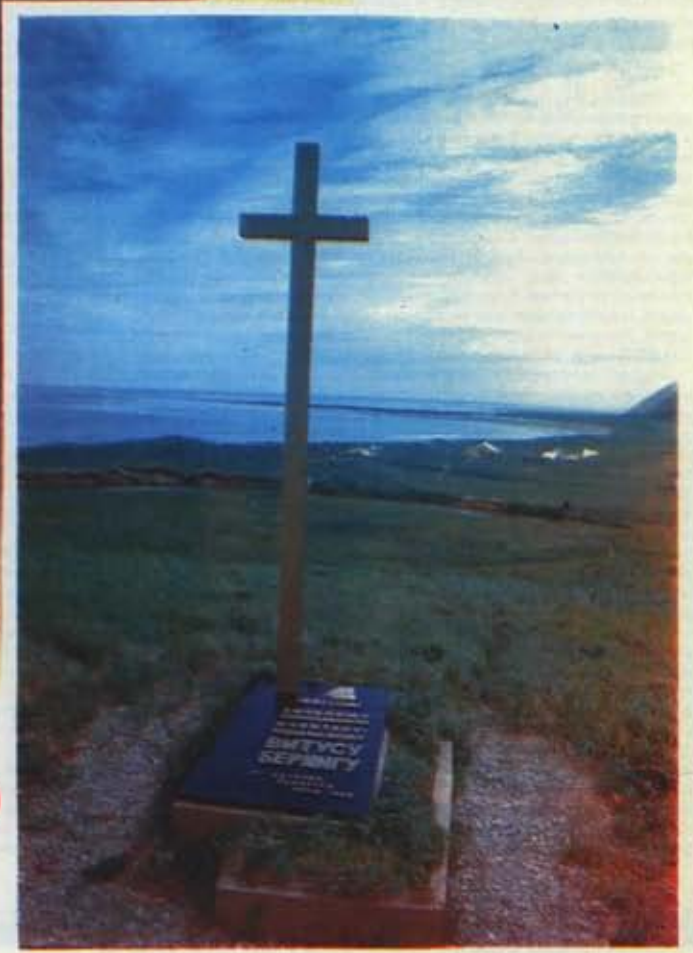
ОХРАНА И УЧЕТ КРЫЛАТЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ ПОСТАВЛЕНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ОСНОВУ.

неукротимая красота Командорских берегов, непохожих ни на какие иные. Но такое случалось редко. Обычно утро на острове Беринга встречало нас молочно-белой туманной неясностью. Из окон крошечной деревянной гостиницы, выходящих на Никольский рейд, высмотреть можно было разве что узкую кайму берега, усеянного чайками, бетонный выступ причала и, если повезет, силуэт корабля, прижавшегося чуть ли не к самому острову. Но было что-то притягательное в этом туманном недвижимом океанском безмолвии. Можно до усталости в глазах смотреть на ритмичный перекаат волн, уходящих в белесую даль, и пить полными легкими сладковатый пряный запах океана. Пить и не напиваться всласть. Многие мечтают побывать на острове Беринга. Но

МОГИЛА ВЕЛИКОГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯ.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД КОМАНДОРА,

КОТОРЫЙ ОТКРЫЛ НОВУЮ ИСТОРИЮ ДАЛЬНИХ ОСТРОВОВ
РОССИИ
И ОБЕССМЕРТИЛ ИМЕНА ОТВАЖНЫХ МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ

осуществить это не так просто даже для тех, кто живет «недалеко» от него — в Петропавловске-Камчатском. Самолеты на Командоры летают редко, корабли туда заходят и того реже. Хотя есть и расписание регулярных рейсов, но ветры, штормы и туманы изменяют его, когда им вздумается.

Мы же добрались до Командор на старой мерзеске — малом рыболовном сейнере «Мякижа», чей курс по случаю пролегал вблизи островов. И выяснилось, что даже капитан «Мякижи» Петр Дмитриевич Купянский за многие свои навигации так и не ступил на остров Беринга, хотя видел его не раз с мостика. «Интересно, конечно, — заметил в том разговоре Купянский, — все-таки остров необычный, легендарный даже, а для моряков особенно. Но раз мне можно, так и другому, значит, дай. А разреши нашему брату якориться у Беринга, недолго и всю живность там распугать». Капитан тогда попал в точку. Подход судов к Командорам потому и строго ограничен, чтобы не нарушать лишней раз покой редких морских зверей и птиц, обитающих там.

Чем же манят острова? Экзотикой? Вряд ли ею одной. Есть места красивее, пышнее растительностью, богаче зверем. И климат здесь не ласков: острова-то северные. Тогда чем же? Дальностью своей, тишиной, печальной мощью скал и утесов, особенно остро чувствуемой горожанами нетронутостью изначальной жизни.

Но только ли? Разве не мечтаем мы, еще в детские годы открыв для себя пример величия человеческого духа, ступить на землю, с которой обручила судьба нашего героя? Пусть даже столетиями заслонила его от нас история. Пусть даже тысячеверстными расстояниями разделила наш дом и порог его последней обители. Мы мечтаем. Мы ощущаем в себе настоятельную потребность поклониться памяти того, кто покори нас с детства дерзновенностью, бесстрашием, талантом. Мы приходим к могильной плите в Елабуге, ступаем на рельсы Боярки, сжимаем в ладони горсть земли с разезда Дубосеково, чтобы ощутить неразрывность времени, связующего эпохи. Ощутить ответственность, возложенную на нас жизнью и подвигом людей, ушедших в бессмертие.

Тем и влекут Командоры, что в ряду мест священных в истории России стоит остров Беринга — последняя земная стоянка великого мореплавателя, капитана-командора Витуса Йонсена Беринга и его товарищей, разделивших с ним судьбу и славу. Командоры — живой памятник экипажу легендарного «Святого Петра», потому что открыты и присоединены к России они были подвигом русских первооткрывателей. И вспомнить об этом подвиге ныне самое время, ибо ровно 240 лет назад ступил Беринг с товарищами на необитаемый берег до той поры неизвестного острова. А ровно триста лет назад родился в небольшом датском городе Хорсенсе и сам командор. Но что же известно нам о Беринге, еще не переступившем черты бессмертия?

Истории неугодно было оставить нам сколько-нибудь ясного представления о большей части жизни Беринга. Да и не было у нее к тому поводов. Судьба датского моряка не блистала особенными событиями, не щедра была к нему и на милости, кои выпадали с избытком на долю других, более везучих его соплеменников. Достоверно лишь, что до поступления на службу в Российский флот имел Беринг опыт плавания в Индию, что считалось тогда делом немалым. Потому был ему сразу жалован в России офицерский чин, правда, небольшой. В остальном же никаких отличий Берингу сделано не было. Так в двадцать с небольшим лет отдал он свою шпагу и жизнь саму делу России, ведомой Петром Великим в бушующую баталиями и обновлениями эпоху.

Водил по цареву указу уже обрусевший датчанин корабли на Балтике, участвовал и в Азовском бесславном походе. Но при всем старании не отыщем мы упоминание его имени ни в одном из наградных листов того времени. Не улыбалась Берингу фортуна, хотя свидетелей его исправной службы новому отечеству отыскалось бы в ту пору немало. И уже вышел было он в капитанском звании в отставку и собрался ехать с многочисленным семейством в тихий Хорсенс, но вдруг передумал, запросил новой службы, любой. Потому что не смог расстаться с Россией, величественной и гордой, манящей неизбывностью просторов, неукротимостью духа.

Итак, он просил новой службы. И получил ее. Наказ умиравшего Петра был краток: «1) Надлежит на Камчатке или другом таможем месте сделать один или два бота с палубами. 2) На оных ботах плыть возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (позже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. 3) И для того искать, где она сошлась с Америкой». И именно на Беринга пал выбор Петра, когда решалось, кому возглавить экспедицию. Почему на него? Но сначала надо прояснить, что искал царь, посылая отряд так далеко от своей столицы.

Кончалась первая четверть XVIII века. Россия прочно заняла свое место среди первых европейских держав,

надолго отбив охоту у иноземных воевателей пробовать ее крепости. Корабли под русским флагом входят в Черное, Средиземное, Балтийское моря, откуда лежит путь к Америке, Индии, Китаю, таинственной Японии. Путь длинный, трудный, невыгодный, но иного пока нет. Англия, Франция, Испания, Португалия, Нидерланды спешат объявить колониями, одно географическое открытие следует за другим. А что же Россия? А Россия не нуждается в колониях, ей дай бог себя измерить и познать, ведь дальше Ермака в восточную сторону еще никто основательно не хаживал. Что же там, на востоке, где предел русской? Правда, Семен Дежнев прошел уже из устья Колымы в Анадырь, доложив о проливе, разделяющем Азию и Америку, но те сведения непрочны, их надо проверить. Дошел до Камчатки посуху и казначий пятидесятник Владимир Атласов с отрядом. Ну, а что там дальше, вправду ли Америка? Если Дежнев не ошибался, то плыть из Петербурга к землям, лежащим по ту сторону азиатского материка, через пролив удобнее.

Для России, нарождающейся могучей морской державы, ответ на этот вопрос — дело ее престижа, ее экономики и обороноспособности.

Принять командование экспедицией по разумению Петра должен был человек, не заласканный наградами, не царедворец, не сорвиголова, а истый моряк, расчетливый, опытный, упорный, верный службе и порученному делу, но и не подобострастный служака. Петр I редко ошибался в людях, не ошибся и в Беринге. Хотел и не жаловал царь наградами и чинами датчанина, но помнил — где-то есть такой, будет в нем надобность — сыщется.

По запискам приближенных к царю сенаторов видно, с каким недоумением восприняли они эту кандидатуру. Почему Беринг? Грузный, с одутловатым лицом, широким плоским носом, покатыми плечами, не всегда опрятный в одежде, он не вызывал симпатий даже чисто внешне. Да и заслуги его более чем скромны. Но с царем не поспоришь.

Так, в 1725 году зимой для Витуса Беринга началась вторая, главная его жизнь, за каждый год которой ему признательны мы и поныне.

...Командорам ли не помнить Беринга! Едва ступив на остров, мы оказались на улице, названной его именем. Не удержались, мимо длинного ряда добротных деревянных домов чисто русского покрова прошли сразу к месту, где стояли вблизи друг друга целых три памятника капитану-командору и его спутникам. Прошли, не спрашивая дороги, потому что заметили памятники еще с борта сейнера на подходе к Никольскому рейду. Первый — невысокий крест на чугунной плите поставлен был еще командой русской пограничной шхуны «Алеут» в 1891 году, два других — бронзовый бюст командора и макет пакетбота «Св. Петр» уже нашими современниками жителями Никольского. У подножия каменных постаментов лежали трепещущие под ветром белые рододендроны, цветы редкой красоты, названные кем-то командорскими розами.

Тогда же, в первый день пришли мы и в краеведческий музей поселка Никольского. Признаюсь, не ждали от него многого, музей был невелик, делил небольшую, в общем, деревянный дом с детской музыкальной школой. Но вошли, огляделись — и дух захватило. В трех более чем скромных размерах комнатах собрана вся старая и новая история Командор. Собрана любовно, тщательно, талантливо. И на первом месте то, с чего началась эта история, — материалы о второй камчатской экспедиции Беринга. Вещи, принадлежавшие ее участникам, документальные свидетельства трагедии, постигшей экспедицию на обратном пути от берегов Америки.

В крошечной, три на четыре метра, с низким потолком комнате было сумрачно, свет падал лишь на застекленные экспозиции и морскую карту, пересеченную пунктирами маршрутов «Петра». Почти прямая линия пересекала Тихий океан, соединяя два материка, — это путь Беринга от берегов Камчатки до Америки. Потом под прямым углом линия устремлялась вверх, вдоль Северо-Американского побережья — это «Петр» искал удобную для стоянки бухту. А вот и обратный маршрут, но как изломана, нелепа, беспорядочна пунктирная нить — бесстрастное отражение трагедии, постигшей экспедицию.

4 июня 1741 года пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» — двухмачтовые; толстобокие, взяв по шесть тысяч пудов груза, вышли в море. На каждом корабле было по 14 пушек и более семидесяти членов экипажа. «Петр» вел Беринг, «Павла» — Чириков. С капитаном-командором шли люди бывалые и отважные. Беды начались 19 июня, когда в тумане «Петр» разминул с «Павлом». Плыть к Америке пришлось в одиночестве. Они дошли до нее спустя почти месяц. Дошли и свершили то, к чему призывал Беринга долг последние пятнадцать лет.

Но уже вскоре Беринг приказал сниматься с якоря, его подталкивало беспокойство. Не новичок в море, капитан-командор замечал на лицах моряков следы страшной болезни — цинги, проклятия мореплавателей тех времен. Не обошла цинга и его самого. У Беринга опухли десны,

вываливались зубы, покрытые язвами ноги отказывались слушаться.

Первым умер матрос Никита Шумагин. Это случилось 30 августа. Когда его хоронили, увидели землю. Первый из цепи островов, которые назвали Шумагинскими.

Потом начался тот страшный шторм. Он истязал людей и их корабль много недель подряд. Почти каждый день кто-нибудь умирал, ослабевшая команда не справлялась с управлением корабля. «Петра» носило по океану, как щепку. Леденящий ветер сбивал с ног всех, кто выходил на палубу. Кончалась пресная вода, люди призывали смерть как избавление. Их положение было ужасным.

В своих записках штурман Свен Ваксель передает такой эпизод. Однажды за обедом он заметил Берингу, что у него совсем черные губы!

— Знаю, — ответил Беринг.

— Это цинга, вы должны лечь!

— Нет, — сказал Беринг, — я могу сделать это, когда приведу вас в Петропавловск.

Но его силы были не беспредельны, спустя несколько часов он упал на палубе и уже не смог встать. Его отнесли в каюту.

И вот 4 ноября рано утром вахтенный разглядел землю. В двух десятках миль от корабля черными горбами высились горы. Весть мгновенно облетела экипаж. Матросы приняли берег за Камчатку. Но это был остров, впоследствии названный именем Беринга. Тогда они еще не ведали этого.

...Со дня на день по разным причинам откладывалась главная цель нашей командировки: поездка в бухту Командора — единственное место на острове, помнящее живого Беринга. Но грех было бы утверждать, что мы теряли время понапрасну. Все на острове было удивительно: и природа его, и люди, и сам уклад их жизни, отличный от материкового. Ведь что ни говори, а любую малость надо сюда доставлять по морю или по воздуху. И потому каждому гвоздику, каждой трубе, каждой доске здесь особая цена.

Случилось однажды, что кончились на острове в разгар учебного года школьные тетради, а ни кораблю, ни самолету к острову не пробиться — непогода. Пришлось какое-то время писать ребятам на бухгалтерских книгах, а когда и те вышли, сшивать тетради из оберточной бумаги. Выручили все же командорских школьников, послали самолет. Почти в полном тумане прошел тот над островом на бреющем полете, сбросил контейнер с трехгодичным запасом школьных тетрадей. А через два дня погода наладилась, и первым же рейсом теплохода прислали из облоно еще тетрадей на всякий случай.

Скоро мы знали в лицо едва ли не всех жителей района, самого, наверное, малочисленного из всех, где приводилось бывать. По последним данным, живет на острове постоянно 1284 человека. Взрослое население работает преимущественно на зверозаводе, крупнейшем предприятии острова. Там выращивают норки. Начинать зверозавод не так уж давно всего с нескольких десятков зверьков, а ныне в добротной оборудованных шедях живут и плодятся десятки тысяч норк — бурых и черных. Кроме того, мужчины рыбачат, охотятся, женщины заняты в сфере обслуживания. Центр района — Никольское, хоть и невелик, а и ему нужны те же детские сады, ясли, магазины, столовая, баня, больница с поликлиникой, КБО, пожарная охрана и прочее. Без этого сегодня, пожалуй, трудно себе представить мало-мальски основательное человеческое поселение. А остров тем более.

Местные жители делят поселок на нижний и верхний. Нижний вытянулся улицами вдоль самого берега, так что в хороший шторм волна достает иных огородов. Первые дома его появились еще два века назад, когда зачастили на остров промышленники брать морского зверя. Селились внизу — ближе к океану, к бухте, к лодкам. Да и ветры не так одолевали под защитой высокого берега. Но потом стало домам внизу тесно, пополз поселок вверх на склоны. Пополз теми же деревянными избами без всякого порядка и плана.

Совершенно изменили облик райцентра два последних десятилетия. Над нижними улицами поднялся «второй этаж» поселка — многоквартирные дома, современный клуб, больница, здания райкома партии и райисполкома. Все это новое, светлое, чистое, радующее своей основательностью, красотой. И ради Никольскому дальше только так, от частных изб к городским со всеми удобствами домам. Расти вверх, но не вширь. Границы поселка определены специальным документом давно, раз и навсегда. За ними — заповедная земля острова, мир, в котором властвует природа.

За 240 лет могли бы люди, верша судьбу острова, и изломать, разрушить его первозданность. Мало ли примеров. А здесь этого не случилось. Замечательный, о многом говорящий факт. На острове почти нет

дорог. Две-три, и все. Парадокс, верно? Мы почти всюду меряем экономическую развитость района именно наличием дорог. Чем больше их, тем, казалось бы, лучше. А здесь наоборот. И все потому, что дорожат на острове покоем земли, лишней раз не хотят командорцы тревожить природу, проложив пусть даже нужную дорогу.

...К бухте, где обитало одно из котиковых стад острова, шли по тропе, то и дело теряющейся в многоцветном ковре, сотканном из рослого борщевика, черной командорской лилии и нежно-розового рододендрона. Мы были без всякого предупреждения осторожны, не смея отступить от тропы ни на шаг, замороженные красотой зеленого убранства прибрежных холмов. Но вдруг нам открылся сам берег, резко обрывающийся вниз к широкому песчаным пляжам. На всем пространстве, которое мог охватить взгляд, песок был усеян зверями, тысячами морских котиков, гревшихся на песке подобно ярам приверженцам пляжного отдыха где-нибудь в Ялте. Мы спустились ниже следом за хранителем лежбища ученым Дмитрием Ивановичем Чугунковым. Пройдя по узкой каменной гряде, оказались как бы на балконе среди стада, не обращавшего на нас ни малейшего внимания. Чугунков, отдавший двадцать лет изучению командорских котиков, знал повадки зверей до тонкости. Ближе к ним подходить не разрешил — опасно, могут напасть. Сейчас им мешать нельзя, идет борьба за гаремы, в разгаре брачные игры.

Мы слушали неспешный рассказ Чугункова о жизни животных, не сводя глаз с бурых, отливающих на солнце серебром зверей. Невольно думалось о том, каким же бережным должно быть отношение людей к этим чутким, капризным существам, чтобы не пугал их человеческий запах, не прерывалась бы вековая нить, связывающая зверей с островом.

Благодаря пояснениям ученого скоро и мы стали понимать, что происходит внизу. Крупные самцы-секачи, завладев каждый десятком самок и согнав их в гарем, отбивали атаки соперников-одиночек, оттесняя их в океан. В ход шли клыки, головы, загридки. В пылу потасовок доставалось и самкам и совсем еще малышам, не умевшим уберечься от неистовых драчунов. Но кое-кому из молодых самцов удалось-таки, обманув бдительность секачей, прорваться через заслон, они залегли поодаль от гаремов, гордые, одинокие, ждущие своего часа, когда жизнь даст им силы одолеть соперников.

Между гаремами важно разгуливали крупные чайки, хищно целясь клювами в отбившихся малышей. Эти не прочь поживиться хоть чем. На ближних утесах выжидала чего-то шайка командорских воронов, сидели, не шевелясь, зная, что рано или поздно повезет и им: драки секачей часто смертоносны. На наших глазах нарождалась новая жизнь, угасала старая и слабая. Таков был извечный порядок природы.

Мы провели на балконе долгие часы и ушли, лишь когда солнце пропало за горизонтом и взгляд перестал различать животных. Чугунков же, выждав, заговорил о наблевшем. По его словам, стадо переживает кризис — уменьшается количество самок.

...Одним из наиболее памятных открытий на острове были беринговские водопады. Мы выехали их смотреть ранним утром. Дорога шла в основном по лаиде — прибрежной полосе, еще влажной от недавно отхлынувшего океана. Время от времени путь преграждали целые бастиины из водорослей — скользких, многометровой длины жгутов, свитых громадными клубками. Пройтись через них невозможно, приходилось обезьянать.

По количеству водопадов, как говорится, на душу населения и по их разнообразию вряд ли сыщется на земле место, которое могло бы поспорить с островом Беринга. Потоки воды необычайной прозрачности и чистоты низвергаются здесь с гор вдоль всего берега. Они падают узкими, острыми, как клинки, ледяными струями, скатываются бурлящими лавинами, фонтанируют, кипят, захлестывают друг друга, скачут вниз по порогам, как по ступеням. Различны их мощь, высота, скорость. Беря начало где-то в снегах или подземных озерах, ручьи и реки вырываются на поверхность в самых неожиданных местах, вынося порой удивительной красоты самоцветы.

Любоваться водопадами можно долго. Возле одного из них присели и мы; слушали неумолчный звон струй, перестук камней. Развернули нехитрую снудь. Бутербродов оказалось до обидного мало. И тут Сережа Алексеев, районный охотовед, вдруг предложил полакомиться икрой морских ежей. Пошли по лаиде. Через пять минут карманы у всех были забиты ежами размером с некрпную баранку. Икру доставать из-под панциря без сноровки было нелегко, и

вкуса она оказалась, как говорится, специфического. Но голод не тетка, съели. Сергей, привычный к океанскому столу, уверял, что икра ежей — деликатес и вообще можно прокормиться только тем, что оставляет океан на берегу после отлива.

Так ли, нет, но лаида действительно богата всякой съедобной живностью — крабами, рачками, ежами, рыбами, мидиями, все это буквально снуют под ногами. Остается только дивиться обилию и разнообразию океанского стола. Одно плохо — к нему нужна привычка; мы же, городские жители, ее не имеем, оттого, наверное, с боязнью берем в магазине того же криля, морскую капусту, кальмара.

За дни, проведенные в Никольском, мы с особым трепетом ловили малейшие вести, доходящие до поселка из бухты Командора. Там жила и работала уже почти месяц экспедиция Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока под руководством Виталия Дмитриевича Линькова.

Археологические раскопки, организованные в год 300-летия со дня рождения Витуса Беринга, должны были дать исчерпывающие ответы на многие вопросы о последних месяцах экспедиции, восстановить первоначальный вид стоянки Беринга на острове, обнаружить все, что осталось после нее в земле. Но главной задачей исследователей, и этим жил весь остров, не говоря уж об археологах, было отыскать пушки пакетбота «Святой Петр». Этого не удалось прежде ни одной из официальных и самостоятельных археологических экспедиций, которых работало в бухте прежде немало. Пушки больше двухсот лет были загадкой и легендой бухты Командора.

Краткая история их такова. Покинув остров, участники экспедиции Беринга оставили на берегу сложенные штабелем девять чугунных трехфунтовых и пять двухфунтовых пушек. Это утверждали в своих докладных оставшиеся в живых моряки. Но вскоре пушки исчезли. Впервые их увидели на берегу в 1935 году местные охотники после сильнейшего шторма. Вывести тогда их не удалось, а вскоре пушки вновь замыло песком. Спустя 11 лет берег открыл их вновь. Из песчаного плена тогда удалось выволочить три штуки. Две были подарены правительству Дании и ныне хранятся на родине Беринга в Хорсенсе, одна — в областном музее Петропавловска-Камчатского. Остальные одиннадцать снова похоронил песок.

Экспедиция под руководством Линькова подготовилась к поискам основательно. Вооруженные специальным прибором — квантовым магнитометром, исследователи провели съемку берега и обнаружили точное местоположение пушек, покрытых более чем двухметровым слоем песка, это было в зоне отлива. Каждое утро, как только океан уходил, археологи принимались за работу. Они выбирали песок из воронкообразной ямы и выкладывали ее изнутри кольями. Но следующий прилив вновь размывал берег и сводил практически на нет все результаты дня. Работа соседней группы, занятой раскопками на берегу, была более успешной. Связываясь по радию с Никольским, Линьков докладывал об интереснейших находках, следовавших одна за другой.

Таково было положение дел изыскательской экспедиции на тот день, когда наконец нам представилась возможность попытаться попасть в бухту Командора.

Встали в пять утра. Над поселком, как обычно, висел плотный туман. С рейда моргало слабыми желтыми огоньками одинокое судно. Мимо голубых двухэтажных домов идем к центру Никольского. Благодушно позевывая, нас провожают взглядом разбуженные командорские псы — огромные, толстолапые, палевого масти.

У вездехода, приткнувшегося к стене гаража, уже ждал первый секретарь Алеутского райкома партии Борис Константинович Лебедев. На нем толстый свитер, меховая безрукавка, высокие сапоги. Лебедев с самого начала активно содействовал работе археологической экспедиции, постоянно интересовался, как идут у нее дела, пользовался малейшей возможностью побывать на раскопках, справедливо считая их кровным делом командорцев.

Чтобы попасть на противоположную сторону острова, откуда по лаиде прямой путь к бухте, надо прежде пересечь невысокий горный хребет. Мы поднимаемся все выше и выше по склонам, оставляя за собой долго не оседающую пыльную завесу. Холодно. В прорехах брезентового полога свистит ветер. Надо терпеть, машина на обычном, не гусеничном ходу к бухте не пройдет, увязнет в песке и водорослях.

Спешим, ловим отлив. Наш вездеход, шурша гусеницами по гальке, идет вдоль берега, огибая одну сопку за другой. Где-то на полпути вновь остановка. Пьем чай в охотничьей избе на берегу бухты Буян — одного из красивейших мест острова. Бухту рассекает река, тоже Буян, под стать своему назва-

нию — быстрая, сильная, абсолютно прозрачная. Знаменитая река, щедрая. Испокон веку находят в ней необыкновенной чистоты опалы, агаты, яшму и халцедоны. Черпает она самоцветы где-то в недрах острова, в самой глубине, откуда берет начало и сама. Потоком несет в море и одаривает его, словно задбывает. И море щадит бухту, даже в сильнейший шторм редко его волны добегают до песчаных дюн, окаймляющих берег. Потому и не угасает извечная красота Буяна.

И снова в путь, мимо уже привычных глазу густых (человеку не пробиться) зарослей высокой травы и кустарника. Возле одного из ручьев спугнули песка. Черный, облезлый и потому бесстрашный, он отбежал на несколько метров и преспокойно уселся, дожидаясь, когда мы отведем подальше. Невольно вспомнились строки из дневников соратника Беринга Штеллера, где описывается, как отбивался он от наглых песцов. Тысячи зверей тогда безраздельно хозяйничали на острове. С тех времен их заметно поубавилось, но и теперь песцы на Командорах не редкость, мы видели множество их следов на всем пути.

Бухта Командора открылась издалека — ровная дуга берега, соединяющая два мыса. Не доехав до нее добрых полкилометра, сошли с вездехода. К бухте хотелось подойти пешком. Навстречу нам уже бежали ребята из поселкового интерната, размахивали кепками: каждый гость в бухте — событие. А вот и сам Линьков, высокий, грузный, в брезентовой куртке, с загоревшим, обветренным лицом. Он не спешит рассказывать, дает возможность осмотреться, почувствовать этот берег командора сердцем, памятью.

...Вот о чем повествуют немногие воспоминания участников беринговской экспедиции. Тогда, 4 ноября, к вечеру ветер усилился до штормового. «Св. Петра», почти лишенного снастей и парусов, неудержимо несло к берегу. Штурман Свен Ваксель доложил капитану-командору, что команда не в состоянии более управлять пакетботом. Беринг уже несколько недель не вставал с постели. Измученный болезнью, с почерневшим лицом, он прерывался, казалось, в едва дышавшую мушкетю. Можно было лишь удивляться, как ему, шестидесятилетнему, удавалось столько времени обманывать смерть. Выслушав Вакселя, Беринг едва слышным голосом попросил позвать к нему в каюту всех, кто мог еще переждаться.

Капитан-командор смотрел на худые, изможденные, с черными провалами глаз лица, казалось, не узнавая их. А ведь он повел их в плавание другими — здоровыми, сильными, веселыми. Многих он знал давно, привык считать не подчиненными — товарищами. Он ценил и уважал их не по чинам, за преданность делу, за отвагу. Матросы, солдаты, они стояли вдоль стен каюты, и в глазах, которыми они смотрели на Беринга, была смертельная усталость. И искра надежды.

Мнение было одно — неведля приставать к берегу. Протестовал лишь Овцын. Славный моряк, отважнейший человек, он предлагал прежде найти удобную безопасную бухту, а потом уже причаливать. Риск идти прямо к берегу слишком велик — корабль разобьется о скалы. Капитан-командор взял сторону Овцына. Но экипаж впервые не послушался своего капитана.

«Петр» пошел к берегу. Медленно, разламываясь от сильной бортовой качки, захлестываемый волнами, пошел наугад к черным утесам. Там — спасение или... быстрый конец.

Они бы, наверное, все погибли, путь кораблю преградила каменная гряда. При первом же ударе о нее «Петр» неминуемо должен был рассыпаться. Но произошло чудо. Судьба, столь немилосердная к ним прежде, сжалилась над этими людьми и подарила им спасение. Огромная волна за секунду до столкновения со скалами подхватила корабль и перебросила через камни. «Петр» оказался в защищенной от волн, тихой лагуне.

Они прожили на острове долгие месяцы почти без крова, будут бороться с голодом, болезнями, холодом, отбиваться от песцов, впадать в отчаяние и цепляться за самую крохотную надежду. Они похоронят на этом острове еще многих своих товарищей. Последним пристанищем станет берег его и для капитана-командора. Он умрет 8 декабря, завернувшись в остатки парусов. Умрет как моряк, устремив потухший взор в безжалостный холодный океан. Он никогда не узнает, что остров, принявший его останки, станет пограничником между Тихим океаном и морем, которое назовут его именем. Смерть командора будет последней, венчающей собой длинный список жертв, принесенных Россией открытию Берингова пролива, нового пути в Америку, многих больших и малых островов, исследованию Камчатки, северной части Тихого океана и прочего. Смерть капитана-командора положит начало освоению далекого российского края, которому суждено вскоре стать непреодолимым северо-восточным бастионом для недругов земли русской.

28 августа 1742 года остатки экспедиции — 46 человек на крошечном корабле, построенном из остатков «Петра», — вошли в Авачинскую бухту. Они привезли образцы редких островных растений, множество песцовых шкур, карты островов, рисунки и описание неведомого животного под названием морская корова, рассказы о том, что пережили, весть о гибели командора и тридцати членов экипажа. Но как бы там ни было, Беринговым походом Россия раздвинула границы до самой Америки.

капитаном, верша волю Петра. Вчитайтесь, какие русские имена! Матрос II статьи Никита Шумагин, морской гренадер Андрей Третьяков, морской солдат Алексей Киселев, камчатский солдат Лука Завьялов, адмиралтейский купор Степан Болдырев, сибирского гарнизона солдат Карл Пашенской... Как нелегко было отыскать их в тени посмертной славы командора! Но отыскали. Ведь каждое имя — судьба, каждая судьба — частица российской истории. Этими людьми, пращурами нашими, добыты морская слава Отчизны, мощь ее, великие пространства. Ими завещано потомкам хранить и умножать добытое, не щадя жизней своих.

Мы кладем цветы к могильным плитам и замираем в минуте молчания. Спускаемся в бухту. А там уже возле палаток разложены находки экспедиции, добытые из земли, воскресшие свидетельства подвига. Это пули и ядра, русский штык и топоры, ножницы и пуговицы, покровочное железо и остатки такелажа пакетбота, монеты и клейменные кирпичи.

...Пушки Беринга удалось поднять лишь спустя несколько дней, когда в помощь археологам были присланы экскаватор и мотопомпа. Первую подцепил зубьями ковша экскаваторщик, алеут по национальности Леонид Чернышев. Спустя полчаса под слоем коррозии удалось прочесть «Каменский завод. Год 1733». За три дня было поднято семь пушек.

Вдумайтесь, изнемогавшие от усталости и болезней русские моряки не бросили пушки на разбитом корабле. Ибо и тогда не в чести было у нас оставлять оружие на поле брани (коим был для них океан). Взяли с собой на берег. Не завоевывать землю, а оборонять, если придется.

ОСТРОВА И ПОНЬИНА ОДАРИВАЮТ НАС УДИВИТЕЛЬНЫМИ ОТКРЫТИЯМИ. ВСЕ ЗДЕСЬ: ХОЛМЫ И ТРАВЫ, ПЕЧАЛЬНЫЕ УТЕСЫ И ЗОЛОТЫЕ ПЛЯЖИ, ЖИВОТНЫЕ, ПТИЦЫ И ОБИТАТЕЛИ

МОРСКИХ ГЛУБИН — ИЗ НЕТРОНУТОГО, ВОЛШЕБНОГО МИРА, КАКИМ УВИДЕЛИ ЕГО ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ ДВА С ЛИШНИМ ВЕКА НАЗАД.

...Зеленая кромка водорослей колышется в волнах, дальше за ней — поверхность моря рассекает черная иззубренная гряда рифов, через которые перебрисило «Петра». Он лежал на боку изломанный, оборванные снасти сплелись с водорослями. Это было где-то здесь, совсем близко, между рифами и серым песком берега. Обессиленные путешественники ступили на берег и поднялись вверх к подножию сопки. Между дюнами они нашли спасение от ветра и снега. Где-то здесь была последняя береговая каюта командора.

Мы идем с Линьковым к вскрытым землянкам-ямам, где жили спутники Беринга. Контуры жилищ бережно восстановлены руками археологов и их добровольных помощников — курсантов Дальневосточного высшего инженерного морского училища и юных командорцев. Просеяна буквально каждая горсть земли.

Узкая тропа ведет вверх, там на склоне сопки висит крест, знаменитый крест командора — первый памятник подвигу Беринга, последний ориентир его в безбрежье истории. Он был истинным мореплавателем, и его могила на самом краю света, среди горбчатых сопки — это ли не горделивый венец жизни, наполненной годами тяжелых трудов, самоотречения и короткими мигами счастья первооткрывателя!

На плите под крестом надпись: «Великому мореплавателю капитану-командору Витусу Берингу». Не забыты и те, кто погиб в том походе вместе со своим

**ЮНЫЕ КОМАНДОРЦЫ.
«ФОТОГРАФИРУЙТЕ
НАС НА ПАМЯТЬ».**

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.10.81. Подписано к печати 20.10.81. А 05200. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1145000 экз. Изд. № 2616. Заказ № 1474. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Во сколько ходов белые, начиная, дают мат при наилучшей защите противника?
III

Предлагаем вниманию читателей «Смены» запоминающийся фрагмент партии, сыгранной победителем.

ми из 11 возможных победу разделили ленинградец Андрей Лукин и тбилисец Дмитрий Гедеванишвили. Оба выполнили норматив балла международного мастера. Вот наглядный пример игрового почерка одного из лауреатов.

шахматном жанре стал москвич Борис Постовский. Он прошел марафонскую по времени дистанцию без поражений, набрав 11 очков из 16 возможных. Второе и третье призовые места с 10 очками у каждого разделили А. Цамрюк из Самарканда и москвич М. Архангельский.

Приводим интересный фрагмент партии, которую победитель этого заочного соревнования выиграл белыми у известного советского шахматного мастера и теоретика А. Уфимцева (Кустанай).

К такой позиции борьба свелась после 13-го хода черных. Умелыми и энергичными маневрами белые создают атаку на позицию длинной рокировки противника. Последний вынужден только обороняться, ибо видов на встречную активность у него нет.

14. b2—b4! Фa5—b6 15. Kc3—a4 Фb6—b5 16. Фd1—c2 Kрc8—b8 17. Ka4—c5 Cd7—c8 18. a3—a4 Фb5—b6.

Пешка на поле «b4» неувязима ни сейчас, ни на следующем ходу, так как вскрытие вертикали на ферзевом фланге повлекло бы для черных немедленное фиаско.

19. Kf3—d2! Kf6—d7 20. Kd2—c4 Фb6—c7 21. Cg5—e3 Kd7—f6 22. b4—b5 b7—b6 23. Kc5—b3 Kf6—d5.

Отдавая коня, черные пытаются найти контржансы. Белые же не удерживают материального перевеса, а быстро доводят наступление до решающего:

24. e4:d5 c6:d5 25. a4—a5! d5:c4 26. a5:b6 a7:b6 27. Фc2—a2! Cc8—b7 28. d3:c4, и черные сдались.

Одиннадцатый тур

(Продолжение. Начало см. в №№ 11—15 и 17—20 журнала).

Белые начинают и дают мат в шесть ходов.

Ход черных. Оцените шансы сторон.

Напоминаем, что при переписке с редакцией по шахматному конкурсу надо пользоваться только открытками (без конвертов). На каждой открытке вы с помощью сокращенной шахматной нотации приводите основные варианты, подтверждающие ваш вывод, ваше решение. В случае, если вы найдете побочное (не учтенное автором или жюри) решение, докажете нерешаемость и т. п., вы тоже получите два очка, которые даются за правильный ответ.

Заломните, пожалуйста, что письма на одиннадцатый, предпоследний тур конкурса нужно посылать в редакцию в период с 11 по 25 января 1982 года (согласно штемпелю отправления).

В турнирном калейдоскопе

Превосходно выступили советские шахматисты в одном из представительных по составу участников международных турниров — мемориале Хосе Рауля Капабланки в Сьенфуэгосе на Кубе. Первое место занял гроссмейстер из Краснодара Виталий Цешковский — 9,5 очка из 13 возможных. Второе и третье призовые места разделили представители молодого поколения гроссмейстер Адриан Михальчишич из Львова и международный мастер Александр Чернин из Харькова.

К этому положению пришли после 19-го хода черных В. Цешковский (у него были белые фигуры) и кубинский гроссмейстер Г. Гарсиа. Благодаря четким действиям белые находят слабые места в неприятельском лагере.

20. Ld1—h1 Kрd8—c7 21. g2—g4! Kрc7—b7 22. Cd2—e3 Kc6—e7 23. Kf3—h4 Lc8—c7 24. f2—f4 Lf8—c8 25. f4—f5.

Инициатива белых на обоих флангах обрекает соперника на «глухую» защиту.

25. ...Ke7—g8 26. Kрe2—d2 Kd7—f8 27. Lh1—b1 Lc7—c6 28. Lb1—f1 f7—f6 29. f5:e6 Kf8:e6 30. Kh4—f5 Lc8—c7 31. Ce3—f2!

К атаке подключается и белый слон, стоявший в резерве. Угрозы нарастают и, когда ладьи белых захватывают крайнюю вертикаль на ферзевом фланге, становятся неотразимыми.

31. ...Kрb7—a7 32. Cf2—g3 Lc7—d7 33. Cg3—h4 Ke6—c7 34. Lb2—b1 b6—b5 35. Kf5—d6 Kрa7—b6 36. Lb1—b2 Kg8—e7 37. Ch4—g3 Ke7—g8 38. Lf1—b1 Kрb6—a7 39. Lb1—a1 Kрa7—b6 40. e4:b5 Kc7:b5 41. Kd6:b5 a6:b5 42. Lb2—a2!, и черные капитулировали.

Удачу нашим шахматистам принес и недавний традиционный международный турнир в польском городе Наленчuve. С 8 очка-

КРОССВОРД

Составил П. ФОМИНЫХ,
Феодосия

По горизонтали:

4. Птица семейства аистов, обитающая в лесах, среди болот. 7. Одна из сторон бухгалтерского баланса. 9. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 10. Народная песня на слова И. З. Сурикова. 11. Остров в Эгейском море. 12. Приток Северского Донца. 13. Режущий инструмент для образования отверстий. 16. Один из двух условных кругов, параллельных экватору. 19. Терраса вдоль стены дома. 22. Короткое сатирическое стихотворение. 23. Ягодный кустарник, медонос. 25. Почтенный человек в Средней Азии, на Кавказе. 27. Деталь часового механизма, регулятор хода. 29. Приток Енисея. 31. Авиаконструктор, академик, трижды Герой Социалистического Труда. 32. Повесть В. Л. Василевской. 33. Морской порт в ГДР. 35. Город в Саратовской области. 36. Драгоценный камень. 37. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.

По вертикали:

1. Крупный морской рак. 2. Участник вооруженной борьбы в тылу противника. 3. Кормовой знак. 5. Писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 6. Русский флотоводец, адмирал. 7. Зал в средневековой русской архитектуре. 8. Порт в Турции. 14. Узор на ткани. 15. Повторение определенного раздела музыкального произведения. 17. Кушанье из кваса с зеленью. 18. Роман Ж. Санд. 20. Первый в мире мощный ледокол. 21. Русский струнный инструмент. 24. Рабочий типографии. 25. Город в Азербайджане. 26. Народный артист СССР. 28. Спортсмен, идущий в состязании впереди. 30. Спортивная площадка, покрытая льдом. 32. Зодиакальное созвездие. 34. Птица, обитающая в лесах Новой Зеландии.

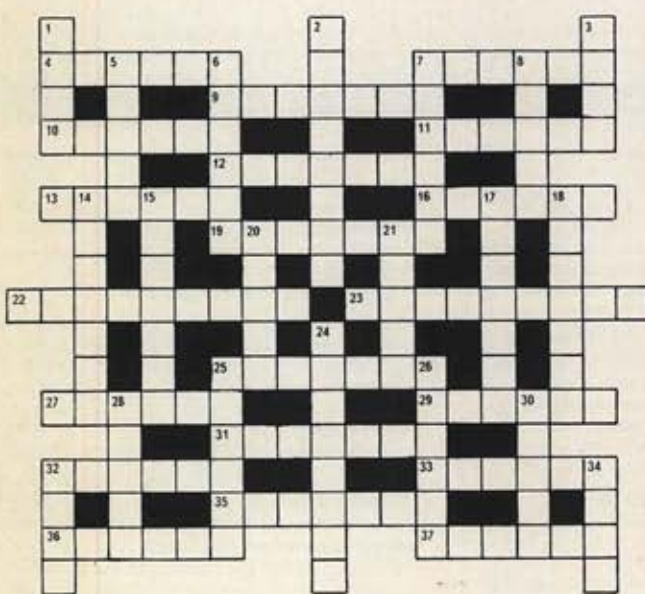
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21

По горизонтали:

5. Ленинград. 6. «Революция». 9. Барельеф. 10. Арсеньев. 13. «Неизвестная». 14. Днестр. 16. Данила. 17. Линховоин. 19. Иридий. 20. Фланг. 22. Шукшин. 23. Космодемьянская. 26. Октант. 28. «Репка». 30. «Восход». 34. «Возмездие». 37. Мимоза. 38. Гафури. 39. «Псковитянка». 41. Буденный. 42. Акварель. 43. Микроскоп. 44. Воробьева.

По вертикали:

1. Лелюшенко. 2. Орлеан. 3. Гвинея. 4. Кимберлит. 7. Рейзен. 8. Бруто. 9. Биосфера. 11. Вронский. 12. Пехота. 15. Рейд. 16. Диск. 17. Лейтмотив. 18. «Нашествие». 20. Фидер. 21. Гряды. 24. Скалозуб. 25. Портфель. 27. Арка. 29. «Премия». 31. «Снег». 32. Призвание. 33. Мордочка. 35. Злотый. 36. Дорка. 39. Пленка. 40. «Аврора».

В ПОЛДЕНЬ НА КРЕСТЬЯНСКОМ ДВОРЕ

Аурел Гуцу — сын потомственного виноградаря. Он родился и вырос в молдавском селе, и ему рано пришлось познать труд на земле и соленый рабочий пот, рано довелось ощутить немногословное участие и заинтересованность односельчан.

Вглядываясь сегодня в его работы: портреты, пейзажи, сюжетные полотна, книжную графику, скульптурные миниатюры — видишь, как тепло и любовно отношение художника к своим героям: землякам, людям труда и искусства. И еще одно бросается в глаза при всем различии тем, цветовых и световых решений — откровенно народные истоки.

Тяга к постижению национального характера через молдавский фольклор открылась у Аурела Гуцу еще в годы занятий в художественном училище, а раскрепощение этой тяги, работа в излюбленной тематической гамме пришли во время учебы на отделении художников кино во ВГИКе. Воплощение излюбленных образов народного творчества, современное художническое видение фольклорных персонажей, современное звучание фольклорных мотивов — одна из главных отличительных черт Аурела Гуцу как мастера.

...Солнце бросает багряные блики **ЩЕДРАЯ ОСЕНЬ.**

МИОРИЦА.

МОЕ ДЕТСТВО.

ПОЭТ НИКОЛАС ДАБИЖА.

на крестьянский двор. Под навесом варится на летней печке варенье, стоят ведра, бочонки, сушится на вешалках табак... На минутку оторвалась от дел хлопотливая бабушка. Что-то хочет поведать она любимому внуку: может, сказку? Может, быть? Может, хочет отругать сорванца за проказу? Конкретное, реалистическое полотно. При всей его внешней будничности увидишь влюбленность в родную землю, в ее людей, их работу и непримиримый быт.

...Берег лесного озера. Осторожно, хотя и безбоязненно, входит в воду юная купальщица. Синий туман окутал деревья, затенил дали, сделал мир призрачным, неясным, сказочным. Это и сказка, и быль, и мечта художника...

В оригинальной манере — явное соседство народного лубка и строгой реалистической выписанности, детализации — выполнены многие портреты. Осо-

бенно интересен портрет молодой молдавской поэтессы Леониды Лари. Суровое, напряженное, даже аскетическое лицо молодой женщины на фоне множества стилизованных под лубок лиц юющих детей.

Аурел Гуцу — еще и известный в Молдавии график, художник книги. Издательства республики за последние годы выпустили в его оформлении около трех десятков книг прозы и поэзии. Особенно любит художник работать над иллюстрациями к детским книжкам.

— В искусстве, мне кажется, главное, — говорит Аурел Гуцу, — возможно дольше сохранить детскую непосредственность и свежесть чувств. Чистота мировосприятия сама по себе сродни таланту. Техникой можно овладеть. Чистотой мысли, добрым взглядом на мир овладеть нельзя. Это сердечный дар.

Леонид ХАНБЕКОВ